

КЕН ДРАЙДЕН. «ХОККЕЙ НА ВЫСШЕМ УРОВНЕ»

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Книга Кена Драйдена, вратаря канадских профессионалов, посвящена первой серии встреч между сборными хоккейными командами Канады и Советского Союза, состоявшихся осенью 1972 года. Острота и напряженность этих спортивных баталий свежи в памяти миллионов болельщиков как на нашем континенте, так и по ту сторону океана. Для канадских любителей хоккея (а они, как утверждает Драйден, составляют практически все население страны) результаты этих встреч явились подлинным потрясением. «Советские хоккеисты совершили сдвиг в нашей общественной и индивидуальной психологии: они лишили нас слепой веры в то, что Канаде – и только ей! – принадлежит монополия на настоящий хоккей», – писали канадские газеты.

Этим ощущением чрезвычайности события пронизана вся книга Драйдена. Автор пытается разобраться в причинах неудач, поставивших канадских профессионалов в весьма сложное положение. Он детально описывает и анализирует подготовку канадской сборной, совершает экскурсии в историю любительского и профессионального хоккея Канады, внимательно изучает игру советских хоккеистов.

Драйден старается трезво и объективно смотреть на вещи. Он четко видит недостатки профессионального хоккея, хотя, оставаясь истинным профессионалом, нередко оправдывает их. Он понимает, что хоккей, как часть общественной жизни страны, неизбежно несет на себе отпечаток той общественной формации, той среды, к которой принадлежит. С большим интересом он присматривается к условиям жизни и спортивным занятиям своих соперников, к постановке спортивного дела в СССР.

Перевод книги Драйдена дается с некоторыми сокращениями, которые касаются в основном тех мест, где автор пишет о второстепенных вопросах, не имеющих прямого отношения к играм или требующих специальных разъяснений. Учитывая интерес читателей ко всем встречам с канадскими профессионалами, издательство включило в книгу технические результаты второй серии игр, а также ряд фотографий, рассказывающих о поединках 1974 года. Во вступительной статье старшего тренера сборной команды СССР по хоккею Б. П. Кулагина дается подробный анализ первой и второй серии встреч.

Таким образом любители хоккея смогут познакомиться с двумя матчами и двумя точками зрения – канадской и советской. Естественно, эти точки зрения не идентичны, хотя между ними и много общего. Но в главном они едины: хоккейные встречи «на высшем уровне» нужны и полезны – они стимулируют развитие мирового хоккея и способствуют укреплению дружбы между народами СССР и Канады.

О ДЕЛАХ ХОККЕЙНЫХ

Сегодня стало очевидным, что встречи хоккеистов Советского Союза с канадскими профессионалами открыли новую эпоху в истории мирового хоккея. А ведь еще не так давно сама идея подобных встреч находила больше противников, чем сторонников, как по ту, так и по эту сторону океана.

В книге Кена Драйдена убедительно показан процесс естественного, я бы сказал, закономерного развития событий, предопределивший эти серии спортивных встреч. Можно не соглашаться с отдельными формулировками автора, но в главном он прав: эти встречи были нужны и канадскому и советскому хоккею.

Действительно, к началу 70-х годов в мировом хоккее сложилась любопытная ситуация: звание чемпиона мира носили сразу две команды. Конечно, с точки зрения Международной федерации

хоккея чемпион был один – сборная СССР, никому не уступавшая с 1963 года этот титул. Но было известно, что канадцы называют чемпионом мира свою профессиональную команду – обладательницу Кубка Стэнли. Вот их доводы: поскольку канадские любители на равных борются с сильнейшими любительскими командами Европы и в то же время на голову слабее профессионалов из Национальной хоккейной лиги (НХЛ), то, следовательно, профессионалы и есть истинные чемпионы. Здесь налицо, правда, передержка: любительские сборные Канады начиная со второй половины 60-х годов, как правило, в тройку призеров на первенствах мира не попадали. Впрочем, доказательствами канадцы себя особенно не утруждали, считая, что сомнений в том, кто же сильнейшие в мире, попросту быть не может.

Однако сомневающиеся были, – патер Бауэр например.

Этот человек, в течение нескольких лет возглавлявший любительскую сборную Канады, не раз подчеркивал, что европейский хоккей чрезвычайно силен, что его козыри – скорость, комбинационную игру – нелегко побить даже лучшим звездам профессионального хоккея.

Правда, высказывания Бауэра не принимали всерьез: кто проигрывает, всегда подчеркивает силу победителя. Лишь одно «но» препятствовало тому, чтобы поставить крест на мнении патера. «Но» это высказал знаменитый канадский форвард Морис Ришар, известный всей Канаде под прозвищем Золотая Ракета.

«Расширяя Национальную хоккейную лигу (а количество команд в ней увеличилось с 6 до 12), мы убиваем хоккей, – писал Ришар. – Появление новых клубов привело к тому, что во многих матчах победитель известен заранее. Хоккеисты, не умеющие делать и половины того, чем обязан владеть хороший игрок, получают тем не менее место в клубах НХЛ. Зрители порой спят на трибунах, а мы ублаживаем их сказками, что хоккея, лучшего, чем у нас, нет нигде в мире. Начинается застой, и нам нужна хорошая встряска».

Нужно сказать, у «Ракеты»-Ришара было не много сторонников. Да и те – в основном из числа бывших суперхоккеистов. Это дало повод прессе назвать их высказывания «брюзжанием старых ворчунов».

Такой была ситуация в начале 70-х годов в Новом Свете. А у нас в Европе...

Сборная СССР, встав на высшую ступеньку пьедестала почета в 1963 году, не уступала этого места никому. Бывали, правда, критические ситуации, но ножку нам подставляли отнюдь не канадцы, а хоккеисты Чехословакии да иной раз шведы. И если бы все наши помыслы были устремлены только на то, чтобы владеть титулом чемпионов мира, наверное, не стоило бы и огород городить: отказ канадцев от участия в чемпионатах мира существенного влияния на распределение мест в призовой тройке не оказал.

Однако советских хоккеистов интересовали не только почетные звания, но и судьба хоккея, будущее этой замечательной игры. Ситуация же сложилась такая, что ее прогресс был под угрозой. Сборные СССР, Чехословакии, Швеции, Финляндии – эти четыре команды были вне конкуренции. При всем моем уважении к хоккеистам Польши и ГДР они были не в состоянии перегнуть кого-либо из четверки фаворитов, и в результате почти половина матчей чемпионатов мира сводилась не к тому, кто победит, а к вопросу, сколько шайб забьют лидеры. Естественно, это не могло способствовать дальнейшему развитию европейского хоккея.

Кроме того, не секрет, что при всем разнообразии тактики команд СССР, Чехословакии, Швеции у этих сборных куда больше общего в трактовке игры, чем различий. Хоккей же Канады – хоккей иной, в нем другие акценты. И хотя самоизоляция канадцев приносила вред в первую очередь им самим, европейцы тоже оказались не в лучшем положении. Чтобы доказать это, позволю себе провести такую параллель.

Представьте себе, что в силу каких-то обстоятельств южноамериканский футбол где-то в середине 50-х годов оказался бы изолированным от футбола европейского. Привело бы это к гибели футбола? Конечно, нет. Однако южноамериканцы остались бы, наверное, непревзойденными «жонглерами» и индивидуалистами, а европейцы исповедовали бы рациональный, основанный на командной игре футбол. Вероятно, в конце концов все пришло бы к тому же, к чему пришел футбол ныне. Но на это ушло бы куда больше времени. А ведь в той же Европе или в Южной Америке порознь куда больше различных футбольных школ и течений, чем во всем хоккее, вместе взятом. Вот почему мы пошли на встречи с профессионалами. Вот почему трезвые головы в руководстве НХЛ тоже искали этих встреч.

Правда, среди руководителей НХЛ были и такие, кто рассчитывал, победив чемпионов мира, использовать это исключительно для рекламы превосходства профессионального хоккея над любительским. И в этом была известная опасность. Но, как говорится, трус в хоккей не играет.

После того как весной 1972 года была достигнута договоренность о серии матчей СССР – Канада, в обоих лагерях началась подготовка. О том, в какой атмосфере готовились канадцы, великолепно пишет Драйден. Я ограничусь лишь парой примеров.

В течение нескольких лет ворота канадских любителей защищал Сет Мартин. Как защищал? Достаточно сказать, что почти на всех первенствах мира с его участием он получал звание лучшего вратаря чемпионата. После того как канадцы отказались от мировых первенств, Мартин ушел в профессионалы. И вот даже далеко не в самой лучшей команде НХЛ – Мартин подписал контракт с клубом «Сент-Луис блюз» – он не нашел себе постоянного места. Сначала был вторым вратарем, причем большую часть игр сидел на скамейке запасных, затем был отодвинут на третьи роли.

Вывод напрашивался сам собой: вратари-профессионалы на голову выше вратарей-любителей... Броски форвардов-профессионалов (раз уж сам Мартин не в состоянии их парировать) убийственны. Словом, профессионалы – это не просто суперигроки, а люди из легенд.

Перед матчами обе стороны по договоренности направили в чужой лагерь «разведчиков». Канадские наблюдатели, вернувшись домой, заявили, что русские играют в архаичный хоккей, что их лучший вратарь Третьяк не получил бы приглашение и в третьеразрядный профессиональный клуб, что... Короче, канадцы могут спать спокойно и считать, что восемь побед над сборной СССР уже у них в кармане.

В нашем стане реакция была двоякой. Легенды и мифы о профессиональном хоккее настолько довлели над нами, что порой мы переоценивали силы соперника. Так, один из клубных тренеров, видевших хоккеистов сборной Канады-72, рассказывал о Питере Маховличе примерно в таких выражениях: «Не руки – рычаги!... Бросок поставлен!... Обводка!... На Якушева похож, но куда сильнее!...»

Теперь-то мы знаем, что Маховлич действительно на Якушева похож, только играет послабее. Но тогда такие мысли и в голову не приходили.

Впрочем, легенды легендами, а трезвый анализ тренировок сборной Канады-72 подсказывал, что не так страшен черт, как его малюют. Уровень физической подготовки канадцев наводил на мысль о том, что три периода в нашем темпе – если мы, конечно, сумеем его навязать – они выдержать не должны, что защитники их самоуверенны и как следствие неосторожны, что вратари... Нет-нет, это я уже перебарщиваю. Тогда, в 1972 году, – а я был в Канаде перед началом матчей в качестве наблюдателя – сомнений в непробиваемости канадских вратарей у меня еще не возникало.

А что же сами хоккеисты?

Они готовились к матчам этой серии, как обычно, – благо опыт подготовки к ответственным встречам мы накопили богатый. Подстегивать никого не приходилось, все прекрасно понимали, какое доверие им оказано, какая ответственность на них лежит. Словом, психологический климат в команде был хороший.

Большую пользу в психологическом отношении сослужили рассказы старшего тренера сборной Всеволода Боброва о далеком 1954 году. Ведь именно тогда, когда большинство хоккеистов нынешнего состава нашей сборной ходило в коротких штанишках, а многих еще не было на свете, Бобров впервые встретился на чемпионате мира с канадцами. Тогда тоже многие предрекали сборной СССР поражение, и никто не верил в чудо. Однако советские хоккеисты победили канадцев – 7:3 – и стали чемпионами мира. Причем, эта победа была не чудом, а закономерным следствием всего хода развития нашего хоккея.

Да, много исторических параллелей мы находили, чтобы вселить в хоккеистов дух оптимизма, ибо не секрет, что и в 1954 году, и позднее одно слово «канадцы» наводило на иных их соперников такой страх, что те выходили на лед уже обреченными. О том, что эту психологическую задачу мы тогда, в 1972 году, успешно решили, убедительно говорит результат первого же матча в Канаде.

По сей день помню тот момент, когда канадцы забросили в ворота Третьяка вторую шайбу. Они покатали к борту сменяться, перебрасываясь шуточками, и я, хоть и не понимал их язык, будто слышал: привезли, мол, каких-то деревенских парней, с которыми и играть нечего – так, побаловаться. Да, трудно было нашей команде устоять в такой обстановке: чужой лед, соперник – лучшие канадские профессионалы, счет 0: 2... Но по той атмосфере, которая царила у нас на скамейке, можно было твердо сказать: рано радуются канадцы. Ни малейших признаков паники, никакого уныния, уверенность в себе – вот что просто было написано на лицах наших хоккеистов. И они, наши мужественные ребята, продолжали не дрогнув делать свое дело по тем планам, которые начертили мы, тренеры.

Матчи, которые нам приходилось видеть в Канаде, показали, что канадцы действуют, так сказать, вспышками: период активных действий сменяется – словно по общему согласию – довольно пассивной игрой, своего рода передышкой. Мы же не собирались давать соперникам таких передышек, использовали тактику силового давления, чтобы под этим прессом канадские игроки не имели ни мгновения для отдыха. А если учесть, что атаку у профессионалов начинают обычно защитники, то атаки эти вскоре начали срывать, так сказать, в зародыше: оказавшись в непривычных условиях постоянного нажима, игроки обороны сборной Канады стали допускать грубые ошибки.

И еще один наш прием поставил канадцев в тупик – я имею в виду быстрый первый пас. Защитники сборной СССР получили задание: как можно меньше возиться с шайбой в своей зоне, сразу же отдавать ее форвардам, которые успели набрать скорость. И хотя канадцы всю применяли силовые приемы, они припечатывали к борту, как правило, игрока, уже успевшего отдать шайбу партнеру. А партнеры в это время на большой скорости накатывались – точь-в-точь как в кино казачья лава – на ворота соперников. В результате мы выиграли первый матч у профессионалов со счетом 7:3, символично повторив счет 1954 года.

Не буду описывать подробно дальнейшее: читатели узнают об этом в деталях из книги Драйдена. Напомню лишь, что в 1972 году из Канады мы уезжали с 5 очками из 8 возможных: две победы, одна ничья и одно поражение. Уезжали в хорошем настроении (теперь можно сказать, в чересчур хорошем). Некоторые игроки забыли, что такое канадский профессиональный хоккей. Я не называю их пофамильно лишь потому, что немудрено было потерять голову от радости: ехали в Канаду с тайной мыслью, как бы не проиграть с разгромным счетом, а возвращались на коне. Естественно, московская часть серии казалась многим куда более легкой.

Но давайте вернемся все же к самому канадскому хоккею. Этой игре в Северной Америке более ста лет. Для сравнения скажу, что советский хоккей лишь не так давно отметил свое двадцатипятилетие. В Канаде это спорт № 1. Как мне рассказывали, кандидат в парламент, умеющий неплохо обращаться с шайбой и клюшкой, имеет куда больше шансов стать парламентарием, чем тот, кто по каким-либо причинам не овладел этим искусством (впрочем, таких, как утверждают, среди канадцев раз-два и обчелся). Популярность хоккея позволяет тренерам НХЛ не беспокоиться о том, где взять молодых хоккеистов. В том же 1972 году, осенью, во время тренировочного сбора клуба «Монреаль канадиенс» собралось 96 кандидатов на два – подчеркиваю, два! – вакантных места. Как, кто и где готовился к сезону – этот вопрос тренеров клуба не интересовал, им нужно было лишь отобрать сильнейших. И молодые игроки летом вскладчину арендовали лед, занимались самостоятельно усиленной физической подготовкой, хотя знали, что по конкурсу пройдут лишь единицы.

Острая конкурентная борьба за место – а она продолжается без перерыва в течение многих лет – привела к тому, что игрок, имеющий какие-либо пробелы в хоккейной подготовке, не может рассчитывать на то, что профессиональный клуб подпишет с ним контракт. Но уж если контракт подписан – это абсолютно объективное свидетельство профпригодности, своего рода диплом хоккеиста. Пробиться же из числа просто «дипломированных» в «звезды» – задача сверхтрудная, которая по плечу лишь игрокам действительно одаренным. А ведь именно из таких и была составлена сборная Канады-72.

Одна из важнейших черт игрока высокого класса – умение перестроиться. Там, где середнячок продолжает таранить лбом стену, хоккеист одаренный находит обходной путь. И «звезды» канадского хоккея, изменив всем своим традициям, в Москве начали действовать, как говорят хоккеисты, от обороны, руководствуясь принципом «прежде всего не пропустить».

Могли ли мы в 1972 году выиграть и вторую часть серии? Безусловно, могли, если бы...

Если бы не самоуспокоенность ряда игроков.

Если бы мы варьировали тактику (большинство хоккеистов сборной верило лишь в тактику силового давления, и ни в какую другую).

Если бы, наконец, мы, тренеры, на последних минутах тех встреч не допустили ряд ошибок.

Однако после драки кулаками не машут. Тем более что уроки-то – полезные уроки! – обычно легче извлекать из поражений, нежели из побед.

Три победы в Москве при одном поражении принесли команде Канады-72 и общую победу во всей серии. Однако – знаменательная деталь – никто в Канаде не праздновал эту победу как победу канадского хоккея. Даже самые предвзятые обозреватели вынуждены были констатировать- это была борьба равных соперников и лишь фортуна помогла канадцам. Так был развеян миф о непобедимости профессионалов.

Это было очень важно для нас. Мы воочию убедились, что герои легенд – такие же люди, как и все остальные, что канадский хоккей силен, но отнюдь не фантастически, что играть с профессионалами и выигрывать у них можно. Причем, выигрывать, используя богатый опыт, накопленный советской школой хоккея, ничего кардинально в ней не меняя.

Канадские хоккеисты с шайбой на «ты», но лишь когда игра ведется в среднем темпе. Если же скорость возрастает, и они порой допускают грубые ошибки. Следовательно, скорость, скорость и еще раз скорость – вот где следует искать пути к канадским воротам. Для нас, советских хоккеистов, это путь проторенный: он был намечен еще два с половиной десятка лет назад, когда хоккеисты первого поколения изменили плетеному мячику ради шайбы.

Несколько лет назад, когда еще шел лишь заочный спор, кто же сильнее, мы или канадские профессионалы, советских хоккеистов упрекали за чрезмерную замысловатость действий. Слишком много передач и мало бросков – вот суть этой критики, которой мы подвергались даже со стороны наших доброжелателей. Посмотрите, говорили они, канадские профессионалы атакуют ворота при малейшей возможности и не в этой ли рациональности секрет их успехов?

Тогда эти замечания наводили на размышления: может быть, действительно мы переоцениваем роль комбинационной игры? Однако после первой серии встреч с профессионалами эти сомнения были развеяны в сетях нашей комбинационной игры запутывались даже такие опытные защитники, как Стэплтон, Бергман, Парк. Что же касается вратарей, то и Тони Эспозито и Кен Драйден (в своей книге) признают, что именно неизвестность – кто же, в конце концов, будет бросать по воротам? – больше всего выбивала их из колеи.

Кстати, наш вратарь Владислав Третьяк косвенно доказал, что стиль наших форвардов таит в себе больше загадок для вратаря, нежели стиль канадский. Впервые играя против профессионалов, о силе бросков которых рассказывали чудеса, он приспособился к новым условиям чрезвычайно быстро, куда быстрее, чем вратари канадцев.

Да, матчи с профессионалами в 1972 году подтвердили, что в основном наш путь в хоккее правилен. Однако это вовсе не означает, что нам нечему поучиться у заокеанских профессионалов.

К сожалению, в тех весьма напряженных встречах нервы у канадских игроков часто сдавали, и они пускали в ход приемы, не имеющие ничего общего с настоящим хоккеем. Грубость, стремление любыми недозволенными способами вырвать победу – таковы уж нормы профессионального хоккея. Как известно, безобразные драки отнюдь не исключение, а, скорее, правило в матчах чемпионата НХЛ. Однако драчливость драчливостью, но действительно высокого мастерства и в первую очередь мужества нельзя отнять у канадских хоккеистов.

Самая горячая точка хоккейной площадки – «пятак» у ворот. На этом «пятак» защитники обычно не церемонятся с гостями – встречают форвардов так, что им не позавидуешь. И что скрывать, далеко не все наши нападающие рискуют врываться в эту зону, рискуют идти на добивание, у канадцев же самой посредственный форвард устремляется туда не задумываясь. Тем более что и терять-то ему нечего: все свои зубы он растерял на этих самых «пятках», играя еще за юниоров.

Конечно, это шутка. Но во всякой шутке есть доля правды. А если говорить серьезно, то Фил Эспозито оказал всем нам, тренерам хоккейных команд, немалую помощь. До матчей с профессионалами нам не раз приходилось вести с игроками разговор такого рода:

– Опять ты не идешь на добивание!...

– А к чему? Там невозможно ничего сделать. Зачем лбом об стену биться?...

Раньше приходилось пускаться в долгие объяснения, а теперь достаточно лишь упомянуть имя Эспозито.

Силовая борьба всегда считалась коньком канадцев. Когда-то, в середине 50-х годов, советская сборная специально ездила в Канаду, встречалась с сильнейшими любительскими командами, чтобы тоже оседлать этого конька. Оседлала. Да так, что в Европе по части силовой борьбы равных нам не осталось. Даже канадские любители поотстали. А вот профессионалы...

Здесь, как мне кажется, следует подчеркнуть две детали, касающиеся профессионалов. Первая – силовая борьба никогда не ведется ради самой силовой борьбы (я не имею в виду умышленную грубость). Зато уж случая отделить соперника от шайбы канадец не упустит. Стоит нападающему опустить голову – и прости-прощай шайба.

Вторая особенность ведения силовой борьбы профессионалами заключается в том, что, проведя силовой прием и овладев шайбой, канадец словно забывает об обыгранном сопернике. Он не оборачивается – дело уже сделано, – а идет вперед, даже если соперник еще дышит ему в затылок. Наши же игроки начинают себя спокойно чувствовать, лишь оторвавшись от преследователя на метр-другой.

Наконец – и это не парадокс, – теперь уже нам, как выяснилось, надо поучиться у профессионалов искусству паса. Тем более что пас – один из основных элементов советского хоккея.

В чем же дело?

Когда у нашего хоккеиста развязаны руки – никого из соперников рядом нет, – он пасует, как правило, и точно и хорошо (я, естественно, говорю об игроках лучших клубов). Под «хорошо» подразумевается – удобно для приема шайбы партнером. Но в сложных обстоятельствах – защитник пытается прижать клюшку ко льду, проводит силовой прием – точность передач резко падает. Канадцы же находят адресата и в условиях жесткой силовой борьбы. Прежде всего потому, что с детства приучены к этим условиям. Значит, чтобы добиться прогресса в этой области, нам, тренерам, надс чаще моделировать игровую обстановку на тренировках.

Кое у кого может возникнуть вопрос: не слишком ли многому я призываю учиться у профессионалов. Думаю, нет, не многому. Ведь после серии матчей 1972 года профессионалы быстро стали осваивать наши новинки, вернее, то, что былс внове для канадцев. А они умеют усваивать уроки.

Кстати, фразу «умеем усваивать уроки» произнес тренер команды «Филадельфия флайерс» Фред Широ. Заявил с полным на то основанием. Ведь именно в его команде в 1973 году были введены занятия по атлетизму, скопированные у нас. Игроки его команды стали усиленно заниматься физической подготовкой. Именно «Филадельфия», не имеющая в своем составе особенно ярких «звезд» (за исключением может быть Кларка), стала самой «командной» – по выражению канадской печати – из всех клубов НХЛ. Результат такой подготовки команды Широ говорит сам за себя: клуб «Филадельфия флайерс» стал обладателем Кубка Стэнли, главного приза профессионалов. По дороге к кубку филадельфийцы одолели такие клубы-фавориты, как «Нью-Йорк рейнджерс» и «Бостон брюинс», в которых число «звезд» исчисляется отнюдь не единицами. А что если и «звезды» начнут тренироваться, пользуясь нашими прогрессивными тренировочными методами?

Этот вопрос вовсе не риторический. В журнале «Хоккей пикчерел» уже в декабре 1972 года была опубликована статья под весьма многозначительным названием «Чему мы должны учиться у русских».

Уже само появление этой статьи в этом журнале симптоматично – прежде даже крохотной заметке о «каких-то любителях» в этом вестнике профессионального хоккея не нашлось бы места.

А тут почти научный трактат. С выкладками, с анализом, с выводами. Думаю, некоторые выдержки из статьи Джима Смита будут небезынтересны.

«В НХЛ сегодня, – пишет Смит, ссылаясь на тренера команды Канада-72 Синдена, – все сводится к броскам. Игрока учат, вбросив шайбу в нужную зону, нестись вперед с единственной целью – сделать бросок по воротам. Эту практику следует изменить. Нам показали (речь идет о сборной СССР. – Б. К.), что этого недостаточно, чтобы побеждать во встречах на международном уровне. Мы должны вернуться обратно к изучению основ хоккея».

Почему «обратно»?

Смит пускается в исторический экскурс, вспоминая игру команды «Торонто мейпл лифс» под руководством Джорджа Панча Имлаха.

«Торонтцы играли как нечто единое. Лишь некоторые из хоккеистов «Мейпл лифс» получали индивидуальные призы. Никто не побеждал в споре за титул лучшего бомбардира или звание наиболее ценного (читай – полезного. – Б. К.) игрока лиги. Только единицы попадали в первый состав «Олл старз» («Только звезды»), но команда раз за разом выигрывала Кубок Стэнли.

Все, что было достигнуто, было завоевано командой. Не отдельными игроками, а командой...»

Смит приводит слова Фила Эспозито: «Единственный путь победить русских – командная, коллективная работа на льду. Команда индивидуалистов, какими бы яркими они ни были, выполнить эту задачу не в состоянии».

Обо всем этом в подробностях вы прочтете в книге Драйдена, наполненной интересными размышлениями о хоккее. Я же привожу эти выдержки с единственной целью – для того чтобы напомнить: канадцы пересматривают многое в своем хоккее, они пробуют изменить укоренившийся взгляд на эту игру, как на спектакль «звезд». И если им это удастся...

В какой-то степени на это «если» могли ответить матчи второй серии СССР – Канада. Сейчас, после игр 1974 года, можно с уверенностью сказать: канадцы оказались усердными «учениками», они быстро извлекли уроки из предыдущих встреч с советскими хоккеистами.

Начну с состава команды Канада-74. На этот раз она была собрана из хоккеистов Всемирной хоккейной ассоциации (ВХА). Вошли в нее игроки первоклассные, но.. Не буду кривить душой и добавлю: она была не столь сильна по составу, как ее предшественница – команда Канада-72, хотя сами канадцы – Бобби Халл, например, – утверждали, что даже Бобби Орр и Фил Эспозито не усилили бы сборную Канады образца 1974 года. Мне, как тренеру команды-победительницы, было бы лестно согласиться с этим утверждением: вот, мол, кого мы победили. Но сейчас, когда я

пишу эти строки, эмоции поостыли и, бросив взгляд назад, я могу с уверенностью сказать: в команде Канада-74 не было такого количества ярких индивидуальностей, коими блистала канадская сборная 1972 года. Вспомните хотя бы, что защитник Стэплтон – защитник № 1 в сборной 1974 года – в команде 1972 года, наверное, значился в списке защитников лишь под номером четвертым или пятым – за Парком, Бергманом, Уайтом...

Однако это вовсе не означает, что в 1974 году канадская сборная в целом была слабее, чем в 1972. Если к первой серии канадцы готовились спустя рукава, чему я сам был свидетелем, то в 1974 году тренер Билл Харрис сделал все возможное, чтобы его команда вышла против нас во всеоружии. Да и психологическая ситуация в 1974 году была совершенно иной.

Когда стало известно, что сборная СССР встретится с командой ВХА, мне не раз приходилось слышать такое: мол, сборная ВХА. не серьезный соперник... это будет легкая прогулка... вы должны выиграть в сухую... Не правда ли, как поразительно напоминает это 1972 год, с той лишь разницей, что тогда не нам, а канадцам прочили легкую победу в серии.

Разумеется, эти разговоры не могли не оказать влияния на наших игроков, и теперь уже они начинали смотреть на будущих соперников этак свысока. Если бы вы знали, читатель, сколько времени нам, тренерам, потребовалось на то, чтобы разубедить их в этом. Было впору запретить переводчику переводить для хоккеистов газетные статьи, так как канадская пресса словно соревновалась в том, кто даст наиболее мрачный – разумеется, для канадской команды – прогноз.

Да, прогнозов было множество, но мое внимание привлекла одна небольшая заметка, в которой говорилось, что итог матчей сборной ВХА с нашей командой – вопрос жизни или смерти всей Всемирной хоккейной ассоциации. Дело в том, что Всемирная хоккейная ассоциация, с игроками которой мы встречались в 1974 году, – конкурент наших прежних знакомых из Национальной хоккейной лиги. И конкурент не слишком удачливый: пресса, телевидение, а следовательно, и обработанный соответствующим образом зритель не баловали клубы ВХА вниманием с первого же дня их существования. Команды ВХА, правда, заполучили ряд хоккеистов экстракласса, установив им сверхвысокие гонорары. Туда перешли такие игроки, как Бобби Халл, Пэт Стэплтон (оба из «Чикаго блэк хоукс»), Жан-Клод Трамбле («Монреаль канадиенс»), Джерри Чиверс («Бостон брюинс»), вновь надел коньки игрок № 1 канадского хоккея 46-летний Горди Хоу, который, сыграв более 20 сезонов за клуб «Детройт ред уингз», уже повесил их было на гвоздь Но канадского зрителя не соблазняли даже эти имена. Когда команда «Крылья Советов» и вторая сборная СССР выступали годом ранее в Канаде, зрителей, как нам рассказывали, на этих матчах было значительно больше, чем на матчах чемпионата ВХА.

Вот почему для игроков сборной ВХА при встречах со сборной СССР возникала дилемма: быть или не быть, либо привлечь к себе внимание победой, либо погибнуть. Как нетрудно догадаться, это заставляло их играть с удесятенной энергией.

Такой в общих чертах была обстановка перед началом матчей команд СССР – Канада-74.

Встречали нас в Канаде радушно. Многие наши хоккеисты, такие, как Валерий Харламов, Александр Якушев, Владислав Третьяк, завоевали признание у требовательной канадской публики еще во время игр первой серии. И было видно, что за два прошедших года эти симпатии не остыли.

Как и в 1972 году, открыл первый матч премьер-министр Канады Пьер Трюдо. Он заявил: «Я очень рад, что канадские и советские спортсмены участвуют в дружеских хоккейных матчах. Это в полной мере соответствует духу отношений между нашими народами. Мы друзья, но это не мешает нам соперничать в таких областях, как спорт, культура, наука».

Уже первая встреча показала, что это соперничество будет весьма острым. И хотя я пишу вступление к книге, посвященной играм 1972 года, я коротко расскажу о ходе встреч второй серии, так как они, на наш взгляд, необходимое дополнение к мыслям, высказанным Кеном Драйденом. То, что фигурирует у автора иной раз в виде умозрительных предположений, получило практическое подтверждение во второй серии матчей. Остановлюсь лишь на некоторых деталях и на отдельных эпизодах.

Итак, матч первый. Канада – СССР, 3:3 (1:0, 1:3, 1:0).

Думал, уж кого-кого, а меня Валера Харламов удивить не может. Ведь, по сути дела, он прошел через мои руки – будучи вторым тренером команды ЦСКА, я курировал команду юниоров. Я знал, что форвард он великолепный – все может, все умеет. Но когда он, обыграв двух опытейших защитников Канады, заставил их чуть ли не лбами столкнуться, а сам тем временем забил второй гол, даже я был поражен тем, как это было сделано.

Удивил и вратарь Чиверс. Мне говорили, что он лишь немногим уступает Кену Драйдену и Тони Эспозито, защищавшим ворота канадцев в 1972 году. Но по-моему, он не только не уступает, а превосходит и того и другого.

Никак не ожидал, что канадцы окажутся столь хорошо физически подготовленными. Сообщения о том, что хоккеисты сборной ВХА начали тренироваться только в сентябре, оказались дезинформацией. Билл Харрис заявил, что его

«мальчики» готовились к матчам два с половиной месяца.

Вторая игра Канада – СССР, 4:1 (2:0, 1:1, 1:0).

Мы осуществляем наш стратегический план – в Канаде измотать соперника, а в Москве победить.

Лед Торонто – в который уже раз – оказался несчастлив для советских хоккеистов. Так в пору и суеверным стать. Но дело, разумеется, не в качестве льда, хотя он, по признанию самих канадских хоккеистов, был далеко не лучшего качества.

То, что канадцы – хоккеисты жесткие, известно давно. Но мы думали, что наши защитники, Гусев и Васильев например, тоже жесткие игроки. Однако на канадском фоне оба они оказались, мягко выражаясь, слишком деликатными.

Канадцы демонстрируют нам образцы психологической подготовки. На льду у них нет равнодушных. Старый ли, молодой, «звезда» или игрок, так сказать, среднего (относительно их уровня) класса – все они действуют не щадя себя. Казалось бы, что может сделать в современном скоростном хоккее 46-летний игрок? Но когда на льду появлялся Горди Хоу, поверить в то, что рядом с ним играют его сыновья, было трудно. Старший и младшие братья – еще куда ни шло. И хотя Хоу-старший проводил на льду меньше времени, чем его молодые партнеры, но... Если бы наши молодые игроки умели так выложиться за те же самые минуты!

Игра третья. СССР-Канада, 8:5 (1:1, 3:1, 4:3).

Наконец-то Мальцев сказал свое слово. Он и в серии игр 1972 года выступал неудачно, и здесь в первых двух матчах отнюдь не выделялся. Но все же нашел себя Александр. Правда, буллит не забил, но весьма нужную четвертую шайбу забросил. После счета 4:2 дышать стало легче, пошла «своя» игра. «Своя» – значит, быстрая, в пас. И канадцы растерялись.

О необходимости быть бдительными до конца нашим игрокам напомнил Хендерсон, тот самый Хендерсон, которому команда Канада-72 обязана очень многим – в двух последних матчах в Москве он «под занавес» забил две решающие шайбы. На этот раз два гола Хендерсона сократили разрыв с 7:3 до 7:5.

Не по дням, а по часам растет Лебедев. Еще полгода назад он только «подыгрывал» Анисину и Бодунову – о большем и не думал. Теперь смело берет на себя и роль лидера. Его гол – наш восьмой в этом матче – снял нервное напряжение с игроков.

Канада – СССР, 5:5 (5:2, 0:1, 0:2).

Если бы мы проиграли эту встречу, почти наверняка услышал бы упреки в свой адрес: зачем это, мол, Кулагин в третьем периоде все звенья перекроил? А я действительно перекроил. И вполне сознательно. При счете 3:5, да когда к тому же не получается комбинационная игра, сидеть и ждать у моря погоды бесполезно. Нужно встряхнуть своих и ошеломить соперника. Вот и ошеломили.

Кто-то из представителей нашей прессы сказал: у Халла – фирсовский бросок. Ну и ну! Конечно, Толя здорово бросал – ничего не скажешь. Но у него замах чуть не полчаса длится, а Халл без всякой подготовки бросает. Словно из пушки. Три гола за эту встречу «настрелял».

Матч длился три часа с минутами – это вместо обычных двух с четвертью. То музыкальные паузы, то смена игроков затягивается. Да и перерывы между периодами куда длиннее, чем принято у нас. Задержки эти – явно часть плана Харриса. И задачи, поставленные им перед игроками, теперь тоже ясны.

Первая задача – лишить наших хоккеистов возможности вести комбинационную игру. И надо сказать, в этом канадцы вначале преуспели. После потери шайбы они брали под опеку наших свободных игроков и довольно часто игрок сборной СССР, который владел шайбой, не знал, как ею распорядиться. Терял время. А высокий темп канадцы сбивали всякого рода задержками. Только-только войдут наши игроки в привычный ритм, а тут – раз, остановка! И снова начинай с нуля.

Итог канадской части серии кое-кого из наших любителей хоккея разочаровал. Мы же, тренеры, были довольны. Равенство и в очках, и в забитых и пропущенных шайбах вполне соответствовало нашему общему плану. Правда, к ряду ведущих хоккеистов команды претензии у нас были. И немалые. За эти игры «отлично» можно было выставить лишь Третьяку. Да и то с «минусом» – за последний матч. Однако мы с Константином Локтевым и Владимиром Юрзиновым были уверены, что в Москве ребята вернут должок. Так и получилось.

СССР – Канада, 3:2 (1:0, 1:1, 1:1).

...Билл Харрис неплохо знаком с европейским хоккеем. В бытность свою тренером сборной Швеции испытал на себе силу сборных СССР и Чехословакии. Поэтому тактику контратак, игру «от обороны» он избрал не случайно. Во-первых, команда Канада-72 уже попробовала сыграть в «открытый» хоккей, и он хорошо помнил, что из этого получилось. Во-вторых, Харрис не прошел мимо того факта, что сборная Чехословакии, строившая свои ряды по системе 1-4, т. е. один в нападении, четыре в защите, более чем успешно выступает в течение нескольких лет против сборной СССР. На эту схему Харрис и сделал ставку. Тем более что он был уверен: сборная СССР в Москве понесется в атаку очертя голову.

Но наш тренерский триумвират предусмотрел этот ход мыслей противника. Настраивая хоккеистов на игру, мы постоянно твердили им, что тактика силового давления в чистом виде в матчах с канадцами успеха принести не может. И в конце концов убедили их.

Первый матч в Москве стал своего рода дуэлью тренеров. Я уверен, что Харрис был весьма удивлен, увидев, что сборная СССР действует по схеме 2-1-2. И не только удивлен, но и огорчен: оттянутый назад нападающий в случае потери нашими игроками шайбы помогал защитникам срывать быстрые контратаки канадцев, с которыми Харрис связывал столько надежд, а наши

крайние нападающие Харламов и Михайлов, Лебедев и Якушев, Мальцев и Викулов получили большой простор для действий. Лучше других воспользовались этим простором Мальцев с Викуловым – эта пара была, пожалуй, лучшей в этой игре.

СССР-Канада, 5:2 (2: 1, 2: 1, 1:0).

На этот раз сработало «силовое давление». Правда, не до конца сработало. В первом периоде мы забросили канадцам две шайбы, а должны были как минимум пять. К сожалению, «помешал» Чиверс – я все более убеждаюсь, что этот вратарь ничуть не слабее вратарей НХЛ.

Канадцы жалуются на непривычно большие размеры площадки, забывая почему-то, что и маленькие канадские «коробки» были непривычны для нас. Что ж, эти жалобы тоже симптом: сдают нервы у гостей. А тут еще Лей учинил после окончания матча безобразную драку. (Правда, на следующий день он принес извинения Харламову.)

СССР-Канада, 4:4 (2:1, 2:2, 0:1).

Снова сыграли «на откате» по схеме 2-1-2. И снова Харрис, не ожидавший этого хода, долгое время не мог перестроиться. Однако, к сожалению, наши защитники допускают много элементарных ошибок.

Только победа в этом матче оставляла канадцам надежды на ничейный результат во всей серии, и самолюбие с первой до последней минуты подхлестывало их. Однако на одном самолюбии далеко не уедешь – нужны еще чисто физические силы. А их-то, как мы и предполагали, у канадцев не осталось.

СССР-Канада, 3:2 (0:1, 1:0, 2: 1).

В этом матче дали возможность поиграть молодым. И могу сказать только одно: молодцы!

Вторая серия матчей сборной СССР с канадскими профессионалами закончилась нашей победой: четыре встречи выиграны, три закончились вничью и лишь одна проиграна. Что и говорить, итог внушительный, впечатляющий. Но не хотелось бы, чтобы эти цифры заслоняли некоторые проблемы, существующие в нашем хоккее.

Да, встречи СССР – Канада в 1974 году показали, что наши лучшие игроки превосходят профессионалов в сумме всех слагаемых, из которых состоит хоккей. Они подтвердили основную мысль автора этой книги, что школа советского хоккея является передовой, прогрессивной школой. Но давайте задумаемся над одной деталью: 20 – 25 лучших наших игроков оказались

сильнее такого же количества, профессионалов. А если взять 50 или 100 хоккеистов с каждой стороны? Боюсь, результат будет не в нашу пользу.

У нас еще очень невелики резервы игроков высшего класса. И это проблема № 1.

А вратари? У нас Третьяк, Сидельников – и все. Больше нет стражей ворот того же уровня, тогда как у канадцев уж десяток вратарей экстра-класса наверняка наберется.

Вывод напрашивается сам собой: матчи с профессионалами – школа, лучше которой не придумаешь, нам с ними нужно встречаться. И на уровне сборной, и на уровне клубных команд. Я уже говорил, у профессионалов есть чему учиться. И не стоит считать это зазорным. Тем более что сами профессионалы перенимают у нас очень многое. Лишь одно в этих встречах вызывает у меня опасение: не заразит ли грубость, невыдержанность профессионалов некоторых наших неустойчивых хоккеистов – ведь недаром говорят, что дурные примеры заразительны.

Впрочем, может быть, опасения мои напрасны: у нас, в советском хоккее, принципиально иные условия (и это, на мой взгляд, очень точно подметил К. Драйден). Более того, почему бы не предположить, что корректность советских хоккеистов благотворно повлияет на стиль канадского хоккея? Рассказывают же, что канадским зрителям по душе пришлось джентльменское поведение наших игроков. Сейчас публика по-иному встречает своих игроков-грубиянов, требует оздоровления нравов в НХЛ и ВХА и руководство той же Национальной хоккейной лиги вынуждено (воля зрителя – закон) усилить борьбу с грубостью. Короче, матчи СССР – Канада оказались полезными для канадцев и с этой точки зрения.

Несколько слов о книге Драйдена. Она читается с захватывающим интересом. Подкупает искренность автора, непосредственность его суждений и, конечно же, отличное знание предмета, когда он ведет рассказ как очевидец и участник, хоккейных баталий. Но кое-где этого знания ему не хватает, и мы становимся свидетелями довольно поверхностных, а порой и неточных суждений.

Так, нельзя согласиться с Драйденом, когда он, говоря о становлении советской школы хоккея, упоминает в качестве ее создателя только А. В. Тарасова. Лично я патриархом нашего отечественного хоккея считаю А. И. Чернышева. Как старший тренер нашей сборной он вместе с А. В. Тарасовым одиннадцать раз приводил команду к победам на чемпионатах мира и четырежды на Олимпийских играх. Творческое содружество этих выдающихся тренеров, оригинальность таланта каждого из них и при этом полное взаимопонимание и взаимозаменяемость в работе с командой дали такой великолепный результат.

Драйден лишь бегло познакомился в Москве с игрой армейских хоккеистов и их тренером. Очевидно, только по незнанию он ни словом не упоминает о динамовской школе хоккея, которая дала нам многих чемпионов Европы, мира и Олимпийских игр. О команде «Спартак» он высказывается в пренебрежительном тоне, хотя ни одной игры этой команды не видел. Кстати,

выше всех игроков советской сборной он оценил именно воспитанника «Спартака» Александра Якушева (мы-то знаем еще братьев Майоровых, Старшинова, Шадрина, Зингера и других).

Хочется поспорить с автором по вопросу о «профессионализме» советских игроков. Действительно, наши хоккеисты 10 месяцев в году (не 11, как утверждает Драйден) занимаются хоккеем. Но занятия спортом они совмещают с учебой в школах и институтах, со службой в армии. Подавляющее большинство наших хоккеистов, закончив играть, имеют специальное образование, они становятся преподавателями, тренерами или работают по какой-либо иной специальности. Мы не получаем многотысячных гонораров, каждый имеет стипендию или оклад по месту службы. Что же касается серьезности подхода к своему спорту, уровня мастерства, то тут Драйден совершенно прав: советские хоккеисты могут поспорить с заокеанскими профессионалами.

Очень живо описаны в книге переживания и эмоции канадского вратаря по поводу его личных неудач и неудач его команды. Десятки раз он задается вопросом: почему так плохо сыграл против советской сборной? Возьму на себя смелость подсказать ответ Кену Драйдену. Ему не везло не потому, что он был плохо подготовлен, а потому, что наши ребята и мы, тренеры, создали ему такие неудобные условия, которых он не предвидел. За две недели, которые мы с Чернышевым провели на сборах канадцев, я изучил игру Драйдена и разложил, что называется, по полочкам. Таким образом, мы играли против знакомого вратаря, а он – против незнакомой команды.

Все это «азы» стратегии и тактики, элементы ответственного подхода к встречам, а не какие-то особые «хитрости русских», которые заморочили головы бедным канадцам... Повторяю, ко второй серии игр канадские профессионалы подошли более серьезно. Думаю, что в практике наших встреч будет все меньше сюрпризов такого рода.

В книге Драйдена красной нитью проходит мысль о полезности спортивных и личных контактов между хоккеистами СССР и Канады. Мы тоже, разумеется, – «за». Автор сожалеет о том, что мы мало общались друг с другом в свободное время. Должен сказать, что программа игр, как в Канаде, так и в СССР, предусматривала встречу канадских и советских хоккеистов только на официальных приемах. Игры проводились через день, тренировки чередовались с коротким отдыхом, так что встречаться было просто некогда. А вот в мае 1973 года Бобров, Харламов и я присутствовали на двух финальных играх Кубка Стэнли. И если бы Драйден хотел с нами встретиться, мы бы, конечно, с удовольствием сделали это.

Наши встречи должны быть продолжены не только потому, что они способствуют прогрессу всего мирового хоккея. Они являются еще и фактором сближения, взаимного познания двух наших народов. «Двадцать два миллиона канадцев жаждали встречи с русскими», – пишет Драйден. С не меньшим энтузиазмом относятся к играм с профессионалами и в нашей стране. Руководители СССР и Канады проявляют интерес к нашим встречам. Нас, советских хоккеистов, глубоко тронуло внимание Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева: в день окончания игр в Москве он позвонил из Берлина, где возглавлял партийно-правительственную делегацию, во Дворец, спорта и поздравил нас с победой.

Новая формулировка 26 параграфа Олимпийского устава позволяет любителям встречаться с профессионалами без ущерба для любительского статуса. Я уверен, что соперничество сильнейших хоккеистов Старого и Нового Света в рамках открытых (наподобие футбольных) чемпионатов будет настоящим катализатором развития этого замечательного вида спорта.

Борис КУЛАГИН, старший тренер сборной СССР, заслуженный тренер СССР.

ХОККЕЙ НА ВЫСШЕМ УРОВНЕ

25 ИЮНЯ

Мы с женой Линдой наслаждались поздним завтраком в одном венском кафе. Было около часа дня. Значит, в Рочестере, штат Нью-Йорк, уже наступило утро, и я решил попробовать дозвониться туда еще раз.

– Ты никого там не разбудишь? – спросила Линда.

– Тот, кому я звоню, наверняка уже доигрывает партию в гольф, – сказал я.

Звонил я Гарри Синдену и все-таки разбудил его. Слышимость была ужасной, но я отлично понял Гарри. Он был назначен тренером сборной Канады на игры с хоккеистами Советского Союза и хотел включить меня в ее состав.

Принять решение было для меня нетрудным делом. Быстро, как мог, я выпалил: «Да».

Во-первых, играть против русских в сентябре гораздо интересней, чем сидеть на тренировочном сборе с «Монреаль канадиенс» в Кентвилле или выступать в показательных играх, где в каждом периоде тебе в лучшем случае удастся прокатиться пару раз, и то лишь для того, чтобы разогнать туман, опустившийся на лед. Во-вторых, как и двадцать два миллиона остальных канадцев, я жаждал встречи с русскими.

От Гарри я узнал, что двумя другими вратарями будут Джерри Чиверс из «Бостон брюинс» и Тони Эспозито из «Чикаго блэк хоукс». Он назвал имена нескольких игроков из «Монреаль канадиенс», которые тоже получают приглашение, среди них Ж.-К. Трамбле, Айвэн Курнуайе и братья Маховличи, Фрэнк и Питер.

Я сказал Гарри, что вернусь в Канаду в конце июля, сдавать экзамены по праву в Макгилльском университете, а он ответил, что тренировочный сбор начинается 13 августа в Торонто на стадионе «Мейпл лифс гарденс».

24 ИЮЛЯ

По дороге из аэропорта Дорваль в Монреаль мы с Линдой увидели рекламный щит с надписью: «В Россию с Халлом».

«Что бы это могло значить?» – терялись мы в догадках.

Только дома, после того, как мы просмотрели газеты и позвонили нескольким знакомым, нам все стало ясно.

Пока мы отдыхали в Европе, в Канаде поднялся грандиозный ажиотаж по поводу состава команды, которой предстоит играть против СССР. В договоре, заключенном между канадцами и русскими, говорилось, что за команду Канады могут выступать только игроки Национальной хоккейной лиги (НХЛ).

В то время мало кто предполагал, что целая группа признанных игроков НХЛ перебежит во вновь испеченную Всемирную хоккейную ассоциацию (ВХА), поэтому условие это казалось естественным, и ему никто не придавал значения. Однако, когда новая лига начала швырять миллионы долларов – три за подпись Халла, два с половиной за усы Сэндерсона, – в хоккее неожиданно разразилась финансовая война.

Синден включил в первоначальный состав сборной профессионалов Халла, Сэндерсона, Трамбле и Чиверса, поставив против их имен крестики. Все они перешли в ВХА и в соответствии с соглашением не могли играть с русскими, если до 13 августа не подписали бы контракты с НХЛ.

Возможное отлучение от команды Канады четверых перебежчиков в ВХА. вызвало по всей стране волну возмущения. Телеграммы за тысячами подписей направлялись в адреса газет и радиостанций с требованием разрешить четверым хоккеистам играть за сборную. Повсюду висели лозунги: «В Россию с Халлом». Все газеты от Галифакса до Виктории резко критиковали НХЛ за упрямство, при этом особо подчеркивалось, что из шестнадцати владельцев клубов НХЛ четырнадцать живут в США, и их мало волнует вопрос, имеющий принципиальное значение для двадцати двух миллионов патриотически настроенных канадцев.

Даже премьер-министр Пьер Трюдо был вынужден вмешаться, заявив, что эти четыре хоккеиста, вне всякого сомнения, должны представлять Канаду в играх с СССР.

И все же, хотя проблема была довольно острой, ее можно было бы легко разрешить, пожелай этого все заинтересованные стороны. Владельцы НХЛ, естественно, пеклись прежде всего о своих интересах и не хотели давать сопернику – ВХА – ни малейшего шанса для укрепления позиций. Предоставив игрокам Всемирной хоккейной ассоциации право выступать за команду Канады, НХЛ тем самым неизбежно поднимала престиж этой организации; с другой стороны, можно

предположить, что и отказом допустить игроков ВХА к играм НХЛ невольно способствовала росту ее популярности. Наконец, владельцы НХЛ полагали, что включение перебежчиков в состав сборной команды может свести на нет предпринимаемые против них санкции.

Поскольку НХЛ продолжала упорствовать, появилось предложение, чтобы Халл, Сэндерсон, Трамбле и Чиверс выступили вместе с нами под эгидой Ассоциации игроков НХЛ. Такое решение таило в себе две серьезные проблемы.

Если команда Канады выступит под названием «Команда НХЛ», ее владельцы будут считать все тренировки сборной продлением обычного тренировочного сбора и, таким образом, гарантируют выплату полной заработной платы любому получившему травму игроку. Такое страхование, между прочим, составляет примерно 350 000 долларов в год. Если же встречи пройдут под какой-либо иной вывеской, то клубы освобождаются от обязанности сохранять хоккеисту жалование в случае травмы и соблюдать условия подписанного ранее контракта.

Наконец, по вполне понятным причинам многие игроки не хотели принимать участия в играх, не заручившись добрым согласием своих хозяев, генеральных менеджеров и тренеров. Другими словами, они не хотели иметь неприятности по возвращении домой. К чему ссориться с теми, кто тебе платит?

Таким образом, «Хоккей-Канада» должна была принять решение. Она могла либо согласиться с предложением НХЛ и исключить четырех игроков ВХА из состава сборной; либо проводить встречи без сотрудничества с НХЛ и в результате потерять большую часть ее игроков; либо вообще отказаться от игры с русскими.

В итоге четверка из ВХА оказалась за бортом сборной.

По всей вероятности, такое решение обуславливалось тем, что все уже давно с нетерпением ждали игр между канадскими профессионалами и русскими любителями, и, когда наконец надеждам этим суждено было сбыться, никто не захотел ставить под угрозу долгожданные встречи. Я был очень расстроен этим решением, так как знал, что с русскими надо играть самым сильным составом, какой можно собрать; ведь для встреч с нами они пришлют лучших игроков.

Видимо, деятели из НХЛ решили, что отсутствие Халла, Сэндерсона, Трамбле и Чиверса не уменьшит наших шансов на победу. Хотел бы я знать, как повели бы себя эти деятели, если бы четверьмя «изменниками» оказались, скажем, Бобби Орр, братья Эспозито и Род Джилберт. Интересно, что бы они тогда делали?

Правильное это решение или нет, но оно принято. Конечно, обстановка для сражений с русскими далеко не идеальная. Нам не удалось собрать своей лучшей команды, да и время проведения не самое удобное для канадских профессионалов. Русские тренируются в течение одиннадцати

месяцев в году, в то время как многие из наших парней ни разу не выходили на лед с апреля. Мы должны играть очень важные матчи в жаркую погоду, имея за спиной лишь восемнадцать тренировочных дней и все время находясь в чудовищном нервном напряжении. В довершение всего команда Канады будет составлена из «звезд», которые вместе либо вообще не играли, либо делали это крайне редко. Сделать из тридцати пяти ярких индивидуальностей одну крепкую команду – трудновыполнимая задача.

В общем, сейчас не время оправдываться. В конце концов, мы могли добиться включения игроков ВХА в команду Канады и тем самым исправить положение. Мы могли настоять на проведении игр в середине сезона, когда хоккеисты НХЛ обычно достигают своей лучшей формы, или же выставить против русских победителей Кубка Стэнли, либо какую-нибудь другую клубную команду.

Самое смешное в шумихе вокруг допуска Бобби Халла к участию в играх было то, что вначале, после сообщения о проведении этих встреч, Халл заявил, что примет предложение только в том случае, если ему хорошо заплатят. Играть ему не разрешили, и, таким образом, он неожиданно для себя стал мучеником в борьбе за правое дело. Свою роль Бобби исполнял великолепно.

9 АВГУСТА

Я сдал свои экзамены по праву и пытаюсь наверстать упущенную информацию, читая последние страницы канадских газет. Несмотря на то что сейчас середина лета и плавательные бассейны по всей Канаде забиты девушками в бикини, все газеты пишут только о хоккее. Впервые хоккей стал круглогодичным видом спорта.

Каждый день публикуются бесконечные сообщения о заключении игроками договоров с ВХА и НХЛ. Все они примерно одного содержания: Джо Ключкин подписал пятилетний контракт, по которому он никого не берет в долю, не может быть перепродан другому клубу и вдобавок получает круглую сумму, пару автомобилей и новых коньков... Кроме того, там обязательно имеются очередные материалы о Бобби Халле («Будет ли Бобби в команде Канады»), Дерекке Сэндерсоне («Если я им понадобится, они могут найти меня на пляже Вайкики»), а также ежедневные репортажи из зала суда о тяжбе между ВХА и НХЛ.

Ну и конечно, каждый день можно найти четыре-пять сообщений о состоянии травмированного колена левой ноги Бобби Орра, которое было оперировано в начале июня и с тех пор в зависимости от того, кто пишет, заживает очень быстро, заживает очень медленно, либо вообще не поддается послеоперационному лечению. В Бостоне хозяева «Брюинс» говорят: «Орр поправляется очень медленно, по-видимому играть против русских не сможет». В Торонто личный адвокат Бобби Алан Иглсон заявляет: «Орр, возможно, будет готов к четвертой игре в Ванкувере». Сам Орр, находящийся на сборе в Орилии, провинция Онтарио, сообщает: «Мое колено в порядке».

Спортивный редактор «Монреаль стар» Ред Фишер слетал в Москву, где беседовал с русскими болельщиками и официальными лицами, после чего опубликовал интервью под заголовком

«Человек с улицы Горького». Один из русских хотел знать, будет ли Сет Мартин защищать ворота команды Канады, так как помнил Мартина еще по выступлениям за канадскую сборную в шестидесятих годах и полагал, что Сет все еще находится в отличной форме. Мартин закончил свою блистательную карьеру любителя несколько лет назад, однако для русских и шведов он оставался и «Ракетой» Ришаром, и Жаном Беливо, и Горди Хоу. Мартин был кумиром русских, а их вратари старались копировать его технику. Он был великий вратарь.

В другой заинтриговавшей меня статье речь шла об Алане Иглсоне, представлявшем «Бобби Орт энтерпрайзиз», и о владельце фирмы «Торонто мейпл лифс» Гарольде Балларде, которые заплатили директору «Хоккей-Канада» семьсот пятьдесят тысяч долларов за право транслировать игры по телевидению. Как сказал Иглсон: «Я всегда готов вложить деньги Бобби Орра в дело, которое сулит мне барыш». Понятно, что и Иглсон и Баллард пришли в ярость, когда узнали, что компания «Маклэрен адвертайзинг», в течение долгого времени транслирующая из Монреаля и Торонто еженедельную программу «Хоккейные вечера в Канаде», собирается заполучить монопольное право на показ игр всегонавсего за пятьсот тысяч долларов. И хотя позднее Маклэрен предложил большую сумму, Баллард и Иглсон решили дело в свою пользу, заявив, что готовы заплатить за эти права сколько угодно, хоть миллион. Они объявили, что все доходы, оцениваемые в миллион долларов, будут переданы в «Хоккей-Канада» и пенсионный фонд Ассоциации игроков НХЛ.

Аплодирую Иглсону и Балларду за инициативу в этом вопросе. Между собой, а то и во всеуслышание, мы порой не прочь ругнуть Иглсона за его поступки, но в данном случае он действовал на благо своих клиентов, Ассоциации игроков НХЛ, и зарабатывал деньги для хоккея. Сомневаюсь, состоялись бы эти игры вообще, если бы не Иглсон.

11 АВГУСТА

Хоккейная лихорадка становится просто невероятной. Все хотят любой ценой быть причастными к предстоящим встречам. Канадские туристические агентства организуют заманчивые спецрейсы; 28 000 имеющихся в их распоряжении мест были распроданы буквально в считанные часы. Менее чем за 650 долларов болельщики обеспечиваются авиабилетом из Торонто в Москву и обратно, гостиницей и питанием в течение девяти дней, туристским обслуживанием и, самое главное, билетами на все четыре игры в Москве.

Универсальные магазины организуют лотереи, а предприниматели используют билеты на игры в качестве дополнительных стимулов для сбыта своей продукции. «Купите 20 пачек порошка против кровотечения из носа, и вам, быть может, посчастливится выиграть два билета на игры СССР-Канада в вашем родном городе». Один из конкурсов предлагает два бесплатных билета в Москву тому, кто угадает, кому из канадцев удастся забить первую шайбу в ворота русских. Учредители вывесили список игроков с коробочками против каждой фамилии. Они включили даже меня. Вратаря. Представляю себе, как я забиваю гол. Ни одному вратарю НХЛ никогда не удавалось забить гол противнику. Правда, Мишель Плассе, который в этом году будет, видимо, стоять в воротах «Монреаль канадиенс», играя несколько лет назад за команду «Канзас-Сити», сумел забить гол в ворота «Оклахома-Сити» в тот момент, когда те убрали своего вратаря. Но это редкий случай. Сомневаюсь, чтобы кто-нибудь, кроме меня самого и Линды, отдал мне свой голоса.

12 АВГУСТА

Из разговоров с людьми, с которыми мне приходится встречаться в последние дни, следует, что на Канаду ляжет черное пятно, если мы не выиграем все восемь игр. Газеты, телевидение, радио, прохожие на улицах – все твердят, что выиграть надо только все восемь встреч и что мы их выиграем. Тот, кто осмеливался предположить, что Канада может проиграть русским хоть одну игру, становился всеобщим посмешищем и еретиком. Мы должны не только победить во всех восьми матчах, но и сделать это с большим счетом.

Нехоккеистов с хоккеистами стало объединять чувство общего дела. Как-то на стадионе, во время игры футболистов команды «Торонто аргонотс», сидящий рядом со мной на трибуне мужчина схватил меня за руку, потряс ее и сказал возбужденным голосом: «Вы должны сделать это ради нас». Ради нас! Он произнес это без всякого ехидства. Он сказал это совершенно искренне. Сделайте это для нас! Для Канатды! Потом я встретил одного своего знакомого, с которым в детстве играл в хоккей, и он меня предупредил: «Я с тобой перестану разговаривать, если вы не выиграете все восемь матчей». В Торонто Линда пошла в универмаг, и кассирша узнала мою фамилию на кредитной карточке. «Передайте своему мужу, что он должен побить этих русских», – сказала она Линде. Боюсь, что с каждым днем страсти накаляются все больше и больше. Это настораживает. Миллионы канадцев считают, что русские – это выскочки, имеющие нахальство оспаривать наше превосходство в игре, которую мы сами придумали. Ведь это наша игра. Куда вы суетесь?

Чем больше я задумываюсь над этим, тем глубже понимаю настроение канадцев, потому что сам я тоже канадец. Мы все пребываем в страшном волнении. Абсолютно все. Хоккей – сокровенная часть нашей жизни, а именно тут русские пытаются бросить нам вызов. Они оспаривают право Канады быть хоть в чем-нибудь лучшей в мире. Можно быть самым завзятым болельщиком в Бостоне, Чикаго или ЛосАнджелесе, но, смею вас уверить, американцу этого не понять. Для этого надо родиться канадцем.

Первое, что надо учесть, – это значение хоккея в Канаде. Над этим редко задумываются, об этом мало говорят. События последних нескольких недель невольно навели меня на размышления о том, чем для меня является хоккей. Так происходит всякий раз, когда тому, что тебе очень дорого, угрожает опасность. В начале ты едва ее ощущаешь, но затем чувство опасности постепенно нарастает и в конце концов становится всеобъемлющим.

Хоккей – национальная игра Канады, популярность его во много раз превышает интерес ко всем остальным вместе взятым видам спорта, практикуемым в стране. Игры, которые проводят на своих полях команды Национальной хоккейной лиги, транслируются не только по местному радио и телевидению, но и на всю страну.

Результаты ежегодных опросов телезрителей показывают, что программой номер один телевидения является субботняя передача «Хоккейные вечера в Канаде». Программой номер два

оказываются те же «Хоккейные вечера», но передаваемые по средам. Не знаю, найдется ли канадец, который с самого детства не слушал разговоры о хоккее или не наблюдал за хоккейными сражениями. Во всяком случае, о себе я такого сказать не могу. По-моему, американцы понимают, как гордимся мы своим хоккейным наследием; поэтому всякий раз, когда они имеют дело с канадцем, они непременно интересуются, не играет ли он в хоккей. То же самое в Европе. Пожалуй, во всем мире слова «хоккей» и «Канада» являются синонимами. Даже в России.

В Соединенных Штатах нет такого патриотического чувства к какому-то одному виду спорта. Однажды вечером я слышал, как два здравомыслящих человека серьезно спорили, что же все-таки – бейсбол или футбол – спорт номер один для американцев. В Канаде для такого спора просто нет оснований.

Нельзя сравнивать серию игр между СССР и Канадой, скажем, с первым «матчем века» между бейсболистами США и Японии, хотя бы потому, что в Америке нет такого отношения к бейсболу, как в Канаде к хоккею. Канаде есть чем гордиться, однако двадцать два миллиона ее жителей достаточно трезво оценивают свои возможности в остальных видах спорта, что, на мой взгляд, объясняется соседством с таким мощным государством, как Соединенные Штаты. Кроме хоккея, Канаде не удалось добиться сколько-нибудь заметных успехов ни в одном виде спорта на мировой спортивной арене. Каждые четыре года мы испытываем большие трудности при составлении более или менее приличной команды для участия в Олимпийских играх, где мы редко выигрываем золотые медали.

Волнующую любовь канадцев к хоккею можно сравнить лишь с тем чувством, которое испытывают болельщики некоторых стран к футболу. Помню, когда в 1970 году я был в Риме, вся Италия с волнением следила за выступлением своей сборной на чемпионате мира. После многих лет неудач итальянцы уверенно шли к финалу, и Рим ликовал. На улицах не было ни души, когда показывали игры, в которых Италия в отличном стиле побеждала команды Мексики и ФРГ. После матчей народ высыпал на улицы, чтобы отпраздновать победу, и тысячи автомобильных сирен перекликались по всему городу. Вся страна была поглощена перипетиями футбольных поединков. Несмотря на поражение в финале от команды Бразилии, итальянских спортсменов встретили дома как героев. Их чествовали в парламенте, толпы народа приветствовали своих любимцев на улицах. В Риме еще не отзвучали последние залпы шампанского в честь выигранной сборной, а парламент уже создал комитет для выяснения причин проигрыша итальянских футболистов в финале.

Мне кажется, что предстоящая серия игр между канадскими профессионалами и русскими любителями является беспрецедентной в истории спорта, так как в ней примут участие спортсмены стран с различным образом жизни, развивавшими хоккей в полной изоляции друг от друга. Канадцы начали играть в хоккей со второй половины прошлого века. Русские стали заниматься хоккеем только в 1946 году. Хоккеисты двух стран не встречались друг с другом до 1954 года, когда русские потрясли мир, победив на чемпионате мира любительскую команду из Торонто. В Канаде это поражение рассматривалось почти как национальная трагедия. Почти – потому что любительские команды комплектовались из игроков, сыгравших свои лучшие матчи много лет назад. Как правило, это были простые рабочие, подрабатывающие хоккеем во внеурочное время. С настоящими профессионалами их, конечно, сравнивать нельзя.

На следующий год команда «Пентиктон виз» из Британской Колумбии исправила положение, победив русских и завоевав титул чемпиона мира.

Я до сих пор помню, как мы слушали репортажи об этих матчах во время школьных перемен и как комментаторы в один голос твердили, что коль скоро даже любительские команды Канады могут выступать наравне с русскими и побеждать их, то, уж будьте уверены, клубы НХЛ просто разгромят и русских, и шведов, и всех кого угодно.

Однако постепенно наши любительские команды начали уступать свои позиции на международных соревнованиях. У нас были и победы и поражения, но мы не особенно огорчались, потому что верили: мы – самые лучшие. Ведь у нас есть Национальная хоккейная лига. Конечно, наша международная репутация при этом страдала, так как многие и не подозревали о существовании НХЛ. Как-то после очередного поражения канадцев один шведский представитель сказал: «Здесь чемпионат мира и у ваших игроков на свитерах написано «Канада». После этого вы хотите, чтобы мы поверили, будто у вас дома имеются более сильные хоккеисты?»

Спорить было трудно, так как за пределами Северной Америки люди твердо убеждены, что только сильнейшие спортсмены имеют право представлять свою страну на чемпионатах мира.

Дело дошло до того, что в 1960 году Канада уступила золотую олимпийскую медаль, и кому – Соединенным Штатам. Поэтому спустя три года мы наконец проснулись и решили, что клубные команды уже не могут больше обеспечить нам победы. Была создана сборная команда страны, чтобы на международных соревнованиях Канаду представляли более молодые игроки, потенциальные кандидаты в профессионалы, которые имели бы возможность сочетать учебу с занятиями хоккеем на самом высоком уровне.

Для большинства игроков сборной это была реальная возможность противостоять монопольному праву НХЛ на использование хоккейных дарований. Вместо того чтобы играть за какую-то одну команду единственной высшей профессиональной лиги, молодые хоккеисты могли выступать за национальную сборную. Это давало им также шансы для заключения впоследствии более выгодных контрактов с профессиональными клубами.

Тем не менее идея создания любительской сборной имела один недостаток: дело в том, что в Канаде наиболее интересные соревнования для юношей в возрасте от 16 до 20 лет тесно связаны с профессиональными клубами, в которых не могут участвовать любители. Эти соревнования не охватывают средние школы. Лучшие игроки, если они не входят в любительскую сборную страны, предпочитают поступить в школы, чтобы тренироваться и играть в командах юниоров при профессиональных клубах. В результате многие спортсмены лишаются возможности учиться в дальнейшем в университете. Им остается лишь один путь: превратиться в хоккеистов-профессионалов, тем более что НХЛ сулит им тысячи долларов за переход в ее лоно.

Совершенно естественно, что НХЛ всеми средствами стремилась затруднить существование сборной страны. Представители клубов НХЛ заявляли, что выступление в составе сборной плохо отражается на мастерстве хоккеистов, что им не хватает опыта ведения силовой борьбы, они мало играют и стеснены в средствах. Игроки сборной, утверждала НХЛ, теряют время, необходимое для совершенствования мастерства, и будут выглядеть хуже тех своих сверстников, которые сразу стали профессионалами. Все это действовало расхолаживающе на игроков-любителей, вследствие чего за всю историю существования сборной в ее составе играло лишь несколько по-настоящему сильных юниоров.

В течение последующих семи лет неудачи продолжали преследовать национальную сборную. Пожалуй, это была самая несчастливая из всех когда-либо созданных команд. На чемпионатах мира и Олимпийских играх от нее ждали только побед, однако возможностей для этого у нее не было. Обычно сборная занимала третье, четвертое или пятое место. Но ни разу – первого. Она могла выиграть у русских, но проиграть Швеции, Чехословакии или Финляндии. В Канаде считали, что сборная наконец-то победит на чемпионате мира 1967 года, поскольку сам Карл Бревер, бывший защитник первой величины из «Торонто Мейпл лифс», восстановил свой статус любителя и выступал за команду. Но во время чемпионата Бревер получил травму, а сборная снова проиграла.

Я стал выступать за национальную команду с 1969 года после окончания преддипломной учебы в Корнелле. В Стокгольме мы были четвертыми, выиграв дважды у финнов, дважды у американцев и проиграв по два раза Швеции, СССР и Чехословакии. Другими словами, нам не удалось одержать ни одной сколько-нибудь значительной победы. После этого снова все обрушилось на игроков сборной. Однако, вместо того чтобы подписать профессиональный контракт с «Монреаль канадиенс», я решил остаться в национальной команде на сезон 1969 – 1970 гг., чтобы поступить на юридический факультет университета Манитобы. Генеральный менеджер «Канадиенс» Сэмми Поллак был просто ошеломлен, когда я поделился с ним своими планами. Надо отдать ему должное, он не пытался переубедить меня.

В середине того сезона сборная команда страны собралась вместе в последний раз. Хотя это было и грустно, все канадцы в тот момент почувствовали облегчение, кроме, пожалуй, жителей Виннипега, где в этом сезоне предполагалось проводить чемпионат мира. Этот чемпионат состоялся в Стокгольме без участия Канады.

Большинство канадцев считало, что лучше вообще не играть против русских, шведов и чехов, чем играть и постыдно проигрывать. Мы прошли длинный путь от команд колледжей через лучшие любительские клубы до сборной команды страны. Мы уже больше не могли проигрывать, проигрывать и проигрывать. Когда девять раз подряд проигрываешь чемпионаты мира, когда терпишь поражения от русских и чехов во время неофициальных встреч, для оптимизма не остается никаких оснований. Надо искать какое-то другое решение.

Большинство канадцев считало, что на чемпионатах мира и Олимпийских играх интересы страны должны представлять либо клубы Национальной хоккейной лиги, либо сборная «звезд» НХЛ. Почти три года на всех уровнях обсуждались противоречия между профессионализмом и

любительством. Эвери Брендедж, железной рукой руководивший Олимпийскими играми, и Джон «Банни»[6] Ахерн (Англия), президент Международной федерации хоккея на льду, категорически запрещали канадским профессионалам выступать против далеко не безгрешных любителей.

В течение долгого времени любительские федерации таких ведущих хоккейных стран, как СССР, Швеция и Чехословакия, не оспаривали решений Ахерна и Брендеджа, так как угроза потерять право на участие в Олимпийских играх значительно перевешивала все остальные, пусть разумные, соображения. Кроме того, Советский Союз, видимо, не был убежден, что достиг в хоккее того уровня, чтобы вызвать канадских профессионалов на поединок за мировую корону. Но вскоре события приняли несколько иной оборот.

После двадцати лет невероятного прогресса успехи советского хоккея неожиданно пошли на убыль. Правда, русские продолжали побеждать на Олимпийских играх и чемпионатах мира, однако превосходство их уже не было таким подавляющим, как в прошлые годы. В 1972 году команда СССР уступила чехословацкой сборной титул чемпионов мира, хотя всем известно, что русские являются выдающимися мастерами хоккея. В Советском Союзе стали понимать, что успехи на чемпионатах мира и Олимпийских играх теряют свое значение, если в игре наблюдается застой. Как сказал представитель Советской федерации: «Нам уже нечему учиться на этих соревнованиях. Настало время, когда нужно совершенствовать свои навыки в играх с более сильными соперниками».

Извините г-н Брендедж, извините г-н Ахерн...

Таким образом, после коротких переговоров в Праге в марте прошлого года Канада и СССР договорились о проведении первой серии хоккейных встреч за мировое первенство. Профессионалы против любителей. Лучшие против лучших из двух хоккейных миров.

13 АВГУСТА

В течение целого дня в «Саттон плейс», шикарную гостиницу в центре Торонто, продолжали съезжаться хоккеисты, приглашенные для участия в официальном открытии тренировочного сбора команды Канады. Скоро мы впервые встретимся со старшим тренером Гарри Синденом и его помощником Джоном Фергюсоном, который в свое время был одним из самых грубых игроков «Монреаль канадиенс», а впоследствии, в конце сезона 1970 – 1971 гг., играл в течение двух недель вместе со мной в матчах на Кубок Стэнли. Я скептически отношусь к назначению Ферги на эту работу. И не только потому, что у него нет тренерского опыта. Из всего, о чем он говорит, можно понять, что Ферги выбрали для того, чтобы навязать команде Канады резко агрессивную манеру игры. Его успехи в НХЛ объясняются в основном умением играть в грубый и грязный хоккей, заставляющий соперников заботиться прежде всего о своей физической безопасности, а потом уже об игре.

Например, когда «Канадиенс» встречалась с «Нью-Йорк рейнджерс», Ферги всегда поручали держать Рода Джилберта. В самом начале встречи он с готовностью отправлялся на скамью для оштрафованных, если считал, что теперь Джилберт будет думать лишь о том, как бы закончить

игру живым и невредимым. Иногда он предупреждал самого результативного форварда соперников, что вышвырнет его на четвертый ряд трибун, как только тот прикоснется к шайбе. В результате бедный парень прятался от шайбы в течение всего матча.

Не думаю, что мы будем применять такую тактику в игре с русскими. Это было бы неправильно. Как в этом убедятся сами наши игроки, русские очень сильны физически и стараются не обращать внимания на грубую и грязную игру, хотя сами хорошо к ней подготовлены. Мы просто будем сидеть на скамье штрафников, русских же отличает умение играть в большинстве. Поэтому мне кажется, что Ферги весьма далек от образа идеального помощника Гарри Синдена.

Вот состав команды:

Вратари: Тони Эспозито из Чикаго, Эдди Джонстон из Бостона и я. Джонстон в последний момент заменил Джерри Чиверса.

Защитники: Бобби Орт и Дон Оури из Бостона, Брэд Парк и Род Силинг из Нью-Йорка, Ги Лапуант и Серж Савар из Монреаля, Джоселин Гувремон и Дэйл Таллон из Ванкувера, Гэри Бергман из Детройта, Пэт Стэплтон и Билл Уайт из Чикаго, а также Брайн Гленни из Торонто. Орт все лечится после операции колена и может не появиться еще около недели или даже больше. Сомневаюсь, сможет ли он поправиться до первой игры в Москве 22 сентября.

Центральные нападающие: Фил Эспозито из Бостона, Стэн Микита из Чикаго, Жильбер Перро из Буффало, Марсель Дионн и Ред Беренсон из Детройта, Жан Рателль из Нью-Йорка и Бобби Кларк из Филадельфии (Кларк, кстати, появился одетый, как выразился Ред Фишер из газеты «Монреаль стар», в летний костюм модели «флин-флон»: спортивная майка, джинсы, резиновые тапочки и никаких носков).

Левый край: Деннис Халл из Чикаго, Питер и Фрэнк Маховличичи из Монреаля, Жан-Поль Паризе из Миннесоты, Пол Хендерсон из Торонто, Вик Хэдфилд из Нью-Йорка и Ричард Мартин из Буффало.

Правый край: Род Джилберт из Нью-Йорка, Айвэн Курнуайе из Монреаля, Уэйн Кэшмен из Бостона, Рон Эллис из Торонто, Майк Редмонд из Детройта и Билл Голдсуорси из Миннесоты.

Джо Згро из Торонто и Фрости Форристал из Бостона будут помогать тренерам, а Томми Нейлор из Торонто назначен администратором команды. Фрости придает команде Канады колорит янки. Ведь он наш единственный американец, хотя столько пробыл среди канадских хоккеистов, что даже мыслит как канадец. В случае чего, можно будет все свалить на него.

Гарри говорил коротко и по делу. Он подчеркнул, какое значение имеют эти игры и что нам нужно победить. Мы должны победить русских во что бы то ни стало. Он сказал, что не собирается

держат нас на строгом режиме, но рассчитывают на нашу порядочность. По любым вопросам нам следует обращаться непосредственно к Гарри или Ферги. Если кому-то понадобится организовать деловую встречу, ему создадут для этого необходимые условия. Если кто-нибудь захочет провести следующий уикенд дома, ему предоставят билет в оба конца. И так далее. Руководство команды Канады намеревается быть очень внимательным к игрокам. Нет сомнения, что ездить мы будем только первым классом.

14 АВГУСТА

Меня, как и многих, интересует, насколько серьезно отнесутся игроки к тренировкам в середине лета: ведь обычно в это время года они находятся либо за городом, либо на площадках для гольфа и тенниса, или же просто загорают в бассейне. Отнесемся несерьезно, и тогда Гарри и Ферги будут вынуждены увеличить объем нагрузок во время двухразовых тренировок. Или с полной ответственностью подойдем к тренировкам и целиком отдадимся выполнению главной задачи – выиграть у русских? Поживем – увидим.

Гарри и Ферги выделили из команды несколько звеньев, которые у них не вызывают сомнений и которые, видимо, будут играть в своих привычных составах. Тройка из «НьюЙорк рейнджера» – Рателль, Джилберт и Хэдфилд, – обыгравшая в прошлом году всю НХЛ в целом и Кена Драйдена в частности (они ухитрились забивать мне в среднем по два гола за игру). По всей вероятности, это «трио» не претерпит никаких изменений в предстоящих встречах.

В другой тройке Фил Эспозито играет в центре вместе с Фрэнком Маховличем и Айвэном Курнуайе. Думаю, русские вратари не горят особым желанием встретиться с этим звеном, в составе которого в прошлом году Эспозито забил

66 голов, Курнуайе – 47 и Маховлич – 43. По данным моего компьютера, это в сумме составляет 156 голов, то есть всего на 44 гола меньше, чем забила год назад вся команда «Филадельфия флайерс».

В следующем звене Бобби Кларк исполняет функции центрального нападающего, двое других – Рон Эллис и Пол Хендерсон. Обычно в «Торонто Мейпл лифс» с Эллисом и Хендерсоном работает Норм Ульман, ну а Кларк играет примерно в той же манере, что и Ульман. Словно жернова, они перемалывают все, что попадает им на площадке, нагоняя страх на игроков своим постоянным силовым давлением в нападении и жесткой игрой в защите. Думаю, что это трио будет хорошим сюрпризом для русских.

15 АВГУСТА

Месяц назад я прочел интересную статью в «Манчестер гардиан» о выпускнике Бостонского университета Дэвиде Хемери, который, выступая на Олимпийских играх 1968 года в Мехико за команду Великобритании, выиграл золотую медаль в барьерном беге на 400 метров. Понятно, что в 1968 году Хемери был темной лошадкой, но ведь и сейчас, перед стартами в Мюнхене, несмотря на то что он олимпийский чемпион, шансы его расцениваются не очень высоко.

Хемери говорит, что он из тех, кто на тренировках никогда не показывает отличных результатов, но это обстоятельство его вовсе не смущает. Он считает, что, когда конкуренция поставит его перед необходимостью показать хорошее время, нужное для победы, у него будет достаточный запас сил, чтобы сделать это. Почему? Потому, что во время тренировок он придерживается следующей системы: «Я пробегаю милью за милей ежедневно, ибо знаю, что в один прекрасный день мне это пригодится. Быть может, это произойдет не на следующей неделе и не через несколько месяцев или даже лет, но однажды вся проделанная работа – бег по пересеченной местности, преодоление на тренировках сложных препятствий – станет залогом моей победы в решающем забеге».

Такой подход Хемери к общефизической подготовке понравился мне, и я решил применить его метод в собственных тренировках. Сейчас во время занятий в «Мейпл лифс гарденс» моя основная задача – подготовить себя к лучшей форме. Я хочу укрепить ноги. Я хочу сделать более острой свою реакцию. Мне надо привыкнуть к новой более тяжелой экипировке. Плевать на сегодняшние результаты. Плевать на шайбы, залетающие сейчас в мои ворота со всех углов. Я возьму их позже. Надеюсь. У меня новая пара щитков, и я никак не могу к ним привыкнуть. Они очень жесткие, и ногам в них тяжело и неудобно. Вдобавок они немного длинны. Все это отражается на моей подвижности, и я пропускаю такие голы, какие должен брать без всякого труда. Лед в «Гарденс» медленный и неровный, шайба, адресованная бьющему игроку, слегка подпрыгивает. Поэтому много шайб проносится мимо головы на большой высоте.

Во время игры я пока еще забочусь больше о собственной безопасности, нежели о неприкосновенности моих ворот. Такая игра не делает чести вратарю, поэтому надо как можно скорее перебороть в себе это чувство. Если хочешь отразить шайбу, летящую со скоростью свыше ста миль в час, то некогда думать о собственном здоровье. Ты должен забыть обо всем и сосредоточить внимание только на том, как остановить ее.

16 АВГУСТА

Фил Эспозито играет сейчас центральным нападающим в тройке с Жан-Полем Паризе и Уэйном Кэшменом, в то время как Стэн Микита исполняет ту же роль в звене с Фрэнком Маховlichem и Айвэном Курнуайе. За Кэшменом и Паризе ходит слава «добытчиков» – они штурмом атакуют соперников, владеющих шайбой, в углах площадки и обычно выходят из борьбы победителями. Кэшмен играет в «Бостоне» в одной тройке с Эспозито и получает очки за точные передачи примерно с 75 процентов голов, забиваемых Филом.

В большинстве случаев Эспо достигает успеха за счет мощных и молниеносных кистевых бросков с расстояния чуть меньше 20 футов от линии ворот. Он словно вырастает своим несдвигаемым телом в одну точку и терпеливо ждет, когда Кэшмен или Ходж (его другой партнер в «Бостоне») обработают шайбу в углу площадки и отдадут ему пас. Затем, прежде чем вратарь успеет шелохнуться, он как из пушки посылает шайбу мимо него в ворота. Когда я играю против команды «Бостон брюинс», я стараюсь по возможности не обращать внимания на действия Кэшмена и Ходжа в углах, фокусируя его главным образом на том моменте, когда Эспозито выходит на так

называемую ударную позицию. Этот секрет знают все вратари, так как, если не следить за Эспо, он забросит тебе все сто двадцать пять шайб.

Не отличающиеся большой результативностью Паризе и Кэшмен представляются идеальными краями для Филадельфии. Кэшмен, кроме того, еще и один из «хохмачей» команды. На днях игроки «Бостон Брюинс» рассказали типичную для Кэшмена историю. У Кэша, кажется, в прошлом году, после того как они выиграли Кубок Стэнли, случились какие-то неприятности с полицией, и его доставили в участок. «Так и быть, можешь один раз позвонить», – сказал ему полицейский. Кэш проковылял к телефону, набрал какой-то номер и через пару секунд начал что-то бессвязно бормотать. После чего он с грохотом повесил трубку. Через несколько минут в дверь постучали, и полицейский пошел открыть. На пороге стоял маленький китаец.

– Чем могу служить? – спросил дежурный офицер.

– Китайская пицца для г-на Уэйна Кэшмена, – ответил посыльный.

Кэшмен заказал столько китайских деликатесов, что их хватило не только на всю братию, заключенную на ночь под стражу, но и на всю охрану.

17 АВГУСТА

Хорошие новости сегодня утром. Вчера во время тренировки после броска Денниса Халла шайба пулей отскочила от Айвэна Курнуайе и попала в лицо Брэду Парку. Время тянулось нестерпимо долго, пока Брэд неподвижно лежал на льду. Его отнесли в раздевалку и срочно отправили в госпиталь. Мы все были убеждены, что лицевая кость раздроблена вдребезги.

– Слава богу, перелома нет, – сказал нам наутро перед тренировкой Синден. – Только сильный ушиб.

Позже приехал сам Брэд, чтобы забрать из раздевалки кое-какие вещи.

– Все, что я сейчас хочу, – это поехать домой и выпить пару бутылок пива, – сказал Парк.

Синден рассмеялся.

– Выпей три – я плачу.

18 АВГУСТА

Теперь совершенно очевидно, что Синден и Фергюсон решили не менять наш стиль игры ради предстоящих встреч. Сегодня на льду нам объявили, чтобы мы играли в своей обычной манере и ничего не выдумывали. Наши тренеры правы: едва ли можно победить русских, играя в их же ключе. Мы сумеем одолеть их, только противопоставив им свою игру, да и то в ее лучшем виде.

Я, кстати, должен извиниться перед Джоном Фергюсоном. Мне кажется, я неверно понимал его игру. В бытность свою хоккеистом Ферги всегда стремился добыть победу любой ценой, был напористым, порой даже излишне агрессивным. Он никогда не отличался ни сильным броском, ни хорошим дриблингом, но это компенсировалось его умением играть в жесткий силовой хоккей. Теперь я понял, для чего Ферги сделали нашим вторым тренером: мы должны перенять у него эту жажду победы (однако средства для ее достижения можно выбрать другие). Именно этим он может принести нам пользу. Достаточно сказать, что Питер Маховлич всегда играет лучше, когда есть кому его «заводить». В Монреале Фергюсон, бывало, беспрерывно рычал на Питера, гоняя его по всей площадке во время тренировок, и из среднего игрока превратил Питера в бомбардира, забрасывавшего до 35 шайб в сезон. Прости, Ферги.

Синден и Фергюсон отлично организовали наши ежедневные тренировки. Мы собираемся дважды в день: утром – на девяносто минут для раскатки и вечером – на шестьдесят для работы над техникой. В предвкушении интересных событий работаем серьезно и с огоньком. Наши тренировки ничем, по существу, не отличаются от тренировок, принятых в НХЛ, но проходят в приподнятой обстановке, непривычной для большинства профессиональных клубов.

С первого же дня все без исключения игроки работают с колоссальной отдачей сил. Менее популярные хоккеисты стараются не отставать от знаменитостей вроде Маховлича, Эспозито или Парка, которые на тренировках буквально не щадят себя.

Поведение тех, кто не входит в так называемую «элиту», определяется, по-моему, одним обстоятельством. Им хочется доказать, что они тоже хорошие хоккеисты и достойны уважения «звезд». Пусть это звучит банально, но это так. На сборе каждый хочет доказать, что он лучший из лучших, а добиться этого можно лишь трудом, превосходящим по упорству труд других выдающихся хоккеистов.

19 АВГУСТА

Слава богу, первая неделя позади, и хорошо, что нам играть с русскими не завтра. Я еще далек от своей лучшей формы, и это время было нужно мне, чтобы обрести ее. Кажется, я потихоньку подхожу к ней. Ноги, чувствую, окрепли, и я сбросил несколько фунтов. Прошло недомогание, которое возникает от физических нагрузок, когда ты давно не тренировался. Быть может, я разочаровал своих товарищей по команде, пропустив на этой неделе так много шайб, но я уверен, что на следующей буду работать продуктивней.

Когда игроки недовольны своим вратарем, они редко говорят – если вообще говорят – ему об этом. Чаще просто молчат. В этом смысле вратарь практически защищен от всякой критики. Тем не менее недовольство команды ощущаешь всегда. И наоборот, когда вратарь начинает обретать

форму, товарищи по команде непременно подтрунивают над ним в таком духе: «С возвращением! Что-то тебя не было видно».

Прекрасно сознавать, что ты пользуешься уважением, в особенности со стороны лучших представителей твоей профессии. Быть может, сейчас, после шести дней тренировок, я его еще не заслужил, но надеюсь, что через несколько дней добьюсь этого.

21 АВГУСТА

Мне показалось забавным, как во время одной из тренировок на прошлой неделе Дон Оури из команды «Брюинс» сказал Айвэну Курнуайе из «Канадиенс»: «Сейчас, приятель, мы с тобой дружки, потому что играем в одной команде, но как только 1 октября возвратимся в Канаду, мы снова станем самыми заклятыми врагами. Не забывай этого». В самом деле, во время первых тренировок сборной не было случая, чтобы кто-нибудь замахнулся клюшкой на товарища по команде. А ведь обычно во время календарных игр страсти разгораются так, что те же самые люди готовы буквально изувечить друг друга.

Например, Брэд Парк довольно нелестно высказался в своей книге о Филе Эспозито, за что Эспозито резко обругал его. А теперь они тренируются на одном льду и мирно перебрасывают шайбу, позабыв на время о былой вражде. Многие думают, что тренерам приходится прилагать немало усилий, чтобы во имя сборной завзятые соперники перестали сводить старые счеты. Быть может, и тренеры полагали, что им придется столкнуться с этим. Но когда попадаешь в одну команду со своими старыми противниками и узнаешь их поближе, убеждаешься, что они вполне приличные ребята.

В данный момент в команде Канады царит гармония, мир. И это прекрасно.

22 АВГУСТА

Как тренеры ни стараются разнообразить тренировки, они остаются скучными. Чорт-те как устаешь от этих бесконечных команд «стоп» и «старт». Ух! Сегодня наконец провели первую двустороннюю игру. Как и всегда бывает в начале сезона, нападающие взяли верх, но в конце концов всех победила усталость. Я провел в воротах пятьдесят минут и пропустил шесть шайб. Похвастаться нечем, это уж точно. А через несколько дней приезжают русские.

26 АВГУСТА

Уже почти месяц газеты и телевидение только и твердят что о предстоящих матчах между Канадой и Советским Союзом. И все же ощущение такое, будто это время наступит нескоро. Второе сентября еще где-то очень далеко.

Правда, сегодня вечером, когда я смотрел по телевизору великолепную церемонию открытия Олимпийских игр в Мюнхене, до меня вдруг впервые дошло, как мало времени осталось до

начала матчей. Эту церемонию я воспринял как открытие международных соревнований по хоккею. И вот тутто все мои мысли наконец переключились только на русских. Первая игра на следующей неделе. Я почувствовал мелкую дрожь в ногах. Сердце забилось чаще. Мною овладело нервное напряжение.

В зале «Мейпл лифс гарденс» мы провели двустороннюю игру, за которой наблюдало около семи с половиной тысяч зрителей. Я стоял в воротах шестьдесят минут, пропустил только четыре шайбы и почувствовал себя намного лучше. Если так пойдет дальше, я буду готов к встрече с русскими.

27 АВГУСТА

Во время сегодняшней игры я не обнаружил на трибунах двух русских тренеров; они, должно быть, возвратились в Москву, чтобы рассказать своим ребятам, как здорово мы играем. А может быть, как плохо. Два тренера, Борис Кулагин и Аркадий Чернышев, присутствовали на наших тренировках и двусторонних играх и старались не пропустить ни одной мелочи. Если Фрэнк Маховлич пробегает от синей линии до синей линии за 1,96538 секунды, то русские наверняка уже об этом знают. Любопытная деталь: стоило мне пропустить легкую шайбу и я ловил себя на том, что гляжу на трибуну – берут они себе это на заметку или нет?

По-видимому, русские тренеры изучают своего противника так же, как американские футболисты. Они, наверное, запустят все имеющиеся у них данные в электронную машину и получат рекомендацию, что, к примеру, надо делать, чтобы остановить Фила Эспозито, если он владеет шайбой в двадцати футах от линии ворот. Если это так, то после матчей я бы не возражал снять одну копию с этой рекомендации.

28 АВГУСТА

Наконец заканчиваются последние приготовления. Сегодня утром нам выдали расписание поездки в Монреаль, а после обеда мы получили официальные костюмы команды Канады: синие пиджаки с нагрудной нашивкой в виде большого кленового листа, на котором начертано «Команда Канада», и по две пары серебристо-серых брюк.

Мы вылетим в Монреаль на двух самолетах в пятницу, 1 сентября. Владельцы НХЛ по понятным причинам не хотят, чтобы все их тридцать пять звезд летели одним рейсом. Правда, Питер Маховлич полюбпытствовал, а что они будут делать, если самолеты столкнутся друг с другом в воздухе?

Приехав в Монреаль, мы проведем в зале «Форум» одну тренировку и не на долго покажемся на приеме в «Плас Билль Мари». После чего нас уже никто не будет беспокоить до появления русских в «Форуме» в субботу вечером.

29 АВГУСТА

Джон Маклеллан и Боб Дэвидсон, соответственно тренер и главный «разведчик» «Торонто Мейпл лифс», ездили в Россию, чтобы посмотреть на советских хоккеистов. Несчастные Джон и Боб провели в самолете по пути в Москву не то двенадцать, не то тринадцать часов, а затем еще семь часов ехали в ночном поезде Москва – Ленинград. То, что они увидели в Ленинграде, окончательно усыпило их бдительность. Русский вратарь, двадцатилетний Владислав Третьяк, пропустил в одной игре восемь шайб, а его товарищи по команде то и дело спотыкались о собственные коньки. Нечего говорить, отчет Маклеллана и Дэвидсона был уничтожающим.

Я, однако, думаю иначе. Неблагоприятное впечатление может легко сложиться, когда видишь, что кто-то поступает не так, как тебе подсказывает собственный опыт. По североамериканским стандартам, к которым привыкли Маклеллан и Дэвидсон, русские делают слишком много передач, совершают мало бросков и слишком малы ростом. Однако по европейским нормам это отнюдь не является недостатком. Кто прав? Мы это скоро узнаем, а пока не следует слишком серьезно относиться к ленинградскому отчету.

Мы провели свою последнюю двустороннюю игру, которая транслировалась по всей Канаде. Я играл тридцать минут и не пропустил ни одного гола. Наконец я чувствую себя уверенным и готовым.

30 АВГУСТА

Мой средний палец распух, посинел и ужасно болит. Сегодня во время тренировки Жильбер Перро бросил шайбу футов с тридцати пяти, и я совершенно глупо среагировал на нее, потому что бросок был слабее обычного. Шайба попала в самый кончик среднего пальца левой свободной руки.

Я часами прикладывал к пальцу лед, но все бесполезно. К счастью, рентген не показал перелома, но меня беспокоит, даст ли себя знать эта травма в субботу вечером. Мне кажется, я заслуживаю того, чтобы участвовать в первой игре, и не только потому, что она состоится в Монреале, где я играю весь сезон, но и по той причине, что я, по-моему, отлично показал себя на прошлой неделе.

Всем нам отчаянно хочется быть участниками игры в субботу, потому что первая встреча будет историческим событием. Так много будет значить, что ты – один из семнадцати и двух, то есть семнадцати полевых игроков и двух вратарей. Однако, несмотря на все мое желание, я даже не стану надевать форму, если почувствую, что палец помешает мне играть.

Травма прилась на очень неудобное место, потому что свободной от клюшки рукой вратарь в игре должен действовать безукоризненно. Да и вообще, если у тебя есть хоть какая-нибудь травма независимо от ее места, во время игры она так или иначе даст о себе знать. Когда совершаешь движение, в котором участвует травмированная часть тела, то подсознательно оберегаешь ее, а это уже чревато голом.

Сидя у телевизора и залечивая свой палец, я смотрю программу «Спортбит-72», в которой спортивный комментатор газеты «Монреаль стар» Джон Робертсон и бывший игрок сборной, бывший профессионал из НХЛ Брайн Конекер дебатировали по поводу предстоящих встреч. Четыре или пять дней назад Робертсон предсказывал в газете, что русские выиграют предстоящую серию игр со счетом 6: 2, причем в Канаде они две встречи проиграют и две выиграют, а в Москве одержат четыре победы.

Робертсон приводит четыре аргумента в пользу своего прогноза и первый из них – физическая подготовка. Он говорит, что русские играют и тренируются одиннадцать месяцев в году и серьезно готовились к этим встречам с 1 июля. Кроме того, утверждает Робертсон, канадцам никогда не приходилось играть с такой патриотически настроенной командой, как команда русских. Затем он осуждает разногласия между НХЛ и ВХА, которые стоили сборной Канады четырех игроков. Наконец он заявляет, что сборную Канады окружает атмосфера чрезмерного ажиотажа.

Любопытно, однако: Робертсон пытается механически подсчитать то, что подсчету не поддается. Он берет произвольные критерии, такие, как физическая подготовка, мотивы, патриотизм и ажиотаж, придает им произвольную значимость, складывает цифры, и у него получается 6: 2 в пользу России. Безусловно, категории Робертсона имеют определенный вес, но есть и другие, быть может более важные, факторы, которые могут выдвинуть на первое место Канаду.

Я разделяю его мысли насчет физической подготовки, но не согласен с тем значением, какое он придает уходу некоторых хоккеистов в ВХА. Я лично считаю, что только один игрок из Всемирной ассоциации мог бы принести нам пользу в борьбе с русскими. Это Бобби Халл. Остальные тоже великолепные игроки, но ведь таких у нас уже тридцать пять! Чувство патриотизма? Не уверен. Любой игрок НХЛ глубоко убежден, что в спортивной жизни профессионального хоккеиста нет дела более почетного, чем участие в розыгрыше Кубка Стэнли. Но мне кажется, наши игроки смогут настроить себя таким образом, что победа над русскими будет для них важнее Кубка Стэнли. Не думаю, чтобы можно было заранее предугадать, в какой момент начинает действовать патриотизм игрока. Едва ли это происходит сейчас. В угоду публике наши хоккеисты давно заявляют: «Конечно же, мы хотим, чтобы наша страна победила». Но пожалуй, сейчас они больше говорят, чем чувствуют – ведь до игр еще далеко. Словесные выражения этих чувств превратятся в настоящие чувства 2 сентября в восемь часов вечера в монреальском «Форуме». Патриотизма у команды Канады хоть отбавляй.

Впрочем, я знаю, почему Робертсон выступил с таким прогнозом. Вся Канада твердит, что мы победим вчистую. Повторяй Робертсон то же самое, он бы потерялся в толпе, а Джон этого терпеть не может. Вот он и говорит – 6:2 в пользу русских; поэтому его и пригласили на телевидение. Пусть он неправ, но читать и слушать все это интересно.

Хоть я и согласен с теорией Робертсона, что Советский Союз старается избегать участия в соревнованиях, покуда не добьется в данном виде хороших результатов, я также согласен с Конекером, который высказал мысль, будто русские готовы даже к проигрышу и используют игры как своеобразную школу подготовки молодых игроков. Они, видимо, отдают себе отчет, что их

хоккей замедлил свое развитие и встреча с канадскими профессионалами вольет в него новую кровь.

Конекер утверждает, что независимо от результата встречи окажутся более полезными для русских, чем для канадцев. И с этим я соглашаюсь. Лишь потом мы убедились, что у русских есть много такого, что североамериканским командам не мешало бы перенять: их умение играть в пас, их физическую подготовку, их оборонительную тактику.

Русские доказали, что их отношение и подход к спорту более прогрессивны. Они проявили удивительную способность выявлять свои сильные стороны, сводить к минимуму слабые и создавать солидно обоснованные программы подготовки спортсменов. В сравнении с их системой организация подготовки хоккеистов в Северной Америке выглядит бледно. Мы можем многому поучиться у русских.

Если русские победят, они выиграют у сильнейших и будут признаны таковыми. Если они проигрывают, то смогут сказать, что хотели помериться силами с профессионалами и изучить их игру. Канадцам же отступать некуда. Мы должны победить с убедительным счетом – 8:0. Любая другая победа будет для нас сокрушительным поражением.

Вот и Конекер говорит: «Вся разница между нами и ими в умении стоять в воротах, и Драйден докажет это». Спасибо, Брайн, но что с твоей памятью? По-моему, ты забыл, что произошло в Ванкувере почти три года назад. Мы ведь играли с тобой в одной команде, когда русские загнали в мои ворота девять шайб. Девять голов! Либо у тебя память отшибло, либо я стал играть лучше. Надеюсь, что все-таки последнее.

Меня смех разбирает, когда разные знатоки начинают раскладывать игру на компоненты и произвольно выявляют победителя в каждом из них. По их общему мнению, картина получается такая:

броски – Канада

пас – Россия

чувство хоккея – Канада

физическая подготовка – Россия

вратари – Канада.

Итак, Тони Эспозито, Эдди Джонстон и я призваны обеспечить своей игрой в воротах значительное превосходство над русскими. Но кто сказал, что мы стоим в воротах лучше их? В общем, пожалуй, у нас защищают ворота надежнее. Но в данном случае обобщения не к месту. В такой непродолжительной серии матчей достаточно, чтобы хоть один вратарь был в отличной спортивной форме, и неважно, есть ли у него хорошая замена – если, конечно, он не получит травму. И кто сказал, что превосходство наших вратарей – если оно вообще существует – важнее, нежели их физическая подготовка или умение играть в пас? С тех пор как я перешел в профессионалы, мне было труднее всего играть против команды «Нью-Йорк рейнджере», выделяющейся хорошим пасом. От их коротких, резких передач вокруг пятачка у меня голова шла кругом. Что же будет в играх с русскими, которые умеют так передавать шайбу, как «рейнджерам», пожалуй, и не снилось? Так что всем этим рассуждениям грош цена.

Сегодня мы пару часов смотрели фильмы об игре русских. Поверьте мне, это хорошая хоккейная команда.

31 АВГУСТА

Русские прибыли в Монреаль вчера в девять часов вечера, а сегодня в девять утра вышли на лед пригородной сенлоренской «Арены», чтобы, как выразился Всеволод Бобров, «слегка поразмяться». Слегка? В течение девяноста минут все двадцать семь русских хоккеистов ни на секунду не присели, выполняя сложные упражнения, которые большинство канадцев видели впервые. На своих технических тренировках русские в основном отрабатывают игровые ситуации и проводят двусторонние игры; они не увлекаются бесчисленными и не очень осмысленными бросками по воротам, чем грешат тренировки многих канадских команд.

Кто-то поинтересовался у русских, не устали ли они после двух тренировок и из-за семичасовой разницы во времени между Москвой и Монреалем. Ведь, когда в Монреале 8 вечера, в Москве – 3 утра следующего дня. «Нет, не устали», – ответили нам. Две последних недели в Москве советские хоккеисты жили по монреальскому времени. По приезде сюда им не нужно было ни переводить стрелки своих часов, ни приспосабливаться к непривычному времени.

За всю тренировку ни один русский хоккеист ни разу не присел и не облокотился о борт, чтобы перевести дыхание или выпить глоток воды. Все тренировки в Канаде проводил Кулагин, Бобров помогал ему. Он укладывал хоккеистов на лед и заставлял делать отжимания, кувырки и другие упражнения, которые изнуряют тело, но зато поднимают дух – вроде сальто на коньках.

Одно из упражнений заключалось в том, что тройка нападающих на большой скорости (а это характерно для русских), катилась к воротам противника, на ходу меняясь местами, четко и безошибочно передавая друг другу шайбу. Затем один из нападающих, отступая к своим воротам, стал выполнять функции защитника, а двое его товарищей по нападению пытались его обыграть в стандартной ситуации: быстрый прорыв двух против одного. Немножко сложно, но зато очень практично.

После тренировки русские вернулись в гостиницу на обед и послеобеденный отдых, а затем отправились на экскурсию по городу. Однако в восемь часов вечера они снова были на льду «Арены», где провели часовую тренировку. На сей раз им понадобилось только шестьдесят минут, чтобы повторить все те упражнения, на которые утром у них ушло полтора часа. Затем снова в гостиницу.

1 СЕНТЯБРЯ

Мы вылетели из Торонто в Монреаль и успели посмотреть почти всю тренировку советской команды в «Форуме». Наблюдая за тем, как они катаются по площадке, совсем непохожие на сильную команду, я вспомнил прочитанное некогда о том, что произошло с американским прыгуном в высоту, экс-рекордсменом мира и явным претендентом на золотую медаль Римской олимпиады 1960 года Джоном Томасом. В течение нескольких дней два малоизвестных тогда русских прыгуна Валерий Брумель и Роберт Шавлакадзе не пропустили ни одной тренировки Томаса, а после расспрашивали его о технике прыжка. Томас смотрел, как они с трудом преодолевали планку, установленную на небольшой высоте, и всячески помогал им. Наступил финал соревнований по прыжкам в высоту. Вот тогда русские и заставили понервничать Томаса: Шавлакадзе выиграл золотую медаль, Брумель – серебряную, а Томас уехал домой практически с пустыми руками – с бронзой. Может, они хотят проделать то же самое с нами?

На утренней тренировке Третьяк, пропустивший восемь голов в Ленинграде, когда за ним наблюдали Маклеллан и Дэвидсон, только и делал, что цеплялся коньками за сетку ворот и пялил глаза на шайбу. Казалось, что нападающие во время броска вообще не умеют правильно распределять вес тела. Защитники выглядели большими и неуклюжими; они чуть не падали, когда им нужно было резко изменить направление движения. Во всяком случае, такими они мне показались... или мне просто хотелось их видеть такими?

Иногда это называют войной нервов. Русские могли быть довольны – первый раунд остался за ними. Им удалось произвести слабое впечатление на тренировке и одурачить нас лестными отзывами в наш адрес.

На трибуне появился Бобби Орт, минуту спустя к нему подошел кто-то из русских с ворохом бумаг и попросил автографы. «Для игроков», – объяснил он, и Бобби любезно подписал их. Бобби внимательно следил за перемещениями Третьяка в воротах, в особенности за тем, как тот неуверенно работал «ловушкой», и пришел к выводу, что Деннису Халлу, Филу Эспозито да и всем остальным, будет над чем позабавиться. Все мы без исключения были теперь совершенно убеждены, что одержим над русскими легкую победу.

И все же мне кажется, что за три года, прошедших с тех пор, как я последний раз выступал против русских, их бомбардиры значительно улучшили свою игру. Они по-прежнему предпочитают разыгрывать шайбу в непосредственной близости от ворот. При помощи коротких, резких пасов они разыгрывают шайбу в ближней зоне, затем передают ее неприкрытому крайнему нападающему, который бросает практически по пустым воротам. Для вратаря нет ничего труднее противодействовать такой игре. Наша защита должна помешать русским нападающим играть

таким образом, а для этого защитникам придется бросаться под шайбу и не давать русским приближаться к воротам.

В игре против «Нью-Йорк рейнджере» в прошлом году защитникам из «Монреалья» это не удавалось, и в результате американцы легко нас обходили. Вик Хэдфилд занимал прочную позицию в углу пятачка справа от меня и с этой точки забросил в мои ворота семь шайб. Разумеется, нашим защитникам приходилось беспокоиться и о бросках с дальней дистанции, которые я тоже мог пропустить. Когда команда обладает богатым арсеналом тактических приемов и с одинаковой легкостью поражает ворота и с тридцати пяти и с трех футов, обороняться против нее чрезвычайно трудно.

Насколько я знаю русских, они прекрасно забрасывают шайбы с трех футов, но не слишком часто с тридцати пяти. Поэтому задача защиты команды Канады несколько облегчается.

Во время тренировки нас поразила не техника русских, а их физическая подготовка. Как нам и говорили, они находятся в прекрасной спортивной форме, и при всей нагрузке даже нисколько не вспотели. Третьяк удивил Эдди Джонстона своими акробатическими трюками, которые он выполнял всякий раз, когда шайба оказывалась на противоположном конце катка. Он плюхался грудью на лед, и без помощи рук, рывком вновь вскакивал на ноги – и так восемь – десять раз. «Ты можешь себе представить, чтобы это проделал Гамп Уорсли?» – заметил Эдди. Или, скажем, Кен Драйден.

По окончании тренировки Третьяк остался в зале, чтобы посмотреть, как работаем мы. Он очень похож на молодого Стэна Микиту. У него румянец во всю щеку, который со временем сойдет от ежедневного применения бритвы. Он, вероятно, является «звездой», появившейся в результате осуществления программы ускоренной подготовки выдающихся вратарей. Дело в том, что в Советском Союзе было мало хороших вратарей, потому что у них мало игр, где спортсмен должен что-то ловить. Большинство вратарей НХЛ в прошлом играли в бейсбол, как я, например, выступая когда-то за команду Корнелльского университета. В СССР же в бейсбол не играют. Зато там очень популярен футбол, быть может, поэтому Третьяк так ловко орудует ногами.

Третьяк рассказывал, что начал играть в хоккей в семь лет и был сначала нападающим, как и его мать, которая увлекалась хоккеем с мячом. В ворота он стал лет в девять. В последние годы он просматривал фильмы о вратарях Эдди Джакомине и Жаке Планте и старался усвоить некоторые их приемы. «Мне бы еще самообладание Виктора Коноваленко», – заметил он в разговоре с нами. Виктор Коноваленко – известный советской вратарь по прозвищу Медвежонок, защищавший ворота советской команды – победительницы Олимпийских игр и мировых чемпионатов в шестидесятых годах.

Продолжая говорить, Третьяк наблюдал за бросками канадцев. Однажды он прервал свой рассказ вопросом: «Похоже, что Эспозито совершает бросок без всякой подготовки, верно?» Да, Владислав, верно. Он громко рассмеялся, когда переводчик спросил, почему он так плохо сыграл в ленинградском матче, на котором присутствовали Маклеллан и Дэвидсон.

«Да, сыграл я тогда неважно, – согласился он. – Но поймите, на следующий день у меня была назначена свадьба и, конечно же, мои мысли были заняты не хоккеем».

После тренировки Синден назвал состав команды на первую игру. Естественно, никаких сюрпризов не было. Вратарями назначены Тони Эспозито и я, но ни Гарри, ни Ферги не сказали, кто из нас начнет игру. Правда, нам намекнули, что, возможно, мы поделим игру пополам.

В защите Брэд Парк и Гэри Бергман составят одну пару, Дон Оури и Род Силинг – вторую, а Ги Лапуант будет их дополнять. Все так называемые эксперты удивились появлению в команде Бергмана. Сейчас они твердят, что не представляли, какой он хороший игрок. Но кто из экспертов в последние несколько лет присматривался к этому хоккеисту из Детройта? Когда играешь за команду, выступающую не столь блистательно, то волей-неволей выпадаешь из поля зрения специалистов. Берги – полноценный защитник; по сути, он, пожалуй, лучше всех умеет принимать шайбу на себя.

В центре первой тройки нападения будет играть Эспозито с Курнуайе и Фрэнком Маховличем ^ на флангах; Рателль выйдет со своими коллегами из Нью-Йорка – Хэдфилдом и Джилбертом, а Кларк будет играть с Эллисом и Хендерсоном. Питер Маховлич, Майк Редмонд и Ред Беренсон будут в запасе. Бобби Кларк, как и Бергман, недавно убедил специалистов, что он выдающийся хоккеист. Игрокам же это было известно давно.

Перед тем как покинуть лед, один из наших нападающих, Ред Беренсон, попросил Синдена и Фергюсона оставить нас на несколько минут одних, потому что ему хотелось кое-что сказать игрокам.

– Слушайте, – обратился к нам Ред, когда мы сгрудились у ворот, – у нас тридцать пять выдающихся хоккеистов, но завтра вечером форму оденут только девятнадцать. Ничего позорного нет в том, что ты не попал в их число. Не будем заблуждаться. Кто-то должен сделать выбор, и это ужасно неблагодарная работа. Не надо вешать носа. Не надо клясть тренеров. Мы команда из тридцати пяти человек. И давайте же будем ею.

После этого я поехал в гостиницу в центре города, немного соснул, а потом взял такси и отправился домой, чтобы тихо и мирно поужинать с Линдой. Странные в Монреале таксисты. Вот и этот обернулся ко мне и говорит: «Несдобровать вам, ребята, если проиграете». Впечатление такое, что нам грозят все двадцать два миллиона канадцев.

Около 8.30 вечера я вернулся в своей гостиничный номер и включил телевизор. Пока я смотрел по очереди то Олимпийские игры, то товарищеский матч по футболу между детройтскими «Львами» и балтиморскими «Кольтами», русские хоккеисты отправились в кинотеатр. Они собирались посмотреть ковбойский фильм, но остановились на «Крестном отце».

Кстати, сегодня Борис Спасский проиграл звание чемпиона мира Бобби Фишеру. Спасский сообщил ему о сдаче партии по телефону. Какой-то парень в «Форуме» сострил, что, может, русские хоккеисты тоже без явки на завтрашний матч позвонят и признают себя побежденными. Никто не рассмеялся.

2 СЕНТЯБРЯ

Вот наконец и пришел этот день. Позади недели и месяцы волнений. Через несколько часов мы узнаем, на что способны русские. Сейчас 15.30 – до начала игры четыре с половиной часа, и вопреки своим опасениям я чувствую себя значительно спокойней, чем ожидал. Сегодня утром в «Форуме» у нас было собрание команды, и после короткой разминки Синден сказал, что игру начну я. По его плану в первых двух встречах мы с Тони Эспозито будем защищать ворота поочередно: на каждого придется по шестьдесят минут игры. Учитывая обстоятельства, задумано, пожалуй, неплохо. Сейчас снаружи почти девяносто градусов по Фаренгейту, и в «Форуме» будет жарче, чем в финской бане. От эмоционального напряжения и из-за недостаточной физической подготовки я наверняка изрядно устану. Правда, Гарри сказал, что его окончательное решение будет зависеть от того, как сложится игра. В международных матчах в середине периода не разрешается проводить замену вратаря. Поэтому, если дела пойдут хорошо, я буду стоять сегодня в воротах два периода, а Тони один – третий. В понедельник вечером в Торонто два периода сыграет Тони, а я – один. Хоть бы все было хорошо.

По-моему, вратари не любят становиться в ворота на часть игры. Во всяком случае, мне это не по душе; другое дело, конечно, если получаешь травму. Не так просто прямо со скамьи выйти на лед и сразу же активно включиться в игру. Это трудно не только в физическом, но и психологическом отношении: ведь хочется сыграть не хуже того, кого ты заменяешь. Как бы то ни было, у тебя слишком мало времени, чтобы преодолеть то отрицательное напряжение, которое возникает, когда приходится вступать в игру в процессе встречи.

Сегодня утром я решил немного размяться на льду – обычно в день игры я этого не делаю. В «Канадиенс» принято: если вратарь хочет опробовать коньки на утренней раскатке, он должен выходить на лед в полном вратарском облачении. По этой причине в день игры я редко хожу на разминку. Сегодня же я с удовольствием покатался минут двадцать или около этого. Я воображал себя Бобби Орром, Филом Эспозито, Фрэнком Маховличем и Родом Джилбертом – всеми одновременно и раскатывал по катку, легко забивая шайбы в ворота других вратарей. Приятно для разнообразия почувствовать себя в роли нападающего.

На утреннем собрании Гарри Синден обратил наше внимание на кое-какие мелочи, о которых хоккеисты иной раз забывают. Например, на расстановку игроков при вбрасывании шайбы в различных точках льда и построение обороны при численном большинстве русских. Играя в большинстве, русские, как известно, очень тщательно разыгрывают шайбу: они могут потратить минуту и пятьдесят девять секунд на подготовку одного броска, если уверены, что он не пройдет мимо цели. При численном превосходстве они в отличие от нас не превращают ледяное поле в этакое стрельбище. У них все рассчитано и высокоэффективно.

После собрания один из наших защитников рассказал мне, что он заметил во время утренней тренировки русских. Похоже, что их форварды любят бросать шайбу из неудобного положения: вместо того чтобы обойти защитника и приблизиться к воротам, они производят бросок в движении, не заканчивая обводку. Ценное замечание, спасибо. Большинство наших профессионалов ничего подобного не делают.

Собираюсь поспать часов до пяти, потом совершу свою обычную предыгровую прогулку, а затем – в «Форум». Подготовлю пару клюшек и, как всегда, не спеша оденусь. Обычно в Монреале разминка перед рядовой игрой начинается в 19.30, но сегодня из-за всей этой шумихи и церемонии открытия мы выйдем разминаться в 19.15. Однако сомневаюсь, чтобы премьер-министру Трюдо удалось вбросить шайбу раньше 20.30.

...Итак, все позади. Около ста миллионов телезрителей следили за этой игрой в Советском Союзе. Несколько миллионов – в Европе. Более двадцати пяти миллионов канадцев и американцев смотрели ее у себя дома. А в «Форум» набилось почти двадцать тысяч ее живых свидетелей. Клянусь, что теперь они все до одного знают, что отчество Валерия Харламова – Борисович, а Владислава Третьяка – Александрович. Все было подготовлено для великого торжества канадского хоккея. Но приехали русские и все испортили, показав 60 минут такой игры, которая нам никогда не снилась. Они победили нас со счетом 7:3, и победили заслуженно.

Когда в 19.15 мы вышли на лед, я довольно сильно нервничал. «Форум» был словно наэлектризован. В зале не было ни одного свободного места. Всю разминку зрители приветствовали нас стоя, а когда на лед вышли русские, зал, к моему великому удивлению, устроил им такую же овацию.

Меня это потрясло. Я плотно сжал губы. Спина напряглась. Мною овладела решимость. Мне казалось, что я готов к бою.

Затем зрителям долго представляли знаменитостей: премьер-министра Трюдо, лидера оппозиции Роберта Стэнфилда и всех остальных. Премьер-министр объявил вчера о предстоящих выборах, а тут представилась такая удобная возможность показаться своим будущим избирателям.

Мы начали очень резво. Пожалуй, слишком резво. Уже на тридцатой секунде Фил Эспозито посылает отскочившую шайбу в ворота Третьяка. Я успокоился. Находясь справа от Третьяка, Бобби Кларк чисто выигрывает вбрасывание, передает шайбу назад Полу Хендерсону и тот забрасывает ее в ворота. Третьяк даже не среагировал на бросок Пола. Два гола менее чем за семь минут. Неплохое начало...

Однако победить в этой встрече будет нелегко. Русские, кажется, взялись за дело. Они начали играть в пас, разыгрывая красивые комбинации. И вот Евгений Зимин забрасывает с пятачка ответную шайбу. Гол. 2:1. У них удаляется игрок, но нам не удается реализовать большинство. Снова удаление их хоккеиста, и опять они удачно обороняются. Где, о где наш Бобби Орт! Они

забрасывают вторую шайбу. Борис Михайлов и Владимир Петров врываются в нашу зону против одного защитника и разыгрывают шайбу именно так, как они привыкли это делать на тренировке. Я отбиваю бросок Михайлова, но Петров добивает ее в ворота. Гол. 2:2.

Отправляясь в раздевалку, я начинаю понимать, что игра будет долгой и трудной, более трудной, чем мы могли вообразить. В комнату вошел Гарри; узел его галстука распущен, по лицу струится пот. «Мы играем в хоккей, – сказал он. – Вы что, ожидали чего-то другого?». В комнате установилась напряженная тишина. Нет, нет. Ничего другого мы и не ждали. Конечно, нет. И все-таки – да. Но у нас же превосходная техника. Чтобы победить, нам нужно только одно: немного собраться. По тому, как Гарри сказал это, показалось, что и он рассчитывал на легкую победу. И вообще, сомневался ли кто-нибудь в том, что мы легко преодолеем сопротивление русских?

В этом усомнился Валерий Харламов. Он играл на левом крыле первой тройки советской команды и двигался с невероятной быстротой. Находясь у противоположного борта, он получил шайбу от Александра Мальцева. Ушел от Рода Джилберта, обыграл Дона Оури. Совершенно неожиданно шайба проскакивает у меня между ног и влетает в ворота.

Русские повели 3:2. И тут они стали играть с нами в «ну-ка, отними». Даже когда это нам удавалось и мы овладевали шайбой, ее отбирал у нас Третьяк. Трое наших выходят против одного русского. Возможность сравнять счет. Шайба попадает к Фрэнку Маховличу. Бросок. Третьяк накрывает шайбу. Гола нет. Потом Джилберт и Жан Рателль выходят вдвоем против одного защитника. Рателль пасует Джилберту. Третьяк чуть выходит вперед и берет шайбу.

В середине игры Харламов с Мальцевым опять врываются по центру в нашу зону. Харламов начинает обходить одного из наших защитников. Неожиданно, не закончив обводку, он бросает шайбу. Я среагировал слишком поздно, и шайба мимо моей перчатки влетает прямо в сетку ворот. Русские ведут 4:2.

По окончании второго периода мы с опущенными головами катились со льда в раздевалку. Настроение у всех было странное. У нас будто гора свалилась с плеч. В течение этих двух периодов русские доказали, что они хорошая команда. Теперь в этом убедились вся Канада. Проигрыш только этого матча, только одной встречи еще не будет для нас позором. Конечно, оценка придет позже. Сейчас и позора и угроз хоть отбавляй. Отныне нам предстоит бороться за свою жизнь в хоккее. Если два периода назад мы могли потерять все, то теперь терять нам уже нечего.

В начале третьего периода мы предприняли штурм их ворот, и Кларку в конце концов удалось сократить разрыв на одну шайбу. 4:3. Однако к этому моменту мы уже выдохлись и физически, и морально. Русские же, не сбавляя ни на секунду темпа, за последние семь минут игры забросили в наши ворота еще три шайбы. Окончательный результат встречи: СССР – 7, Канада – 3. «Катастрофой века» назвал эту игру один из руководителей НХЛ.

Мы снова в Торонто, где проходил наш тренировочный сбор. Почти четыре утра, но я не могу уснуть. Продолжаю задавать себе разные вопросы. Как же мы проиграли? Почему проиграли? Во что все это теперь выльется? Вопросы, вопросы, вопросы... Но не на все из них имеются ответы. Самого себя надо спросить, почему не играл лучше...

По-моему, наш проигрыш объяснить можно несколькими причинами. Прежде всего нас подвела недостаточная физическая и морально-волевая подготовка. Мы были готовы для проведения двусторонних тренировочных игр, быть может, даже для встреч начала сезона НХЛ, когда другие игроки находятся в такой же неважной форме, что и мы. Но мы плохо подготовились к матчам с командой, прекрасно бегающей на коньках и всегда пребывающей в отличной спортивной форме. Ред Беренсон был прав, когда несколько дней назад говорил, что в данный момент нам еще рано играть с русскими. К тому же на нас отвратно подействовало то психологическое напряжение, в котором нас держала канадская спортивная общественность. Вчера вечером мы выглядели усталыми.

Почему-то мы все считали, что русских надо сломить сразу и именно сейчас. В результате мы перестали играть в осмысленный хоккей и беспорядочно забегали по полю. Мы упрямо старались пробиться через защитный заслон русских из трех, четырех и даже пяти игроков, стали играть слишком индивидуально. Под конец мы ударились в панику.

Когда проигрываешь гол или два, это еще не катастрофа. Мы же вели себя так, будто произошло невесть что. Затем мы перешли на жесткую силовую игру, но ведь для этого тоже надо быть в хорошей форме. Казалось, русским должно было очень здорово от нас доставаться, однако при столкновениях мы просто отскакивали от них.

Надеюсь, теперь мы усвоили, что запугать русских нельзя. Они никогда не теряют своей манеры игры. Поразительно, как они дисциплинированы. В конце концов мы заиграли просто грубо, а им все нипочем, посмеиваются только. По собственному опыту знаю, что когда хоккеисты одной команды начинают играть грязно, то другая команда понимает, что противник изрядно устал. Представляю, что сейчас думают о нас русские: вот вам и канадские профессионалы – растерялись, да к тому же пытаются грубить. Нам повезло, что в третьем периоде нас не штрафовали еще чаще. И уж, конечно, концовка игры была далеко не классической.

Я уверен, что русские невысокого о нас мнения еще по одной причине: в конце международных хоккейных матчей игроки обеих команд выстраиваются, приветствуют зрителей, а затем пожимают друг другу руки. Я знал об этой традиции, остальных же о ней не поставили в известность. В НХЛ такой ритуал не принят. Поэтому по окончании игры мы быстро отправились в свою раздевалку, а русские остались на льду, клюшками приветствовали трибуны и, похоже, ждали, что мы вернемся, чтобы обменяться рукопожатиями. Они, понятно, были разочарованы, что мы не возвратились. Все это испортило впечатление от игры еще больше.

А ведь встреча была по-настоящему интересной. Как говорится, за битого двух небитых дают. Надеюсь, теперь мы кое-чему научились. Конечно же, мы не знали, чего можно ожидать от

русских; никто из нас не предполагал, что в Монреале они смогут выступить так хорошо. Все, что мы о них слышали, что видели сами, не давало нам возможности судить об их истинной силе. Маклеллан и Дэвидсон, видевшие их игру в Ленинграде, убедили нас, что нам не о чем беспокоиться. Вся наша пресса и болельщики нисколько не сомневались, что мы победим во всех восьми встречах. В такой обстановке мы настроились на легкую победу: ничто, мол, не сможет нас остановить. Да и начало игры, когда мы повели 2:0, лишь укрепило нашу уверенность.

Каждый из нас на десять – двенадцать фунтов тяжелее их хоккеистов и на два-три дюйма выше, но это не давало нам никакого преимущества в физической борьбе за шайбу. По существу, в первой игре русские овладевали свободной шайбой в девяноста случаях из ста. Отличный показатель. Правда, они не так красиво стоят на коньках, как Рателли или Маховличи, но их энергичный и резвый бег позволял им опережать нас в борьбе за свободную шайбу и не отставать при отборе шайбы в защите. Пэт Стэплтон, следивший за игрой с трибуны, тоже заметил, что из-за принятой у них стойки, с широко расставленными ногами, их трудно сбить с ног; поэтому при столкновении нам доставалось больше, чем им.

Советские хоккеисты обладают невероятным умением контролировать шайбу даже на чужой половине поля. Бросать по воротам они тоже умеют, правда не так блестяще. Кроме броска Харламова с 25 футов во втором периоде, все шайбы были заброшены с довольно близкого расстояния. Ужасно то, что они создавали поразительное множество голевых ситуаций, и все же отказывались от броска и делали еще одну передачу. Возьму на себя смелость сказать, что, бросай они по воротам из таких ситуаций хоть вполовину чаще, счет в их пользу мог бы удвоиться. То и дело в пятнадцати футах от меня возникала фигура русского хоккеиста, владеющего шайбой. У вратаря почти нет шансов поймать шайбу, брошенную с такого расстояния, однако русские упорно продолжали играть вокруг ворот в пас.

Накануне матчей хоккейные специалисты в один голос твердили, что превосходство канадских вратарей над русскими явится решающим фактором встреч. Они, мол, лучше русских вратарей умеют отражать дальние щелчки профессионалов; русские вратари-де, растеряются не только от силы этих бросков, но даже от одного их звука. На деле же ничего подобного не произошло. Нам ни разу не удавалось произвести сильный бросок по воротам Третьяка с расстояния более двадцати пяти футов, потому что русские нападающие и защитники просто не давали нам это делать. Третьяк, возможно, не очень силен в умении останавливать такие дальние броски, но нам так и не удалось его испытать. Единственное, что мы могли сделать, – это бросать после отскока, но при этом надо учитывать необычайную подвижность Третьяка.

Быть может, броски издалека – слабая сторона игры русских, но вчера они ухитрились так хорошо контролировать шайбу в нашей зоне, что, выводя своих игроков на удобную для броска позицию вблизи от ворот, они не оставляли вратарю почти никаких шансов поймать шайбу. Бросок с пятнадцати футов не обязательно должен быть очень сильным. Я, конечно, сыграл неважно, но из всех пропущенных шайб я мог бы взять, пожалуй, только две, а это не так уж много.

Больше всего в советской команде нас поразило их умение владеть шайбой. Я и представить себе не мог, что против сборной профессионалов они смогут выступить так же успешно, как выступили

против сборной любительской команды три года назад. Мы часто бросались под броски, но русские хладнокровно объезжали наших распластавшихся на льду хоккеистов. Эту тактику применять против них бессмысленно: они не так уж часто бросают по воротам, а когда это делают, их броски не настолько сильны, чтобы стоило подвергать свою команду опасности остаться в численном меньшинстве – так как блокирующий игрок на время выбывает из игры. Вот уж действительно: век живи, век учишься.

Завтра вечером – второй матч, и нам придется многое пересмотреть. Играть надо будет более сосредоточенно и спокойно, обратив особое внимание на защиту. Думаю, стоит упомянуть, что лучшая тройка нападающих НХЛ – Рателль, Джилберт и Хэдфилд из «Рэйнджерс» – отличается умением вести комбинационную игру с большим количеством передач, в чем как раз сильны русские. Как правило, наши профессиональные команды плохо справляются с такой тактикой игры нападающих, и сборная Канады в этом отношении не явилась исключением. У русских целых три тройки могут сделать то, что, пожалуй, по плечу лишь этому одному из сорока пяти звеньев Национальной хоккейной лиги.

Интересно, что ньюйоркцы тоже не смогли хорошо сыграть против русских. Их очень плотно опекали, что с ними не часто случается в играх с НХЛ. Объяснить это, видимо, можно тем, что русские привыкли обороняться против троек, играющих именно в такой манере, а поэтому весьма успешно с ними справлялись. Обычно Хэдфилд жестко и сильно играет в углах площадки, но советским хоккеистам и он оказался по плечу. Единственная тройка НХЛ, успешно сыгравшая в прошлом сезоне против «рейнджеров», состояла из бостонцев Эспозито, Кэшмена и Ходжа. Ходж, который крупнее Хэдфилда, нейтрализовывал его в углах, Кэшмен вступал в силовую борьбу с Джилбертом, а Эспозито брал на себя Рателля.

Кроме того, я не мог надивиться подвижности защитников советской команды, которых я всегда считал увальнями. Может быть, мы еще не проверили их по-настоящему?

На душе скверно. Когда в конце игры я поймал легкую шайбу, болельщики не без ехидства заплодировали мне. Свою досаду они обрушили на меня, потому что я был последней линией обороны. Именно я пропустил эти семь шайб. Может, я и заслужил критику, не знаю. Но когда переживаешь сам, ее очень трудно воспринимать правильно.

Стоит задуматься о своей игре, потому что, сколько я себя помню, в международных матчах я всегда выступал без особого успеха. Это наводит меня на всякие мысли. Подходит ли мой стиль к международному? При росте 6 футов 4 дюйма в игре ногами я, естественно, не являюсь самым быстрым вратарем в мире. Может, для международных встреч нужен вратарь более подвижный? И вообще я, наверное, никогда не приспособлюсь к манере игры русских, построенной на быстрых и резких передачах вокруг ворот, если не изменю свою вратарскую тактику и не откажусь от игры на выходах. В НХЛ вратари довольно часто покидают ворота и выходят навстречу игроку, совершающему бросок. Уместно ли это в данном случае? Об этом стоит подумать.

Получили и приятную весть: сегодня у Парка родился Джеймс Эдмунд Парк. Мальчик весит семь фунтов четырнадцать унций. Его мать Джерри чувствует себя хорошо, Брэд тоже идет на поправку. Эмиль Френсис – уж я-то его знаю – включил, наверняка, некоего Дж. Э. Парка в список кандидатов «Нью-Йорк рейнджере». Воображаю, какими будут заработки хоккеистов, когда Дж. Э. Парку стукнет двадцать!

Удивительно, что канадская печать пока еще не очень сильно критикует нас за проигрыш со счетом 3:7. Авторы статей пишут больше о мастерстве русских, чем о наших недостатках. Хотелось бы, чтобы это поняли и болельщики.

Как повлияет поражение в этом матче на предстоящий сезон НХЛ? Захотят ли любители хоккея смотреть тридцать девять матчей чемпионата лиги на своем поле в основном против средних команд, созданных в результате расширения НХЛ? Я все-таки думаю, что у нас и игроки и команда лучше и что мы еще покажем себя и победим. Но что будет с нами, если мы все-таки проиграем? Что скажут болельщики о наших миллионных заработках? Потребуют ли владельцы команд увеличения объема тренировок и изменения их программы? Что все-таки произойдет, если мы проиграем? Не приведи господь!

Спать. Забыться во сне...

Уже час дня. Чувствую себя опустошенным. Будто совершил какой-то проступок, а теперь жду расплаты. У меня нет ощущения, будто я кого-то подвел, но в то же время мной владеет чувство беспомощности перед свершившимся фактом. Мне так и хочется ущипнуть себя: а не приснилось ли мне все это? Все отошло куда-то в прошлое и уже не воспринимается так четко.

Я вскочил, оделся и спустился в вестибюль гостиницы. Там мне повстречались Фред Фишер и Тэд Блэкман, спортивные редакторы соперничающих газет «Монреаль стар» и «Монреаль газетт». Мнение обоих было на сей раз одинаковым. «Такое чувство, словно у меня что-то отобрали», – сказал Фишер. Верно. У меня тоже пропало чувство, что, коль ты канадский хоккеист-профессионал, значит, лучше всех хоккеистов в мире. Назовем это разочарованием. Нет, с этим надо кончать. Мы все сообща должны вернуть себе звание лучших.

Спустя некоторое время я отправился перекусить в ближайшую закусочную. До чего невкусный хэмпбургер! Отвратительный до ужаса. Впрочем, сейчас мне и филе-миньон показалось бы не лучше жареной подметки. После этого я пошел на тренировку в «Мейпл лифс гарденс». И вот мы снова все вместе, но настроение у нас совсем не то, что прежде. Команда, которой прочили восемь побед, одну встречу уже проиграла и пребывала в полном отчаянии. Что до меня, то мне было нужно, чтобы кто-нибудь приободрил меня. Хоть кто-нибудь. Но я так и не получил этой поддержки. Возможно, я ее не заслужил.

Состояние у меня было действительно подавленное. Почти всю тренировку я простоял у бортов, делая все возможное, чтобы казаться бодрым. Ворота в течение всей тренировки защищали Тони

и Э. Дж. Меня попробовали в первой игре. Я провалился, а теперь меня сбросили со счетов. К этому ощущению я не привык. То вратаря считают лучшим кандидатом для защиты ворот в первой игре, то его просто вышвыривают на улицу. Это весьма унижительно. Это просто форменное унижение.

Гарри и Ферги собираются сделать восемь замен в составе команды на игру завтра вечером, что составляет практически пятьдесят процентов от списка игроков, участвовавших в первой игре. В воротах будет стоять Тони, а запасным у него будет Э. Дж. Я же буду сидеть где-то на трибуне. В защите снова будут выступать Парк, Бергман и Лапуант, и к ним присоединятся Уайт, Стэплтон и Савар. Русские играли тремя парами защитников в первой игре, мы же пытались действовать только двумя парами, периодически используя Лапуанта. Наши парни выдохлись задолго до окончания игры, их же защитники были свежими. Мне кажется, что и нам лучше играть шестью защитниками.

Парк и Бергман, по-моему, неплохо дополняют друг друга, Уайт и Савар около двух лет играли вместе в Чикаго, а Лапуант и Савар часто действовали в одном звене в Монреале. Одним из важных компонентов надежной игры в защите является знание своего партнера. Вы должны знать, где он хочет получить шайбу, на какую руку, высоко или низко и когда она ему нужна. Вы также должны ясно представлять, когда он может совершить с ней стремительный рывок и когда вам лучше остаться сзади, чтобы подстраховать вратаря. Что касается нападения, то некоторые из замен можно было предвидеть заранее. Тройка Рателль, Джилберт, Хэдфилд отправится на трибуну вслед за мной. Микита заменит в центре Эспо в тройке с Фрэнком Маховличем и Курнуайе, а сам Эспо получит в качестве крайних нападающих Паризе и Кэшмена. Звено Кларк – Эллис – Хендерсон было лучшим в Монреале, поэтому оно останется без изменений. Билл Голдсуорси вместе с Питером Маховличем будут запасными нападающими.

Совершенно очевидно, что завтра вечером играть мы будем по-другому. Гарри согласился с этим.

– Нам нужно будет отрядить нескольких игроков для отбора шайбы в углах площадки, – сказал он.
– Мы не можем позволять русским разыгрывать шайбу, как они это делали в Монреале.

Мне понятен смысл его замен. Микита является отличным дирижером, а Фрэнк и Айвэн нуждаются в игроке такого плана. Филу Эспозито, напротив, не нужны рядом великие бомбардиры; ему необходимы «пахари», умеющие отбирать шайбу в углах площадки. Кэшмен и Паризе как раз подходят для этого дела.

Мне также понравилось то, что сказал Хэдфилд, когда узнал, что игроки «Рейнджере» не будут принимать участия во второй игре. «Понятно, я огорчен, – заявил Вик – Но сейчас не время жаловаться. Сейчас настал тот момент, когда лямку надо тянуть всей артелью».

После тренировки все мы вместе с русскими игроками должны были присутствовать на приеме, организованном провинциальным правительством в «Саттон плейс». Как и большинство других,

этот прием был сплошной скукой. Насколько я мог понять, мы были там для того, чтобы давать автографы, присутствовать и что-то механически писать на клочках бумаги. У меня смешанные чувства в отношении истинной ценности автографов. С одной стороны, я помню, как собирал их сам, и знаю, что при этом существует эмоциональный контакт между атлетом и болельщиком. С другой стороны, я считаю, что автограф должен означать нечто большее, нежели механически сделанную подпись, а ведь слишком часто дело обстоит именно так. Это чувство привело меня к одной грубой ошибке, которую я совершил во время приема. Вокруг меня сновали люди и совали в лицо клочки бумаги. Они вполне искренне полагают, что ты просто обязан подписывать их бумажки. Они никогда не скажут: «Могу ли я получить ваш автограф?» или: «Не будете ли вы так любезны, чтобы написать это для меня?» Нет. Они бесцеремонно толкают тебя, и спустя некоторое время ты начинаешь свирепеть.

Один из них сунул свою записную книжку и показал на нее, как бы давая мне понять, что он желает получить мой автограф. Я сказал ему один раз «пожалуйста», потом еще раз «пожалуйста». А он все стоит, не говоря ни слова. Я действительно был зол, но все же расписался. После чего он ушел. Когда он уходил, я заметил, что на нем был темносиний пиджак, на грудном кармане которого красовалась эмблема с серпом и молотом. Это был русский хоккеист. Я чувствовал себя круглым, идиотом. Надеюсь, он не заметил моей заносчивости.

На приеме всем игрокам были вручены наручные часы «Омега» новой модели с тысячью делений и цифр на циферблате. Мои, похоже, весили около тридцати фунтов. После приема я вернулся к себе в номер, заказал пиццу, которая оказалась даже хуже тех двух хэбургеров, которые я съел в полдень, и сел смотреть трансляцию Олимпийских игр. Я развлекался тем, что, как секундомером, засекал время своими новыми часами. После одного из заплывов, в котором стартовал американский пловец Марк Спиц, стрелка моего секундомера показала время 51,5 сек, и официальный результат был 51,5 сек. Неплохо. Не думаю, что я с этими часами расстанусь.

4 СЕНТЯБРЯ

Большинство канадских газет по воскресеньям не выходят, поэтому гнев прессы обрушился на нас только сегодня утром. Тут было над чем позабавиться. Редакторы, что называется, палили по нам из двух стволов. Хоккейные обозреватели, однако, пытались дать игре объективную оценку. Они не обливали нас грязью и не искали козлов отпущения. Нет, они просто писали о том, как здорово играли русские. И они были правы.

С комментариями же Кларенса Кэмпбелла я согласиться никак не могу. Как президент НХЛ, он, конечно, привлек к себе внимание публики. Когда Кларенса попросили дать оценку первой игре, он перед выступлением заметил: «Я не хочу и не люблю после свершившегося факта подвергать сомнению правильность некоторых действий тренеров», после чего стал преспокойно делиться своими сомнениями.

В своей статье он усомнился в правильности назначения на игру Ги Лапуанта и меня, предположив, что решение Гарри Синдена было вызвано тем, что игра проводилась в Монреале.

Я думаю, что он очень несправедлив. Сейчас, когда мы проиграли, когда нам нечем защищаться, он бьет нас по зубам. Кстати, мои результаты в ответственных, да и второстепенных играх, не так уж плохи. Я хорошо поработал во время тренировочного сбора команды Канады и заслужил право участвовать в первой игре. Мне стыдно за всю эту болтовню.

Я рад, что Кларенса сейчас нет в моей комнате. Окажись он здесь, я был бы к нему столь же несправедлив, как и он ко мне. Не могу даже представить, как он мог говорить такое.

Здесь же в другой заметке я прочитал, что владелец «Мейпл лифс» Гарольд Баллард заявил, что он готов заплатить русским миллион за Валерия Харламова.

Рекламный блеф, доложу я вам. Харламов не сможет уехать из России и играть за «Лифе». И Баллард знает это. Все, чего хочет Баллард, – это дать понять болельщикам Торонто, что, несмотря на уход ряда игроков в ВХА, его команда предпринимает максимум усилий для того, чтобы стать победительницей.

Президент Международной федерации хоккея на льду Банни Ахерн, не являющийся большим почитателем канадских профессионалов, выступил из своего офиса в Лондоне с заявлением: «А что я вам говорил?» Мораль этой истории такова, сказал Ахерн, что совсем не обязательно быть канадцем, чтобы стать первоклассным хоккеистом. И с вызовом заметил: «Не думаю, что канадцы проснутся. Они слишком узколобы. Сейчас они начнут придумывать себе алиби...»

Извините, Банни, ничего подобного у нас и в мыслях нет, уж поверьте мне.

Официальное советское телеграфное агентство ТАСС просто сообщило, что русские любители развеяли «миф о непобедимости канадских профессионалов».

Их комментарии были сдержанными в сравнении с тем, что говорилось в редакционных статьях газет Торонто. «Стар» назвала матч «хоккейным унижением», заявив в заголовке, что «наша команда «чересчур деликатно представляла нас». «Дебютируя в хоккее мирового масштаба, – говорилось в статье, – наши изнеженные любимчики профессионалы действовали так, будто их только что познакомили друг с другом, и были обыграны русскими. Разве не вправе мы ожидать в сентябре от игроков, получающих от 50 до 100 тысяч долларов в год, такой же спортивной формы, что и у русских?» Далее «Стар» критиковала нас за отсутствие «хорошего тона и спортивного духа» во время заключительных минут игры в Монреале. «Помимо испытанного унижения, команда Канады опозорилась не только своей бессмысленной грубостью по отношению к русским хоккеистам, проявившим при этом самообладание, достойное всякого уважения, но и уходом с площадки без заключительного обмена рукопожатиями. Бесполезно отрицать тот факт, что у канадских хоккеистов принято грубой игрой и дракой с соперником пытаться смягчить горечь поражения. Но разве допустимо, чтобы наши профессионалы, участвуя в соревнованиях мирового значения и проигрывая, уподоблялись людям, не знающим элементарных правил спортивной этики? Уж коли мы терпим поражение, то делать это надо, не теряя своего достоинства!»

Ух!...

Пожалуй, заголовок статьи Джима Коулмана в «Сан» наиболее точно выражал то, что сейчас необходимо всем нам. В нем говорилось: «Перестаньте брюзжать! Сегодня вечером – вторая игра!»

Увы, она состоится без меня. Утром я тренировался с «золотым» запасом, а вечером мы будем сидеть все вместе на трибуне. В хоккейной команде «золотым» запасом называют не заявленных на игру хоккеистов. Не запасных игроков, а тех, кого даже не включили в заявку. Такие игроки не очень часто появляются на площадке. Во время тренировки я много размышлял о заменах, которые Гарри произвел накануне второй игры, и что из этого выйдет сегодня вечером. Ведь те, кто участвовал в первой встрече, прошли, что называется, проверку боем. И в этом их преимущество. В Монреале нам здорово досталось, да и обстановка была чересчур напряженной. Мы, наверное, учтем опыт первой встречи. Быть может, даже сегодня вечером.

На первую игру мы выставили девятнадцать игроков, которые считались лучшими. Сейчас мы делаем восемь замен. Неужели мы так здорово ошиблись с составом? Впрочем, Гарри и Ферги, понаблюдав за русскими, могли прийти к заключению, что другие наши хоккеисты сумеют лучше противостоять их манере игры.

Ну и наконец, если после проигрыша команда выходит на следующую игру в прежнем составе, то само собой разумеется, что она горит желанием отыграться. Сейчас же в таком настроении находится, пожалуй, лишь половина команды. Смелое решение. Думаю, что оно основывается на том, как мы выступали накануне – большинство игроков, посаженных на скамейку запасных, не заслуживает права участвовать в сегодняшней встрече.

Как и следовало ожидать, «золотой» запас тренировался без огонька. Были мы сердиты, хмуры и подавлены. Никто из нас не привык следить за игрой в качестве зрителя. В довершение всего один из бросков Хэдфилда пришелся на ушибленный палец, и боль сейчас просто сумасшедшая. А ведь в Монреале травма меня совсем не беспокоила.

После тренировки Гарри и Ферги повели нас на фильм ужасов: полнометражную видеозапись нашего бедствия в Монреале. Да еще в цвете. Смотрели мы, стиснув руками головы и открыв рты. Это была пытка. Трудно поверить, сколько раз русские заставляли нас терять шайбу, сколько раз они выходили вдвоем против одного защитника, сколько раз бросали по воротам после проходов один на один, что, между прочим, не считается в НХЛ опасной ситуацией. Кто-то насчитал 10 моментов, когда русские, выходя один на один, чисто обыгрывали нашу защиту.

В НХЛ защитники, применяя силовые приемы, обычно легко прерывают индивидуальные проходы нападающих, прежде чем те успеют произвести бросок. Не понимаю, как это удавалось русским. Я хочу сказать, что техника игры клюшкой у них не такая уж безукоризненная. Конечно,

Харламов и Мальцев виртуозно владеют клюшкой, прекрасно используя при этом обманные движения ногами. Но может быть, именно этим они и вводят нас в заблуждение? Они так хорошо играют в пас, что защитник больше беспокоится о возможной передаче, нежели о броске по воротам.

Кое-что из этого фильма ужасов почерпнул и я. Во время игры на пяточке русские нападающие располагаются сбоку от ворот, рядом со стойкой, почти на продолжении линии ворот, в то время как игроки НХЛ обычно выбирают место перед воротами. В НХЛ я привык отбивать шайбу в угол площадки, чтобы она не попала нападающим, но в этой игре я парировал ее прямо на клюшки русских форвардов.

Это надо учесть в следующем матче. В одном эпизоде казалось, что я блестяще отразил бросок Зимина, находившегося прямо против меня. Действительно, я взял несколько трудных шайб, но только эта была не из их числа.

То, что внешне выглядело блестящей игрой вратаря, было на самом деле лишь перехватом передачи. Кто-то отдал пас через зону ворот Зимину, который оказался перед воротами совершенно один. Выставив вперед клюшку, я выскочил навстречу нападающему в отчаянной попытке отразить бросок. Шайба ударила в перчатку и осталась подо мной. Большой успех вратаря? Ничего подобного. Просто Зимин пытался отдать шайбу Александру Якушеву, который одиноко стоял с другой стороны вратарской площадки и, несомненно, забил бы легкий гол в совершенно пустые ворота.

В НХЛ редко увидишь, если вообще случается видеть, розыгрыш шайбы в такой близости от ворот. Игроки предпочитают бросать сразу.

В тот же день я снова разговаривал с Риком Нунаном, который сказал, что русские в последнее время изменили свое отношение к хоккею. Раньше, когда команду тренировал Анатолий Тарасов, выдающийся тренер, которого многие считают «отцом советского хоккея», тренировки носили утомительный, напряженный и невеселый характер. У нового тренера – Всеволода Боброва – хоккеисты чувствуют себя на льду более свободно. Один из советских тренеров сказал Рикку, что если в этой серии игр они потерпят поражение, то никто не станет делать из этого особой трагедии. По его словам, они предполагали проиграть в Канаде три игры и одну свести в ничью. Худший результат был бы для них огорчительным. Во время перелета из Монреаля в Торонто после первого матча один из русских хоккеистов сказал Рикку, что им понадобилось около десяти минут игры, прежде чем они поняли, что канадские профессионалы такие же простые смертные, как и они.

Боюсь все же, что любители спорта еще долго будут обсуждать результаты этих встреч. Прохожие. Водители такси. Швейцары. Официанты. Писатели. Тренеры. Президенты лиг. Премьер-министры. У каждого есть своя теория. Всякий воображает себя либо тренером, либо игроком, разглагольствуя и фантазируя при этом. Но все это ужасная чушь. Хорошо им сидеть и с важным

видом молот несусветную чепуху. В хоккее же приходится играть нам. Уж мы-то знаем, что делать. Впрочем, знаем ли?

До сих пор понятия не имел, как плохо быть в «золотом» запасе. Нам надо присутствовать не только на играх, но и принимать участие во всех мероприятиях, организуемых почти ежедневно правительственными чиновниками. Сегодня состоялся очередной банкет. Терпеть не могут этих банкетов, от которых так и разит политикой самого низкого пошиба.

Синден и Фергюсон вносят изменения в тактический план игры на вторую встречу. Прежде всего в течение всего матча мы должны будем непрерывно посылать шайбу в зону противника и энергичными действиями пытаться овладеть ею. Идея неплохая, потому что в первом матче мы слишком много играли в пас у синей линии, а в пас мы играем довольно слабо. Русские нападающие и их агрессивные защитники довольно легко прерывали наши передачи у синей линии. Они отбирали шайбу и врываются в нашу зону, создавая численный перевес: втроем против двоих или вдвоем против одного. Сегодня вечером мы будем вбрасывать шайбу в их зону и будем бороться за нее. Уверен, что, если нам удастся запереть русских в зоне, они станут допускать ошибки.

Во-вторых, наши крайние нападающие теперь не будут опекать русских защитников в своей зоне, а станут несколько дольше задерживаться в углах площадки для оказания помощи своей защите. Как правило, атаку у русских начинают защитники, а нападающие развивают и завершают ее, так что нашим центрфорвардам придется в одиночку брать на себя двух защитников.

Как я уже говорил, мы выйдем играть тремя, а не двумя парами защитников, но замену, видимо, будем производить по-своему, а не так, как русские – пятерками. Каждый раз, когда они делают замену, на лед выкатывается целая пятерка игроков. Мы же, наверное, будем менять нападение и защиту по отдельности.

Все замены оправдали себя, и мы выиграли со счетом 4:1. Тони Эспозито сильно и уверенно стоял в воротах и не раз выручал команду. Выстояла и защита, не давая русским форвардам прорываться к воротам и без особого труда выбрасывавшая шайбу из нашей зоны. Линия нападения, в особенности Кэшмен и Паризе, непрерывно атаковала русских по флангам, временами вызывая в их рядах растерянность – вещь, которая раньше казалась мне совершенно невозможной. Правда, иногда наша игра становилась весьма пошлой. Не раз вверх угрожающе взлетали клюшки, намекая русским, что может произойти вслед за этим. Были в игре и откровенно грубые моменты. Порой становилось неловко и даже стыдно за своих. На месте русских я бы наверняка подумал: «Эти канадцы, должно быть, настоящие звери, раз они позволяют себе такие выходки».

Кэшмен с большой пользой трудился в углах площадки, отбирая шайбу и передавая ее Филу Эспозито. Именно благодаря упорству Кэша и была заброшена первая шайба, когда Эспозито принял ее в своей любимой точке футах в двадцати перед воротами и с ходу послал в ворота Третьяка.

Второй гол мы забили в начале третьего периода, когда Курнуайе, получив прекрасный пас от Парка, обыграл один на один Третьяка. Но скоро русские сократили разрыв: когда их команда находилась в большинстве, шайбу забросил

Якушев. Хотя все наперебой расхваливают Харламова, Якушев игрок ничуть не хуже. Он высокий, 6 футов 3 дюйма, весит 205 фунтов, играет левого крайнего, а на коньках стоит, как Бобби Орт и Фрэнк Маховлич одновременно. Кто-то даже окрестил его «русским Фрэнком Маховличем».

Вскоре после гола Якушева на скамью оштрафованных за задержку клюшкой отправился Пэт Стэплтон. Зал замер, ожидая второго гола. На лед вышли Питер Маховлич и Фил Эспозито, и тут Питер получает шайбу в центре площадки. Когда Питер приводит в движение свое огромное тело – 6 футов 5 дюймов, – это кого угодно может привести в смущение, а то и в замешательство. Как бы то ни было, он ушел от двух русских защитников, так и не понявших, куда он девался, вышел к воротам, каскадом обманных движений выманил Третьяка и спокойно послал шайбу в пустые ворота. Несколько минут спустя успеха добился его брат Фрэнк, так что это был большой день для братьев Эспозито и Маховличей.

После игры мы обменялись с русскими рукопожатиями и под бурную овацию зала покинули площадку. В то время как мы торжествовали победу, русские в противоположном конце зала жаловались на судейство. Один из руководителей Советской федерации хоккея едва не снес дверь в комнате судей. «Американские судьи, – негодовал он, – позволили канадцам вести себя словно шайке разбойников».

5 СЕНТЯБРЯ

Перед тренировкой произошла забавная вещь. Деннис Халл встал у одной синей линии, а Марсель Дионн – у другой. Затем они подъехали к точке вбрасывания в центре поля. Дионн вручил Халлу советский вымпел, а Халл слегка хлопнул Марселя по коленям крюком клюшки. Потом они обменялись рукопожатием, улыбнулись и кивнули друг другу. Ну разве это не в духе взаимопонимания между народами?

Заголовок в «Торонто стар»: «Мы победили! 4:1». Уже никаких редакционных статей. Никакого обливания грязью. Одни рассказы о том, как мы победили.

Нисколько не сомневаюсь, что завтра в Виннипеге будет играть Тони. Он это заслужил. Я же пока в изгнании, вернее, на трибуне. Мне немного обидно, и это чувство пройдет нескоро. В своей спортивной карьере я не часто испытывал подобное, но это послужит мне хорошим уроком. Во всяком случае, я на это надеюсь.

После тренировки мы с братом Дейвом, который играет вратарем в «Буффало сейбс», решили перекусить в Йорквиле. Мы провели вместе часа два, беседа о разных теориях и стилях игры

вратарей, чего мы обычно никогда не делаем. Я, например, играю в высокой стойке и люблю выходить навстречу броскам. Тони Эспозито, наоборот, предпочитает низкую стойку с широко расставленными ногами и очень редко покидает ворота.

Мы с Дейвом решили, что стиль Тони больше подходит для игры против русских. Чтобы устоять против хитроумных комбинаций, которые они так ловко разыгрывают у самых ворот, нужно пореже их покидать. Теоретически преимущество выхода из ворот навстречу игроку, бросающему шайбу, заключается в том, что, уменьшая поле зрения нападающего, ты вынуждаешь его бросать по почти невидимой цели. Чем дальше выходишь из ворот, тем хуже он их видит.

Но русские не просто бросают шайбу. Они умеют хорошо играть в пас. Стоит мне выйти из ворот, чтобы уменьшить угол броска, как их игрок, владеющий шайбой, вместо броска передает ее своему товарищу. Тотчас же появляется новый угол броска, и я должен торопиться снова занять правильную позицию. Чем чаще выходишь из ворот навстречу атакующему игроку, тем больше приходится перемещаться на случай, если он вдруг решит отдать пас. Для вратаря вроде Тони, который редко выходит из ворот, это не составляет большой проблемы. Правда, шайбу еще нужно суметь поймать.

Одно из основных правил надежной защиты ворот гласит: нападающего нужно заставить играть с вратарем. Для этого вратарь должен стараться подставить под бросок всего себя, вынуждая противника бросать шайбу мимо него, причем – мимо всего тела, а не одной лишь руки или ноги. При этом нападающему никоим образом нельзя позволять легко обойти себя и послать шайбу в открытые ворота. Ну а при моей манере игры – учтите, она весьма эффективна на «стрельбищах» НХЛ – русские, похоже, получали неплохую возмож. ность атаковать незащищенные ворота.

Я уже говорил, что русские форварды атакуют ворота не напрямик, а с углов, со стороны стоек. При этом они бросают по воротам, получив пас на пятачке или с отскока. Когда игрок противника находится слева или справа от тебя под острым углом, за ним из-за плохого периферийного зрения почти невозможно уследить. И вот к тебе летит шайба. Мимо ворот. Но мимо ли? А может, это пас на набегавшего форварда?

Так что, по-моему, и Дейв с этим согласен, против советской команды нужно играть, не покидая ворот. Не обращай внимания на возможность броска с двадцати пяти – тридцати футов. Жди вместо этого передачи и не забывай о крайних нападающих, атакующих тебя с углов. В этом смысле манеры игры Тони и Э. Дж. больше подходит для встреч с советской командой. Тони стоит в глубине ворот, а Э. Дж. обычно располагается перед самой линией ворот и просто поворачивается туда, где находится шайба.

Дейв сказал, что в прошлом году он пытался определить вероятность попадания по воротам при выходе вратаря на игрока, бросающего шайбу. Он обнаружил, что при броске от синей линии выход вратаря на один фут вперед уменьшает цель всего на три четверти дюйма. Получается, что игра не стоит свеч. С геометрической точки зрения это, может, и действительно так. Но в психологическом отношении такая тактика дает вратарю определенные преимущества, потому

что нападающему кажется, что ворота стали значительно меньше. Быть может, выдвижение вратаря как-то деморализует атакующего. Все это очень интересно...

После нескольких дней раздумий я определенно решил изменить свою манеру игры. Я, как Тони и Э. Дж., тоже не буду выходить из ворот. Правда, рост у меня высокий, да и подвижность не та. Но, оставаясь в воротах, я своим большим телом смогу прикрыть значительную их часть. Разумно предположить, что при одинаковой позиции в воротах Драйден с его ростом в 6 футов 4 дюйма и весом 210 фунтов закроет большую их часть, чем, скажем, Рогатъен Вашон, рост которого 5 футов 7 дюймов, а вес – 160 фунтов. Так что отныне ворота будут защищать новый Драйден, по крайней мере я на это надеюсь.

Мы с Дейвом поговорили и о том, какое значение эти встречи могут иметь для НХЛ. Дейв считает, что тренерам из клубов НХЛ, что победнее, стоит понаблюдать за русскими и кое-чему у них поучиться. В советской команде много талантливых игроков, но есть в ней и игроки без особого таланта. Однако каждая из трех пятерок, которые они в течение встречи заменяют целиком, великолепно сыграны. Игроки этих пятерок знают друг друга, как братья.

Почему бы некоторым командам НХЛ не перенять эту тактику? У них не только нет хоккейных звезд, но и сыграны они плохо, а потому проигрывают финальные матчи. Быть может, русская система как раз и поможет им выигрывать. Боюсь, однако, что едва ли они захотят во имя этой системы вводить у себя в командах строгую дисциплину. Да и зачем им эта дисциплина? В НХЛ достаточно забросить двадцать шайб, и твой заработок резко идет в гору, какое бы место ни заняла твоя команда.

Позднее я спрашивал представителей разных клубов НХЛ, кто из их тренеров, «разведчиков» и менеджеров присутствовал на первых двух играх с русскими. Вы не поверите, что из шести команд, проигравших в прошлом сезоне, только две послали своих людей в Монреаль и Торонто. Я этого не понимаю. Ведь вот появилась возможность узнать что-то новое, а им наплевать.

Мне было смешно, когда я читал о возможном переходе НХЛ на систему игры звеньями, применяемую русскими. Кто-то предположил, что такая тактика не лишена смысла, поскольку она обеспечивает взаимопонимание партнеров на льду. «Да, – согласился какой-то деятель из НХЛ, – неплохо придумано». Однако другой специалист сказал, что при игре звеньями такие «звезды», как Бобби Orr и Брэд Парк, будут появляться на льду лишь через два раза на третий вместо каждой второй смены. «Да, пожалуй, вы правы, – снова согласился первый. – Игра звеньями пустая затея».

Несколько часов беседы с Дейвом успокоили меня, и, когда около 8 часов вечера мы прибыли в Виннипег, я был в хорошем настроении. Здесь я провел почти весь сезон 1969 – 1970 гг., посещал юридический факультет Манитобского университета и выступал за национальную команду, пока ее не распустили.

То был не самый приятный для меня год, хотя город Виннипег здесь ни при чем. Во-первых, моя невеста, теперь уже жена, находилась в Айтэке, штат Нью-Йорк; во-вторых, игра у меня не клеилась. Я хорошо помню, что Виннипег принял на свое попечительство сборную команду страны, но должной поддержки ей не оказывал, и под Новый год любительская сборная приказала долго жить. Тогда-то нежданно-негаданно город распростер свои объятия игрокам сборной и стал негодовать по поводу решения о ее роспуске.

Виннипег расценил это решение как еще один удар, который нанесли его престижу влиятельные восточные провинции. Было совсем не важно, что вся Канада согласилась с решением распустить команду в ответ на запрещение Международной федерации хоккея включить в состав сборной девять профессионалов. Виннипег увидел в этом лишь попытку восточных провинций выставить его в невыгодном свете и ничего больше.

Ни для кого не секрет, что наш запад страдает известным комплексом неполноценности. Восток действительно оказывает давление на запад, поскольку по глубокому убеждению жителей восточных провинций они обладают более высоким интеллектом и общественным сознанием. В довершение всего на востоке Канады размещены штаб-квартиры крупнейших корпораций, там концентрируется большая часть денежных ресурсов страны.

Как бы то ни было, единственной игрой, которая впервые смогла заполнить «Виннипег арену» до отказа, была встреча с русскими. Этого не происходило, когда мы, к примеру, играли против чехов, а когда в город приехали такие сильные профессиональные команды, как «Омаха найтс» и «Монреаль вояджерс», мы были счастливы, что на них пришли посмотреть три тысячи зрителей.

В Виннипеге всегда считали, что НХЛ должна включить их город в высшую профессиональную лигу. И когда наконец Виннипег получил право на организацию такой команды – «Виннипег джетс», которая вошла, правда, во Всемирную хоккейную ассоциацию, он сразу заставил о себе заговорить, подписав контракт на три миллиона с Бобби Халлом, игравшим тогда за клуб «Чикаго блэк хоукс» из НХЛ. И что же получилось? Едва Виннипег стал считать, что у него наконец имеется настоящая команда высшего класса, НХЛ снова нанесла ему пощечину, не разрешив Халлу играть за сборную профессионалов Канады. Послушать деятелей из Виннипега, так мы вовсе не сборная Канады, а команда НХЛ.

Реакция Виннипега вполне понятна и у многих находит сочувствие, но от нее отдает обидой. В определенном смысле мы действительно являемся командой НХЛ, но это уже из области семантики.

6 СЕНТЯБРЯ

В 12.30 Андрей Старовойтов и Всеволод Бобров позвонили Гарри Синдену и Джону Фергюсону. Они были недовольны судьейством на игре в Торонто и требовали, чтобы четвертую игру, в Ванкувере, провели другие судьи, а не американцы Стив Даулинг и Фрэнк Ларсен. До начала серии было условлено, что русские выбирают судей на игры 1, 3, 6 и 8, а канадцы на игры 2, 4, 5 и

7. Русские недвусмысленно заявили, что предпочли бы, чтобы две следующие встречи провели Лен Ганьон и Горди Ли – оба из Соединенных Штатов, – участвовавшие в первой игре.

Ни Гарри, ни Ферги претензий по первой игре к Ганьону и Ли не имели, и чтобы избежать международного скандала по поводу протеста, которым угрожали русские, они согласились на судейство Ганьона и Ли в четвертой игре в Ванкувере. «Когда-нибудь мы попросим русских тоже пойти нам навстречу», – сказал Гарри.

Статус «золотого» запаса стал мне вполне ясен, когда мы пришли в «Арену» на тренировку. Нам приготовили две раздевалки: большую для основного состава, чулан – для запасных. Основному составу полагалось по два полотенца на человека, запасным – по одному. Холодильник основного состава был забит до отказа бутылками кока-колы, нам же приходилось наведываться к ним в комнату и воровать по бутылочке. Нас разделили окончательно и бесповоротно. Если до этого наше будущее было неопределенным, то теперь нас попросту выкинули на улицу.

Одеваясь на утреннюю тренировку, я не мог найти одного своего конька. Я искал его в сумке, под скамейкой, по всей комнате. В конце концов я обнаружил, что мой конек подпирает дверь, чтобы она не закрывалась. Ред Беренсон сострил по этому поводу: «Что поделаешь, Драйден, это единственное, что тебе удалось задержать за всю неделю». Спасибо!

На тренировке мы чувствовали себя изгоями, и это было тяжелое чувство. Во время сбора в Торонто мы полагали, что каждый из нас получит возможность сыграть несколько встреч. Мы, разумеется, исходили из того, что дела пойдут хорошо и мы выиграем все восемь матчей. Теперь стало ясно, что игры будут очень трудными и что Гарри и Ферги будут вынуждены выставлять на каждый матч свой лучший состав.

«Арена» была забита до отказа. Наш игровой план был таким же, как в Торонто: вбрасывать шайбу в углы площадки и отвоевывать ее у русских. Бобров произвел некоторые замены. Он посадил на скамейку пять человек из основного состава и ввел свое юное звено – «молодую тройку», так, кажется, они его называют, – состоящее из Вячеслава Михайловича Анисина, Александра Ивановича Бодунова и Юрия Васильевича Лебедева. «Мы хотим, чтобы они поучились», – сказал Бобров.

По крайней мере вначале мы контролировали ход игры. Прошло немного времени, Паризе прорвался сквозь защитные линии русских и добил шайбу, отскочившую от броска Билла Уайта. У русских удаляют игрока. Мы усиливаем натиск. Петров перехватывает пас. Русские забивают гол, находясь в меньшинстве. Но мы продолжаем атаковать, Бергман и Рон Эллис переигрывают русских по всему полю. В конце первого периода, вышедший на смену Рателль, играя без своих обычных партнеров по Нью-Йорку, выводит нас вперед – 2:1.

Во втором периоде Кэшмен, отвоевав шайбу в углу площадки, передает ее Эспо, и тот забивает один из своих патентованных голов – 3:1. Затем у нас снова численное превосходство. Увы!

Русские опять забивают гол. Харламов находился в центре поля рядом с нашими защитниками, расположившимися вдоль синей линии. Неожиданно защитник русских Геннадий Цыганков овладевает шайбой в правом углу от Третьяка и выбрасывает ее далеко в среднюю зону. Харламов подхватывает ее и завершает быстрый отрыв. Уже третий раз в этой серии встреч русские добиваются успеха, находясь в меньшинстве; мы же все никак не можем реализовать свое численное превосходство. В эти моменты нам по настоящему не хватает Бобби Орра, как, впрочем, и во многих других ситуациях.

Однако гол Харламова не обескуражил нас, поскольку Хендерсон после паса Рона Эллиса сумел в падении забросить шайбу и восстановить разрыв в два гола. Итак, мы ведем 4:2. Но неожиданно все изменилось. Русские взвинтили темп, и стало очевидно, что они могут добиться успеха в любую минуту. И им это удастся. Вначале Лебедев сделал 4:3, а затем Бодунов, получив прекрасный пас из угла, обыграл Тони во вратарской площадке. Тони Эспозито играл очень хорошо. За тринадцать секунд до конца он сумел сохранить ничью, блестяще отразив бросок Александра Мальцева. Оправдал надежды русских и Третьяк: он тридцать восемь раз выручал свою команду, в том числе и в заключительном периоде, взяв бросок Хендерсона футов с восьми, которого он не видел, но все-таки шайбу поймал. «Никто не думал, – сказал потом Синден, – что этот парень умеет так пользоваться свободной рукой». Финальный счет 4:4.

После игры мы пытались подсластить результат, заявляя, что упустили верный выигрыш. Мы не упустили его. Его у нас отняли русские. Мы твердили, что им везло и что они использовали все отрывы. Чепуха. Они проигрывали, но не растерялись, а отрывы были созданы их собственными действиями. Они могут играть по меньшей мере в двух тактических ключах. В Монреале они применили тактику давления в течение всех шестидесяти минут игры. Здесь, в Виннипеге, они сумели уверенно использовать предоставившиеся возможности. Наверное, им приятно сознавать, что их трудно выбить из седла. Часто ли команды НХЛ дважды сравнивают результат, проигрывая по две шайбы?

Второй раз за прошедшие три игры Третьяка называют лучшим игроком своей команды, и он уже дважды награждается памятным перстнями.

Молодые игроки русских произвели на меня очень хорошее впечатление. Судя по всему, они являются продуктом современной советской хоккейной школы, так как бросают по воротам значительно сильнее и чаще, нежели их старшие товарищи по команде.

7 СЕНТЯБРЯ

Почти все утро я провел в разговорах с некоторыми бывшими игроками национальной сборной, живущими поблизости от Виннипега. Большинство из них испытывают смешанные чувства по поводу неприятностей Канады в этой серии матчей. В течение многих лет их поносили за постоянные проигрыши русским, и вот сейчас они почувствовали себя реабилитированными. Я не могу осуждать их.

Кларенс Кэмпбелл тоже разместился в нашем отеле. Поскольку мне по-прежнему не давали покоя его недавние высказывания, я решил поговорить с ним. Я сказал ему, как был огорчен его попыткой выступить в роли запоздалого прорицателя и как все это с его стороны несправедливо.

Кэмпбелл сделал вид, что удивлен моими переживаниями. Но, думаю, он согласился со мной, так как пояснил, что попавшее в печать сообщение было вырвано из контекста, что его неправильно цитировали. Однако высказывать свое негодование по этому поводу он не собирался, так как уже давно понял, что ему все равно никто не поверит. После такого объяснения на душе у меня стало легче.

«Раздор в команде Канады» – статьи с подобными заголовками во всех газетах. Дэн Праудфут, который вчера ехал с тренировки в нашем автобусе, просил в газете «Торонто глоуб энд мейл», чтобы Вика Хэдфилда и Рика Мартина отговорили от намерения уйти из команды. Не знаю как кому, но мне эта статья кажется совершенно неуместной. Я уверен, что Хэдфилд и Мартин, так же как и все мы, прекрасно понимают, что Гарри и Ферги ставят на игру тех хоккеистов, которые, на их взгляд, были лучшими; кое-кто ворчал по этому поводу, но и только – угроз покинуть команду не было. Газетчик услышал, как во время тренировки в Виннипеге, когда Хэдфилд забросил шайбу в мои ворота, я сказал: «Чорт возьми, а я думал ты уже в Торонто». Вик рассмеялся, только и всего.

Гвоздем программы на тренировке был Кэшмен. Вначале он предложил одному из русских игроков кусок мыла. Затем ушел в раздевалку, намылил лицо пенным кремом для бритья, вернулся на лед и энергично промчался от борта до борта; русские игроки недоуменно следили за ним, а мы только посмеивались. «Гляньте, ребята, крем до сих пор влажный», – кричит Кэш и проводит пальцами по лицу, покрытому кремом, как это делает Бобби Халл в коммерческой рекламе.

После тренировки Гарри отвел меня в сторону и сказал что я начну игру в Ванкувере. А вечером я, как обычно, задержал автобус, отправляющийся в аэропорт. На этот раз я забыл в номере книгу, и, когда я наконец вошел в автобус, ребята освистали меня. В колледже опоздать на пятнадцать минут ничего не значит. В НХЛ такая задержка рассматривается как серьезное опоздание. Наверное, я переведу стрелки моих часов на пятнадцать минут вперед. Если не забуду.

Перед вылетом в Ванкувер я купил газету «Виннипег трибюн». Там на первой странице был помещен вызывающий заголовок: «Наша зажавшаяся Национальная хоккейная лига потеряла патент на игру, именуемую хоккеем». В статье спортивный редактор «Трибюн» Джэк Матесон в критическом раже превзошел самого себя. Это плохо. Он хороший журналист, однако чрезмерное увлечение критикой НХЛ нередко портит его работу. Статья была настоящим панегириком Всемирной хоккейной ассоциации. Он писал о нас: «Если это – команда Канады, то я от нее отказываюсь. Это команда НХЛ, и мы все попали в чудовищную западню. В этой стране есть некоторые вещи, которыми мы можем гордиться, однако НХЛ не входит в их число».

Среди всего прочего он обрушился на НХЛ за то, что перед началом последней игры было лишь полуминутное молчание в знак памяти израильских олимпийцев, погибших в Мюнхене. Называя это вопиющим оскорблением, Матесон писал: «30 секунд – это все, на что могла пойти НХЛ, так как существовали телевизионные контракты и нужно было заработать лишний доллар». На мой взгляд, он перестарался. Судите сами, можно найти доказательства того, что НХЛ утратила «патент» на игру в хоккей. Возможно, это и так. Можно критиковать многие стороны деятельности НХЛ. Однако убедительность аргументов теряется, когда критика приобретает характер дешевых нападок, не имеющих ничего общего с тем, что вы пытаетесь доказать.

Во время полета в Ванкувер у меня была возможность поразмыслить над тем, что говорил Дуглас Фишер несколько дней назад. Фишер, бывший член парламента, сейчас ведет колонку политического обозревателя и входит в состав совета «Хоккей-Канада». Сетую на отсутствие в канадском хоккее серьезного подхода к тренировкам, Фишер сказал: «Успех тренеров НХЛ в основном зависит от их способности быть психологами. Именно поэтому и приходится постоянно слышать: настроена команда на игру или нет?»

В целом я должен согласиться с Фишером. Обучение мастерству на уровне НХЛ почти отсутствует. Тренеры просто пытаются подготовить команду к очередной игре. Мы готовимся лишь к одному матчу, а не к играм, которые состоятся месяцев через шесть или даже через неделю.

Фишер высказался также против доминирующей роли НХЛ в канадском хоккее. «Организация игр в Канаде для мальчишек в возрасте от 8 до 14 лет, – говорил он, – представляет собой целую индустрию. Однако, когда парнишке исполняется 16, вся эта организация прекращает свое существование. Мы кристаллизовали своего рода игрушечный тип хоккея, в который заставляем играть наших детей: либо ты им овладеваешь до 16 лет, либо навсегда оказываешься «вне игры». Нам же нужна такая игра, в которую могло бы играть большинство людей до 25 – 30 лет». В качестве примера он привел Фила Эспозито. «Эспозито мог бы стать неудачником в хоккее, – сказал Фишер. – Сейчас он лучший игрок этой серии встреч, а когда он был молодым хоккеистом, на него никто не обращал внимания, как на гадкого утенка». И снова я должен согласиться с доводами Фишера.

Канадский мальчишка, действительно, обязан чем-то выделяться уже к 16 – 18 годам, в противном случае ему не видать большого хоккея. Он должен доказать, что является подходящим сырьем для юниорской команды группы «А», а значит, и потенциальным игроком НХЛ. Он должен быть рослым. У него должен быть сильный бросок. Но посмотрите, что происходит в Соединенных Штатах. Практика работы в колледжах доказала, что даже в возрасте 22 – 23 лет игроки по-прежнему сохраняют потенциальную возможность стать профессионалами. Может быть, не следует, как принято в Канаде, играть по 60 – 70 матчей в одном сезоне, если тебе только 16 – 18 лет. Может, лучше играть лишь 30 или около того игр, но при этом продолжать учебу. К сожалению, в настоящее время сколько-нибудь реальной возможности для этого в Канаде нет. Видимо, сейчас назрело время изыскивать какие-то другие, новые и более эффективные способы подготовки хоккеистов.

В Ванкувере нас ожидали дурные вести. Во время утренней тренировки в Виннипеге шайба после броска Реда Беренсона угодила Сержу Савару в правое колено. Серж, ковыляя, покинул лед. В самолете колено стало распухать, пришлось прикладывать к нему пакеты со льдом. Когда приземлились, Сержу сделали рентгеновский снимок, и теперь доктора утверждают, что у него трещина в колене. Бедняга Серж.

Еще юниором-любителем он перенес две операции колена. Три года назад он налетел на стойку ворот и вдребезги разбил левую ногу. Спустя два года он сломал эту же ногу в том же самом месте, и врачи были вынуждены сделать ему костную пересадку с правого бедра, чтобы срастить поломанные кости левой ноги. В феврале прошлого года он вернулся в состав «Монреаль канадиенс», но уже месяц спустя снова оказался в госпитале. В отеле Сан-Луиса, где мы останавливались после игры с местной командой «Блюз», случился пожар, и часть проживающих в гостинице оказалась отрезанной в своих комнатах. Савар с несколькими игроками «Монреалья» помогал спасать людей, лазал по лестнице и вышибал ногой окна наполненных дымом комнат. Разбивая очередное стекло, Серж порезал правое колено, после чего врачам понадобилось несколько часов, чтобы удалить из раны осколки стекла. В результате он не мог играть около десяти дней.

И вот теперь, только войдя в лучшую спортивную форму, он снова повреждает колено. Серж не участвовал в первом матче, но по-настоящему хорошо сыграл и в Торонто, и в Виннипеге. Завтра он возвращается в Монреаль, где доктора команды смогут заняться его коленом.

8 СЕНТЯБРЯ

В команде Канады, как я уже говорил, имеется одно неписаное правило: во время утренней раскатки перед игрой вратарям не надо облачаться во всю свою экипировку. Едва ли найдется хоть один страж ворот, который не воображал бы себя левым крайним, забивающим по семьдесят пять шайб за сезон. Я вспоминаю игру в Томпсоне, провинция Манитоба, несколько лет назад, как раз после роспуска национальной сборной. В первый день мы обыграли местную профессиональную команду со счетом 18:2, а когда на следующий день во втором периоде опять вели 15:1, я уговорил нашего тренера разрешить мне сыграть в нападении. Неожиданно я стал и Маховlichem, и Хоу, и Джилбертом, и Эспозито, и Беливо. Я сам забил в третьем периоде гол и, кроме того, сделал две голевые передачи. До сих пор я храню шайбу, которая побывала в воротах после моего броска. Слышишь ли ты меня, Скотти Баумэн? Без сомнения, этим фактом моей хоккейной биографии я горжусь больше всего.

Газеты Ванкувера расценивают как ошибку решение Синдена поставить сегодня на игру меня, а не Тони, ибо он прекрасно провел две последние встречи. С другой стороны, это решение может оказаться мудрым, учитывая, что сейчас я должен кое-что доказать всем: Гарри, Ферги, моим товарищам, русским хоккеистам и всем остальным. Помню, именно здесь три года назад я провел последнюю игру с русскими. Это была моя первая встреча с ними, и они забили мне девять голов. За десять секунд до конца мне пришлось проявить все свое мастерство, парируя бросок, чтобы счет не стал двузначным. Никогда я так не уставал, как после той игры. Они совершили 45 бросков по моим воротам, что в НХЛ не является чем-то особо выдающимся, но для русских это была рекордная цифра. Как я уже говорил, они бросают редко, лишь когда для этого есть наилучшая возможность. В тот вечер такая возможность представлялась им сорок пять раз. Я отнюдь не

стремлюсь защищать свою репутацию. Я чувствовал себя как белка в колесе. В течение всего вечера я готовился к броску, двигался вперед, назад, поднимался, готовился, выдвигался, откатывался, вставал, опять готовился, двигался – и в конце концов выгребал шайбу из сетки своих ворот. В какой-то момент я до того дошел, что даже крикнул их форварду: «Какого черта! Бросай же в конце-то концов!»

И еще мне запомнился в той игре Мальцев, который является не только классическим центром, но и превосходным дирижером и дриблером; после того как русские забросили пять или шесть шайб, он подмигнул мне, проезжая за моими воротами. Он не был саркастичен. Нет, это была просто благодушная ухмылка. Я никогда не забуду ее.

На утреннем собрании Гарри заявил, что он опять будет использовать пять защитников вместо шести. Пятеро защитников, которых он назвал, не проявили особого энтузиазма по этому поводу, так как для таких игр действительно требуются шесть человек в защите, о чем они и сказали Гарри. Он согласился с ними, и в составе команды был восстановлен Билл Уайт.

Трудно не удивляться тому, что с нами проделывает Третьяк. Похоже, что о нем мы думаем и говорим больше, чем о каком-либо другом советском хоккеисте. Вот, что сказал сегодня утром Эдди Джонстон: «Силовое давление, судя по всему, нисколько его не беспокоит. И все-таки он не сверхчеловек. В конце концов придет и его черед. Пока он молод. И ему еще только предстоит узнать, что такое силовое давление на самом деле. Но посмотрите на него – вот он пропустил легкий гол, однако и вида не подает, что расстроен. Но это еще не все. Сколько раз он не давал шайбе отскочить. Вот у него в щитках застряла шайба, и все вокруг ждут, когда она упадет на лед, однако ничего подобного не происходит. Интересно, как бы у него пошли дела в НХЛ? Пока можно просто отметить, что уже сейчас он весьма успешно справляется с лучшими из лучших в НХЛ. Я думал (и не я один), что, как только наши здоровенные парни откроют по нему огонь, он начнет поглядывать на дверь своей раздевалки. Я полагал, что наши ребята просто раздавят его. Черт возьми, ему всего-навсего двадцать, а что он делает с нами!»

Да, Третьяк отличился и на этот раз. Счет был 5:3 в пользу СССР. Помню только улюлюканье в зале. Трудно признаваться в этом, но ничего не поделаешь – команда проиграла игру еще до начала встречи: в раздевалке все мы думали о том, как бы побыстрее отыграть здесь и уехать в Москву.

Русские сразу же повели в счете 2:0, забив два одинаковых гола уже на первых восьми минутах игры, когда Билл Голдсуорси оба раза отбывал наказание на скамейке штрафников. В обоих случаях Петров находился с шайбой слева от меня, затем отдавал ее назад на синюю линию Владимиру Лутченко. Лутченко смотрел по сторонам, ожидая, пока форварды займут подходящие позиции, и сильно бросал в направлении ворот. Первый раз шайба от клюшки Бориса Михайлова проскочила в сетку у меня между ног, а во второй – он же подправил ее в угол ворот. В обоих случаях я едва ли мог что-нибудь сделать.

После этого мы успокоились, и в начале второго периода Жильбер Перро обошел с шайбой одного из защитников, обыграл Третьяка и сократил разрыв – 2:1.

Неожиданно я стал нервничать. Кто-то произвел безобидный бросок футов с двадцати; я легко поймал шайбу и рукой бросил ее на лед. По крайней мере я считал, что все в порядке, но шайба оказалась позади меня и покатила в пустые ворота. К счастью, там оказался Дон Оури, который успел выбить ее в поле. Несколько секунд спустя я едва отбил еще один легкий бросок футов с сорока. Моя нервозность, правда, не стоила нам голов, однако она и не вдохновляла моих товарищей по команде.

Затем Юрий Блинов обыграл меня, выйдя к воротам вдвоем с другим нападающим, а спустя несколько минут гол с близкого расстояния забил Владимир Викулов, и неожиданно мы уже проигрывали со счетом 1:4. Играть дальше было бессмысленно. Болельщики Ванкувера как сумасшедшие освистывали нас. В одном конце площадки Третьяк буквально творил чудеса, спасая свои ворота, в другом стоял трясущийся Драйден, у которого ничего не получалось. Правда, голы русских были хорошими голами.

Нет сомнения, что и внешне я проигрывал из-за своей нервозности, хотя несколько раз был на высоте положения; тем не менее не думаю, что я смог бы взять хотя бы один из их бросков, закончившихся голами.

После игры Фил Эспозито дал интервью по национальному телевидению, в котором обрушился на канадских болельщиков, канадскую прессу и всех остальных за их отношение к игрокам команды Канады. «Мы делаем все, что можем, и выкладываемся до конца, – сказал Эспо, – и я хотел бы, черт побери, чтобы вы, люди, поняли это. Эти русские великие хоккеисты. Почему бы вам не оценить их по достоинству и не прекратить осыпать нас обвинениями?»

В раздевалке царил уныние. Русские вышли вперед, имея две победы, одну ничью и одно поражение, а следующие четыре игры состоятся в Москве. Фрэнк Маховлич был потрясен происшедшим. «Я готов поверить теперь во что угодно, – сказал Фрэнк. – После того, что русские сделали с нами в нашей игре здесь, в Канаде, боюсь, в спорте не осталось ничего святого. Если кто-нибудь познакомит с американским футболом, они через два года разгромят «Далласских ковбоев» и выигрывают первый приз».

9 СЕНТЯБРЯ

Сейчас 12.15, и я уезжаю в Монреаль. Но мне не удастся уехать от Третьяка, Якушева, Харламова, Михайлова и их друзей. Они летят тем же рейсом. Вне всякого сомнения, полет покажется мне длиннее, чем он есть на самом деле.

Как только запустили двигатели, Гэри Бергман, Билл Уайт и Рик Мартин стали показывать карточные фокусы. Русские сидели в другой кабине, отдельно от нас. Что плохо в этой серии игр, не считая наших поражений, так это языковой барьер, существующий между двумя командами. Ни один из нас не говорит по-русски, так же как никто из их игроков не владеет английским языком. Разговаривать друг с другом мы не можем, и это по-настоящему досадно.

Совершенно очевидно, что русские – интересные ребята. Было бы здорово потолковать с ними о хоккее. Да вообще о чем угодно. Но никак не получается. Я бы хотел узнать у них, что они думают о канадских профессиональных хоккеистах. Произвели они на них впечатление или нет? Чем именно? Печально, что я не могу этого узнать. На пресс-конференциях можно услышать лишь дипломатичные ответы, лично мне они ничего не дают. Вот сидят парни, которых мы стали уважать, сидят всего в двадцати ярдах от нас, и мы не можем даже поговорить с ними, хотя и общаемся чуть-чуть при помощи пальцев.

Я посидел немного с Эгги Куколовичем, бывшим игроком НХЛ, который работает теперь в «Эр-Канаде» и в течение многих лет был представителем этой авиакомпании в Москве.

Эгги часто летал с русскими игроками и все время рассказывал им, до чего сильны канадские профессионалы и как легко они могут обыграть русских. Я его спросил, как он объяснит своим русским друзьям в Москве наше слабое выступление в первых четырех встречах. Он ответил, что сошлется на несколько наших просчетов, таких, как недостаточная физическая подготовка, время проведения игр, очевидная самонадеянность. Но он не думает, что они сочтут эти причины уважительными. Эгги свободно разговаривает порусски, однако не похоже, чтобы он знал о них больше, чем мы.

Мне бы очень хотелось побеседовать с одним из самых старших советских хоккеистов Вячеславом Старшиновым, – сейчас он заканчивает свои выступления в большом спорте после блестящей карьеры игрока международного класса. Старшинов защищает в Московском институте физической культуры кандидатскую диссертацию. С направлением его исследований меня познакомила анкета, которую он привез в Канаду и попросил нас на нее ответить. Среди прочего Старшинов спрашивал, живет ли спортсмен в канадском обществе по моральным стандартам этого общества или же по своим собственным. Его также интересовало, что думает спортсмен о своих обязанностях перед обществом. Именно сейчас я хотел бы пройти ускоренный курс современного русского языка Берлица. Пока же все, что я знаю, – это как сказать «спасибо».

Во время полета я также разговаривал с бывшим игроком олимпийской сборной Канады по баскетболу Уорреном Рейнолдсом. Уоррен видел несколько хоккейных матчей и сравнивал стиль игры русских в хоккее и баскетболе. Рейнолдс сказал, что русские строят свою игру на кинжальных проходах и паутине комбинаций. В хоккее они делают примерно то же самое. В самом деле, по стандартам НХЛ их можно было бы наказывать бесчисленное количество раз за неправильную блокировку. Уоррен подчеркнул, что русские всегда пытаются создать в баскетболе ситуацию для уверенного броска с близкой дистанции; они редко совершают броски в прыжке или каким-либо другим способом с расстояния более десяти – пятнадцати футов. Того же стиля они придерживаются и в хоккее. За исключением того, что в одну игру играют на деревянной площадке, а в другую на льду, в их стратегии баскетбола и хоккея не так уж много различий.

Наконец в 10.30 мы совершили посадку в Монреале и Джоселин Гувреммон отвез меня домой. Через три минуты я уже спал. Проснувшись в половине второго, я не смог открыть глаза. В течение восемнадцати часов в них оставались контактные линзы, и теперь глаза ужасно резало. По всей

вероятности, была повреждена оболочка. Чувство было такое, будто кто-то натер мне глазные яблоки наждачной бумагой. Линда вызвала врача и получила рецепт глазных капель. Остаток дня пришлось провести с закрытыми глазами.

10 СЕНТЯБРЯ

В полдень я смог наконец открыть глаза и подумал, что мне уже около десяти дней не снились сны. Я проиграл две игры русским. Журналисты снова палили по нас из всех стволов. Джон Робертсон писал, что чрезмерно оплачиваемых игроков один раз покритиковали, и они вообще стали действовать как дети... Это прямо уморительно наблюдать затем, какое влияние оказывают перипетии игр на разных людей. В конце концов, никто и не предполагал, что после четырех встреч мы будем проигрывать, имея два поражения, одну ничью и одну победу. Но сейчас нервы у многих взвинчены русскими, потому что они оказались такими сильными. Так хорошо подготовленными физически. Тактически. Морально. Так чертовски хороши. Поэтому критики повсюду обрушились на нас. Когда же это кончится?

11 СЕНТЯБРЯ

Провел целый день на юридическом факультете в Макгилле, прорабатывал расписание занятий на последний семестр. Если все будет хорошо, то я закончу факультет в следующем году.

12 СЕНТЯБРЯ

Мы снова собрались вместе. Утром я вылетел в Торонто и присоединился к остальным игрокам на приеме в пивном заводе Лабаттса. Неплохое местечко для приемов. Лабаттс является основным вкладчиком в организацию телевизионной трансляции этих встреч, он заплатил около восьмисот тысяч долларов за то, чтобы реклама его пива появилась на телеэкранах. Только для того, чтобы получить назад эти деньги, ему, вероятно, придется продать около трех миллионов бутылок пива.

Здесь я встретился с инженером канадских заводов компании «Дженерал электрик» Тимом Тернером, который захватил с собой несколько вратарских масок, разрабатываемых для меня. Мне не нравится маска, в которой я играю сейчас, так как она не очень хорошо защищает от ударов. Мне нужна более высокая маска, которая бы надежней закрывала виски и лучше поглощала силу удара. Тим подготовил образец, способный поглощать энергию и обеспечивать большую безопасность, однако выглядел он безобразно. Ни один вратарь не купит некрасивую маску, потому что она вызовет насмешки соперников и товарищей по команде. Поэтому мы несколько изменили ее внешний вид, просверлили ряд отверстий, не ухудшающих защитных качеств, и решили, что у нас получилась весьма надежная маска, которая будет пользоваться спросом. Беру новую маску с собой, буду пробовать ее на тренировках.

13 СЕНТЯБРЯ

Слава богу, во франкфуртском аэропорту удобные кресла. Вообще я не могу спать в машинах, автобусах, поездах, самолетах – словом, ни в чем, что движется, поэтому во время нашего долгого полета из Торонто я писал курсовую работу. В дороге мы основательно поговорили со

спортивным журналистом из Ванкувера Джимом Тейлором о поведении ванкуверских болельщиков во время вчерашнего матча. Джим сказал, что ему стыдно за них. Однако Алан Иглсон, по-моему, немного переборщил, заявив, что у болельщиков Ванкувера не хватает класса и что в будущем в этом городе не следует проводить матчи между советскими и канадскими хоккеистами. Алан – человек импульсивный, и, мне кажется, он сказал это в запальчивости. Убежден, что в Монреале, Торонто, Виннипеге, да где угодно, люди в подобной ситуации вели бы себя точно так же.

Во Франкфурте нам пришлось семь часов ждать рейса на Стокгольм. В это время остальная часть команды находилась в парижском аэропорту, ожидая самолета в Швецию.

Я поспал часок, а потом принялся читать роман Джеймса Дики «Избавление». Почитав, вспомнил, что хотел купить себе фотоаппарат, но от этой идеи пришлось тут же отказаться: даже здесь, в беспешинном магазине аэропорта, цены на фотоаппараты были неимоверно высокими.

Перед вылетом в Стокгольм у нас произошел небольшой инцидент: братья Эспозито потеряли свои паспорта. Поднялась страшная суматоха, но в конце концов кто-то из авиакомпании «Эр-Канада» нашел паспорта под креслами, в самолете, на котором мы летели из Торонто. Думаю, западногерманский хоккей не отказался бы от Тони и Фила, если бы им пришлось остаться.

В стокгольмском аэропорту шведские журналисты окружили Фила Эспозито и засыпали его вопросами. Фила здесь хорошо знают не только по его выступлениям в НХЛ, но и потому, что с его помощью рекламируют канадский хоккейный шлем на европейском рынке. Оказывается, именно этот шлем самый популярный в Швеции. Я и не подозревал, что Фил носит шлем![15]

Автобус доставил нас в центр города к гостинице «Гранд», старинному отелю, расположенному у самого королевского дворца, рядом с правительственными зданиями. Из окна гостиницы, стоящей на берегу фиорда, открывался вид удивительной красоты. Гарри и Ферги раздали нам расписание тренировок, и я тут же отправился спать.

14 СЕНТЯБРЯ

Снова по две тренировки в день. В зале «Йоханнесхоф исстадион» было довольно прохладно – приятная перемена по сравнению с душными канадскими залами. Чувствовал я себя хорошо, но энергии во мне не осталось. Не было ни сил, ни выносливости. Давал себя знать шестидневный перерыв в тренировках.

Лед здесь почти на двенадцать футов шире, чем у нас в Канаде, хотя длина поля такая же. Все четыре угла очерчены довольно резко, так что значительно возрастает пространство позади ворот. Нам сказали, что московский лед является почти точной копией «Исстадиона». Поэтому до отъезда в Москву на следующей неделе нам надо будет внести в игру кое-какие коррективы.

Большинство игроков НХЛ выбирают обычно позицию неподалеку от борта. Но если они прибегнут к такой тактике здесь, то будут слишком разбросаны по полю и окажутся в неудобном положении для бросков. Рациональнее вести в нападении надежную позиционную игру и не думать о том, где находится борт. Что касается защиты, то, по-моему, ребята опасались, что при большей ширине поля более юркие и быстрые советские хоккеисты смогут обходить их вдоль борта и совершать броски с флангов. Но после двух дней тренировок мы убедились, что страхи напрасны. На более широком поле как раз и нужно оттеснять нападающих к флангам, уменьшая тем самым угол броска.

Раньше я не понимал, почему, играя в Канаде, Третьяк ни разу не выехал за ворота, чтобы остановить шайбу для своих защитников. Теперь я это знаю. Расстояние от линии ворот до борта здесь по крайней мере на пять футов больше, чем на североамериканских полях. Так что, пока доедешь до шайбы и вернешься в ворота, уйдут целые сутки. Теперь мне ясно, что и мы не будем успевать совершать выходы за ворота.

Именно по этой причине нам придется в корне пересмотреть свою тактику. В НХЛ осмысленная игра за воротами почти не ведется; зато в борьбе за шайбу щедро применяются силовые приемы. Здесь же за воротами можно разыгрывать целые комбинации. Можно контролировать шайбу, пасовать ее, делать все, кроме бросков по воротам. По-моему, такой хоккей очень хорош. Когда команда в большинстве, можно передать шайбу крайнему нападающему, находящемуся в углу, и тот имеет возможность держать ее хоть тридцать секунд, пока его товарищи займут выгодную позицию для паса или броска.

У меня игра не клеится. Похоже, я совсем вышел из формы. Все делаю не так, как надо. Ни капли уверенности. Я разучился играть в хоккей. Место в воротах выбираю наугад, по наитию. Правда, иной раз ничего другого и не остается делать. Когда игрок недалеко от тебя и никем не прикрыт, приходится лишь гадать, куда пойдет шайба, иначе у тебя нет ни шанса спасти ворота.

Тут вратарь очень легко попадает впросак, особенно на тренировках, когда он более или менее знаком с манерой игроков, владеющих шайбой. Здесь уже неважно, кто обстреливает ворота – средний игрок НХЛ или «звезда»: в одних и тех же ситуациях большинство игроков поступает примерно одинаково. Значит, вратари имеют возможность предвидеть, как в данный момент поведет себя тот или иной игрок. Именно по этой причине вратари с годами начинают играть лучше. Их реакция не становится острее, но у них прибавляется опыта и вырабатывается инстинкт на возможные действия хоккеиста в той или иной игровой ситуации. Однако опасно гадать там, где гадать уже нельзя. Форварды тут же тебя раскусят, начнут играть по-другому, и ты сраму не оберешься. А у таких игроков, как Эспозито и Рателль, вообще нет стандартных приемов. Стоит тебе решить, что их любимый бросок – в левый нижний угол, как шайба летит в верхний правый. После этого начинаешь чувствовать себя идиотом.

На сегодняшней тренировке Ред Беренсон вышел на меня с левого фланга. Ред очень хорошо бросает из неудобного положения, любит проходить вдоль ворот и посылать шайбу тыльной стороной клюшки над левой рукой вратаря – моей свободной «ловящей» рукой – в верхний угол ворот. Он делает это так хорошо, что даже, зная его намерения, шайбу порой невозможно

остановить. На сей раз я не стал ждать, пока Ред совершит свой трюк, а сразу занял в воротах нужную позицию: переместился к левой стойке и высоко поднял левую руку.

Ред тут же смекнул, в чем дело, но вида не подал: он начал свой любимый маневр, но в самый последний момент спокойно протолкнул шайбу в ворота между моим правым коньком и штангой. А я в это время торчал в противоположном углу с нелепо поднятой кверху рукой. Глупо же я выглядел.

За нашей тренировкой наблюдал Ульф Стернер. Его считают одним из лучших игроков шведской сборной. Мне рассказывали, что в середине шестидесятых годов этот талантливый хоккеист участвовал в играх НХЛ за «НьюЙорк рейнджере», но наши профессионалы отнеслись к нему безжалостно. Известно, что европейцы, в особенности шведы, недолголюбивают, мягко выражаясь, жесткой силовой борьбой у борта и в углах. А профессионалы то и дело испытывали Ульфу на прочность, покуда ему это не надоело. И он решил вернуться на родину. Три года назад я смотрел, как он играет против канадской сборной, мне показалось, что он все еще не оправился от встреч с профессионалами.

После тренировки мы задержались на льду, чтобы показать молодым шведским игрокам кое-что из наших приемов. Вообще-то наш тренировочный процесс выглядит не очень солидно, и мне кажется, ребята почувствовали это. Иной раз мы любим пустить пыль в глаза – например, игроки как из пулемета расстреливают вратаря с десяти – пятнадцати футов – в расчете на простаков-американцев («Вот бедняге вратарю достается!»). Но в Европе тренировки проходят более серьезно. Шведы, например, отрабатывают на них игровые ситуации. О нас этого не скажешь. Слишком уж часто мы тренируем быстрый отрыв троих игроков. А часто ли такие ситуации случаются во время игры?

Отношение шведской прессы к канадским хоккеистам в последнее время явно изменилось. Когда в Стокгольм приезжала наша сборная любительская команда, газеты обычно пестрели такими заголовками: «К нам опять прибыли канадские звери». Чего только о нас не писали в газетах! У шведов, однако, есть веские причины не любить канадцев. Они считают, что канадский хоккей, силовой и достаточно грязный, являет собой отвратительное зрелище. Они предпочитают комбинационную игру с минимальным физическим контактом игроков. А канадские хоккеисты во время встреч со шведами обычно применяют жесткие силовые приемы. На следующий день газеты пестрят карикатурами, в которых канадцы изображаются в виде животных.

Но мы, профессионалы, – не любители и не животные; и шведы, между прочим, сами нас пригласили. К тому же обе игры в субботу и воскресенье будут главным событием торжеств, посвященных пятидесятилетию шведского хоккея. Так что шведы сейчас стараются нам угодить и делают все, чтобы мы чувствовали себя как дома.

После тренировки состоялся еще один прием, на этот раз в резиденции канадского посла в Швеции Маргарет Мигер. Она живет за городом на берегу маленького озера в очень большом доме. Само посольство занимает прекрасное здание в центре Стокгольма. Мне непонятно, зачем

нам нужна такая роскошь в Швеции: торговля у нас с ней небольшая, главным образом бумажное сырье, бумага да древесина. К тому же не думаю, чтобы Стокгольм был важным центром в дипломатическом отношении.

На приеме мы отметили день рождения Гарри Синдена. Ему сегодня исполнилось сорок, но готов держать пари, что за последний месяц он постарел лет на двадцать. В целом прием прошел лучше, чем обычные дипломатические рауты, потому что сотрудники нашего посольства в Стокгольме оказались нормальными, милыми людьми, которые не корчили из себя дипломатов.

Во время приема шведский тренер Лассе Лилье интересовался, не соглашусь ли я поработать летом в их хоккейной школе. Возражений у меня не было. Существует большая разница между европейскими и североамериканскими хоккейными школами. Последние представляют собой летние спортивные лагеря с хоккейным уклоном. Обучение хоккею в таком лагере сводится у нас к минимуму: ребята проводят на льду два-три часа в день под наблюдением посредственных тренеров, которые фактически ничему их не учат. Ребята гоняют себе шайбу по полю. Лично я считаю, что мы недооцениваем нашу молодежь, многие действительно хотят учиться.

В европейских школах дело поставлено гораздо лучше. Здесь на тренировках отрабатывается техника, которая применяется затем во время двусторонних игр. Ребята занимаются хоккеем от семи до восьми часов в день, но это не означает, что все это время они играют на льду. Они занимаются физической подготовкой, теорией игры, смотрят учебные фильмы. Лассе сказал мне, что, по его мнению, вратарская техника – это единственное, что европейцы могут позаимствовать у североамериканцев. Интересно: русские говорили то же самое, а потом показали нам мистера Третьяка.

15 СЕНТЯБРЯ

У нас были еще две тяжелые тренировки. Я качусь все ниже и ниже. Для меня наступил самый тяжелый период. В Монреале и Ванкувере я тоже чувствовал себя не лучшим образом, но тогда я мог заставить себя работать. Сейчас дело обстоит иначе. Мысль о московских играх приводит меня в ужас. Похоже, и у остальных ребят они не вызывают энтузиазма. Мы устали, надо бы отдохнуть по-хорошему, да вот не получается.

Совершенно очевидно, мы допустили ошибку, взяв в Стокгольм всех игроков. Правда, тридцать пять хоккеистов – это как раз столько, чтобы проводить двусторонние тренировки и чтобы возникла хоть какая-то конкуренция за место в основном составе. В остальном же это решение несостоятельно. Многие из запасных поняли, что в Москве играть им не придется. Естественно, у них появилось желание поразвлечься, а это действует разлагающе на тех, кто играет или надеется сыграть. Потом окажется, кого-то из них все-таки поставят на игру – а он к этому не готов...

Возникли и проблемы психологического порядка. Когда планировали поездку в Швецию, предполагали, что это будет своеобразный восьмидневный отдых перед второй половиной матчей. То есть мы рассчитывали, что легко разделаемся с русскими еще в Канаде и немного передохнем. Получилось наоборот. Вместо того чтобы отдыхать, мы вынуждены в Швеции

энергично готовиться к московским играм. И как это ни грустно, пока без особого успеха. Лично я думаю, что было неразумно уезжать из Канады на целых восемь дней. В поездке не отдыхаешь. А вечерами в номере как-то не сидится. Может, поэтому и тренировки проходят кое-как, и моральный дух команды падает. Подозреваю, что у Гарри и Ферги примерно такие же мысли.

Во время двусторонней игры провел в воротах двадцать минут и не пропустил ни одного гола. Впервые за несколько недель чувствовал себя хозяином положения. Я пробовал заставить нападающих забросить мне шайбу, когда я не выхожу из ворот, и у них ничего не получалось. Не покидать ворота мне, в частности, помогла разметка вратарской площадки на европейских хоккейных катках. В Северной Америке она имеет форму прямоугольника, и ее внешние углы позволяют вратарям ориентироваться по отношению к воротам. В Швеции и России вратарская площадка в виде полукруга. Поэтому я был просто вынужден оставаться в воротах, чтобы не потерять ориентировку. Эта ли причина или какая иная, но мне ни разу не пришлось вынимать шайбу из сетки – несомненный прогресс с моей стороны.

Потом я пару часов бродил по Стокгольму. Мне понравился этот окруженный фиордами город, хотя на мой североамериканский вкус в нем не оказалось достаточно интересных музеев и достопримечательностей. Я зашел в парк и понаблюдал за тем, как двое шведов играли в шахматы за огромной шахматной доской. Пешки были высотой с фут, а слоны и кони – не меньше двух футов ростом. Что мне не понравилось в Швеции, так это цены. Три кроны – почти шестьдесят пять центов! – за банку кока-колы, десять крон за бутылку пива.

Вечером из Осло прилетел мой отец, и мы поужинали вместе. Я предупредил его, чтобы в Москве он не ждал от нас никаких чудес.

16 СЕНТЯБРЯ

Сегодня вечером первая встреча со шведской сборной. Я в ней, правда, участия не принимаю. Утром тренировался с «золотым» запасом, и мне то и дело приходилось уворачиваться от сильных бросков с близкого расстояния. Когда парень знает, что его сегодня не ставят на игру, он все свое зло срывает на шайбе и вратаре.

После тренировки я поговорил со шведами о том, как живут их хоккеисты. Оказывается, самыми высокооплачиваемыми шведскими «любителями» являются Стернер и вратарь Лейф Холмквист: оба получают по двадцать тысяч долларов в год за занятия хоккеем. Средний же игрок получает всего около шести тысяч в год и, чтобы прокормить себя и семью, вынужден еще работать. В самом деле, шесть тысяч в год не так уж много для Швеции, где банка колы обходится в шестьдесят пять центов. Через несколько дней Стернер уезжает из Швеции и будет играть за профессиональный клуб «Чикаго кугарс», входящий во Всемирную хоккейную ассоциацию. Две недели назад другой известный шведский игрок, защитник Томми Бергман, тоже покинул ряды сборной и сейчас устраивается в «Детройт ред уингс».

Так как игра должна начаться в 9.30 вечера, «золотой» запас провел в 6 часов еще одну тренировку. Перед тем как мы покинули лед, Гарри предупредил нас, чтобы мы не ходили по

Стокгольму в пиджаках с эмблемой Канады. Мне кажется, он подозревает, что за нами охотятся шведские репортеры, которые не упустят случая снять нас за каким-нибудь неблагоприятным делом.

Я наблюдал за игрой с трибуны и сразу увидел, что со времени последней встречи с нами шведы ни на йоту не изменились. Играть против них ужасно неприятно: поневоле теряешь над собой контроль. Шведы славятся своим умением разыгрывать на льду мелодрамы, в особенности если это связано с падением. Одно дело, когда ты совершаешь для судьи и публики легкий кувырок, чтобы послать противника на скамью оштрафованных. Но совсем другое, если игрок в таких случаях делает четыре сальто, словно он падает с пятидесятиметровой вышки. Именно так поступают шведы. При подножке, даже случайной, они бросаются на лед и лежат, распростертые, едва ли не в течение часа. Наша команда не привыкла к такому спектаклю. В НХЛ существует неписанный закон – никакого актерства на льду. В раздевалках НХЛ актеров не любят.

Мы победили со счетом 4:1. Почему-то в течение всей игры я очень нервничал. Когда я наблюдаю, как мы играем против русских, у меня просто нет времени нервничать, потому что все происходит очень быстро. Здесь же я замечал ошибки за несколько секунд до того, как они происходили, и это заставляло меня волноваться. Шведы играли из рук вон плохо. По-моему, они утратили свой стиль. Может, им не хватало веры в свои силы или они испугались грозного соперника?

В этой встрече четко определилась разница отношения канадцев и шведов к судьям. В Канаде, когда судей представляют перед началом игры, публика их всегда освистывает. В Швеции же их принимают, как героев, вернувшихся с поля брани. Во время игры шведские хоккеисты могут выразить свое недовольство решением судьи исключительно в мягкой форме. Канадцы же, наоборот, любят вступать в пререкания, а могут и пригрозить судье. Так уж у нас принято относиться к судьям. Игрок знает, что не может изменить решение судьи, но надеется повлиять на его последующие решения. Нетрудно понять, почему шведы изображают нас такими нахалами.

Кульминацией матча, по крайней мере по мнению «золотого» запаса, была реклама, которую демонстрировали на льду в перерывах между периодами. В зале гас свет, и гигантский проектор посылал на лед рекламные картинки. Особым успехом пользовалась весьма привлекательная полуобнаженная девица, призывающая принимать какие-то таблетки.

17 СЕНТЯБРЯ

На утренней тренировке «золотого» запаса ко мне подкатил Гарри и сказал: «Ты играешь». И тут же я едва не получил нокаут. У ворот возникла свалка, я упал и ударился головой о перекладину. Если бы не моя новая маска, лежать бы мне на льду без сознания, а так на маске появилась лишь царапина.

Сказав, что я буду «играть», Гарри имел в виду поставить меня запасным к основному вратарю Эдди Джонстону. Ничего хорошего для меня из этого не вышло. Из-за высокого борта и низкой скамьи мне почти не было видно поля.

Я попробовал стоять, но это оказалось слишком утомительным. Тогда я принес из раздевалки стул и поставил его на скамью, но из этого тоже ничего не получилось. Кончил я тем, что целых два утомительных часа простоял на скамье на коленях.

Вчера мы играли неважно, а сегодня и того хуже. Гарри и Ферги ввели в игру почти весь «золотой» запас, который не играл чуть ли не с марта или апреля. Мы заработали много ненужных штрафов и, естественно, подняли шум по этому поводу. Но по правде говоря, восемьдесят процентов удалений мы заслужили, даже судьи НХЛ дали бы их нам. Тем не менее мы стали спорить с судьями и в итоге потеряли над игрой контроль. Не сыграй так здорово Эдди Джонстон, шведы разгромили бы нас в пух и прах. А так, при игре в меньшинстве, на последней минуте Филу Эспозито удалось забить гол, сделав счет 4:4.

Пора, пожалуй, перестать сетовать на судейство европейских рефери. Правила НХЛ и международные правила практически ничем не отличаются друг от друга – вся разница в их толковании. Вполне естественно поэтому, что судьи, работающие в разных хоккейных организациях, по-разному их толкуют. Даже в американском студенческом хоккее, например, судьи из западных штатов разрешают более грубую игру, чем судьи из восточных. Просто надо это учитывать, вот и все.

Наибольшая разница – в толковании правила об атаке игрока, не владеющего шайбой (блокировке). В НХЛ игрок за это неизменно получает двухминутный штраф, а в международном хоккее на это часто смотрят сквозь пальцы. Возможно, европейские судьи и не так уж хороши, но зато они столь же последовательны, как и их североамериканские коллеги. И уж если это удаление, то удаление. Мы заранее знали, что проводить игру в Стокгольме и Москве будут европейские судьи, и были на это согласны. За последствия мы должны отвечать сами. Канадские команды жалуются на европейское судейство с тех пор, как начали проводиться международные встречи. Пора бы привыкнуть к мысли, что европейские судьи не станут приспосабливаться к нашей манере игры.

Однако приведу классический пример, показывающий, что принятая в Европе система – когда на поле двое судей, обладающих равными правами, – не совсем разумна. Жан Рателль сбил с ног шведского игрока в углу поля. Вполне возможно, Рателль и сделал ему подножку. Однако ближайший к месту инцидента судья развел руки в сторону, традиционным жестом показав, что нарушения не было. Второй же судья, находившийся в противоположном конце льда, футах в пятидесяти, левой рукой указал на Рателля, а правую поднял вверх, что означало: как только шайбой овладеет команда Канады, Рателль будет удален с поля.

Естественно, мы затеяли бурный спор с судьями. Почему один из них показал, что нарушения нет, а второй потребовал удаления? Будь первый судья посообразительней, он не торопился бы со своим жестом.

Эта игра дает множество примеров различного подхода к хоккею шведских и канадских хоккеистов. Вот два из них.

1. У североамериканских профессионалов принято скрывать боль, а не показывать ее. Травмы воспринимаются ими как часть игры и не дают повода изображать из себя жертв. Когда в бейсболе подающий попадает в отбивающего мячом, последний не станет потирать ушибленное место, чтобы не дать противнику повода для злорадства. В хоккее то же самое. Серж Савар однажды уехал с поля с переломом голени, а Бобби Баун из «Торонто мэйпл лифе» играл два периода матча на Кубок Стэнли с переломом лодыжки.

Сегодня в конце второго периода Кэшмен и Стернер одновременно врезались в лицевой борт. В целях самозащиты Стернер поднял клюшку и угодил ею Кэшу прямо в рот. У того сильно потекла кровь, потому что крюк клюшки поранил ему язык. В зале почти никто не заметил этой травмы. Кэш спокойно подъехал к нашей скамье, дождался там конца периода, а потом со всеми вместе поехал в раздевалку. В перерыве им занялись врачи, и ему пришлось переодеться в свою «цивильную» одежду, чтобы наблюдать дальнейший ход игры из-за борта.

За шесть минут до конца матча Вик Хэдфилд задел клюшкой Ларса Эрика Шёберга по носу. Минут пять Шёберг разыгрывал на льду сцену, достойную Голливуда. Он отмахнулся от массажиста, затем нарочито медленно покатил в направлении своей скамьи, даже не пытаясь остановить кровотечение из носа. Болельщики обрушились на Хэдфилда, уже занявшего к тому времени место на скамье оштрафованных; Шёберг сделал крюк и проехал мимо скамьи. Одной рукой он махнул в сторону Хэдфилда, другой указал на свой кровоточащий нос. Наконец он подъехал к своим запасным, но, прежде чем усесться рядом с ними, он еще какое-то время стоял, прислонившись к борту. Во время следующей остановки игры Шёберг покинул свое место и, как мог медленно, покатился к раздевалке, все время держа полотенце в руке и- даже не прикладывая его к носу. Растроганные зрители аплодисментами проводили его со льда. Но, думаете, представление на этом закончилось? Ничего подобного. Блестяще играя роль героя, Шёберг задержался у выхода из зала, чтобы дать возможность шведским фотографам запечатлеть его нос с самых разных точек.

2. Всю игру шведы устраивали «снегопад» – так в НХЛ язвительно называют резкое торможение, при котором из-под коньков вырывается сноп ледяной крошки. Дело в том, что шведы любой ценой старались избежать столкновения с нашими игроками. У нас такой «снегопад» считается самым последним делом. Но это полностью соответствует шведскому пониманию хоккея. Что ж, действительно, коль скоро они считают нас чересчур агрессивными, то их стремление избегать физических столкновений вполне разумно.

18 СЕНТЯБРЯ

Не трудно догадаться, что все стокогльмские газеты поместили на первых страницах фотографии разбитого носа Ларса Эрика Шёберга. А одна опубликовала целых два снимка: носа и синяка под глазом. Фотографий Кэшмена в газетах не было, хотя Кэш из-за травмы угодил в больницу. За ночь его язык сильно распух, ему трудно было дышать, и кормить его пришлось при помощи вливаний.

Нашему медовому месяцу со шведской прессой определенно пришел конец. Мы снова превратились в животных. Стернер в своей статье обозвал нас «гангстерами». Посол Канады Маргарет Мигер тоже отчитала нас. Она дипломатично заметила, что мы вели себя, как настоящие скоты. Алан Иглсон не очень дипломатично отреагировал на ее замечание, посоветовав ей не вмешиваться не в свое дело.

Забавно прокомментировал все эти события корреспондент «Монреаль газетт» Тед Блэкмен. «Ну и ну, – сказал он мне, – Ваши рукопожатия после вчерашней игры выглядели не без смысла – мол, извини, приятель, что я хотел выбить тебе глаз; прости, друг, что я треснул тебя клюшкой по голове».

Спустя некоторое время я случайно встретил в ресторане Алана Иглсона. Настроение было у меня преотвратное, и не столько из-за себя, сколько из-за ребят. Мы ужасно сыграли со шведами, и, если это повторится в России, нас разгромят. В наш разговор с Иглсоном вмешался какой-то швед, который скорее печальным, нежели гневным голосом спросил, почему мы так грубо играли против его команды. Сомневаюсь, чтоБЕ1 кто-нибудь мог вразумительно ответить на этот вопрос, однако Иглсон попытался это сделать. «То, что принято делать в Швеции, не принято в Канаде, – сказал он. – Ваши ребята неплохо владеют клюшкой, особенно когда орудуют ею, словно копьем. У нас принято во время игры применять силу, а у вас нет. Просто мы с вами играем в два разных хоккея».

Не думаю, чтобы этот человек понял все до конца, тем не менее он переменял тему и сказал: «В России вы проиграете». Ал ответил: «Нет. Не проиграем. Пусть все будет против нас, но это у нас – здесь...» И он указал рукой себе на сердце.

В воскресенье вечером кто-то нам позвонил и сообщил, что в полночь в гостинице взорвется бомба. Тревога оказалась ложной.

19 СЕНТЯБРЯ

У меня создалось впечатление, что канадская пресса теперь взялась за нас всерьез: все ругают нас за плохую физическую подготовку и за то, что вместо тренировок мы слишком много времени проводим в городе. Некоторые стараются от нас откrestиться. «Мне стыдно, что я канадец», – пишет Пьер Горбей из «Монреаль матэн».

Конечно, то, что произошло в Швеции, вызывает досаду и дает повод для размышлений. Но с точки зрения хоккеистов, оснований для паники нет. Дело репортеров – писать о том, что они думают по поводу нашей подготовки, однако всем этим сентиментальным наставлениям грош цена.

Теперь уже стало совершенно ясно, что Бобби Орт в Москве играть не будет. Стоит ему немного постоять на коньках, как его больное колено снова дает себя знать, и доктора запретили ему участвовать даже в тренировочных играх. Сегодня во время прогулки ему свело ногу, и он чуть не

упал. Но, как видно, Бобби претит быть просто зрителем. После процедур он приходит на все тренировки, становится у бортика и громко подбадривает игроков. На сегодняшней разминке он наставлял Айвэна Курнуайе в том, как надо и как не надо играть в численном большинстве. Бобби считает, что мы порой слишком суетимся, слишком торопимся забросить шайбу, имея на одного игрока больше. «Не торопись, – твердил он Айвэну на разминке. – Не торопись. Без спешки. За тобой никто не гонится».

20 СЕНТЯБРЯ

Я приучил себя к мысли, что в Москве, видимо, играть не буду. Тони очень хорошо провел в Стокгольме первую встречу, а Эдди превосходно сыграл вторую. Вероятно, в Советском Союзе защищать ворота будут именно они. Мне же пора подумывать о подготовке к началу хоккейного сезона в НХЛ. Ведь нам еще играть целый сезон.

Итак, мы наконец отправляемся в Москву. Если еще когда-нибудь нам доведется участвовать в подобной серии матчей, сборная Канады наверняка не станет восемь дней проводить в Стокгольме.

В московском аэропорту мы приземлились почти в восемь вечера. У трапа нас встретил посол Канады Роберт Форд, затем автобусом нас доставили к зданию аэровокзала. Наслышавшись об их таможенных формальностях, мы полагали, что час или два нас продержат в автобусе, пока будет идти проверка паспортов и багажа. Каково же было наше удивление, когда на все это потребовалось рекордно короткое время – всего пятнадцать минут.

В автобусе я занял место у окна, чтобы разглядеть памятник защитникам Москвы, установленный по дороге из аэропорта в город. Вот он: огромные стальные противотанковые ежи. Поразительное зрелище. В этом месте русские остановили гитлеровцев, рвавшихся к Москве в начале войны. Отсюда всего двадцать пять минут езды до центра города.

Мы проехали мимо спортивного комплекса ЦСКА, огромного стадиона «Динамо» и здания воздушной академии, из стен которой вышли многие советские космонавты. Наконец автобус выехал на улицу Горького и остановился у гостиницы «Интурист», современного двадцатидвухэтажного здания из стекла и стали. Здесь нас встретили жены, среди которых была моя Линда; когда сотни канадских болельщиков, собравшихся в вестибюле, подняли в нашу честь бокалы с шампанским, впечатление было такое, будто мы оказались в «Плас Виль Мари», а не в русской гостинице.

Наш номер в «Интуристе» оказался вполне приличным, гораздо лучше того, который я занимал в «Метрополе» в последний свой приезд в Москву. Всей команде тут же предложили поужинать в отведенном для нас зале на втором этаже. К нашему удивлению, подали отличный бифштекс – куда лучше той безвкусной говядины, которой я несколько лет назад трижды в день питался в Ленинграде. После ужина мы с Линдой отправились посмотреть на Красную площадь, благо она всего в трехстах ярдах от гостиницы. Было довольно холодно, и так как я забыл свой плащ во

Франкфурте, то промерз до костей, пока мы глядели на смену караула у Мавзолея Ленина и рассматривали массивную стену Кремля и здания за ней.

В гостинице вестибюль все еще был набит канадцами, не знавшими, куда себя девать. К этому времени они уже выпили все запасы водки, виски и шампанского в гостиничном баре и теперь томились от безделья. Мы предпочли держаться от них подальше и решили осмотреть московское метро. Но, увы, у нас не нашлось ни копейки русских денег, и в метро мы не попали.

21 СЕНТЯБРЯ

Дорога от гостиницы к стадиону идет через весь город. Минуя Кремль, попадаешь в старый район города с кварталами невысоких бледно-желтых домов. У здания музея, в котором экспонировались работы французских художников, выстроилась длинная очередь. Впрочем, очереди можно увидеть и в магазинах, когда там продаются дефицитные товары. Затем проезжаешь ряд ультрасовременных зданий, в одном из которых расположился Совет Экономической Взаимопомощи социалистических стран, и попадаешь на набережную Москвы-реки, ведущую на стадион. Здесь на тебя свысока взирает здание гостиницы «Украина», одно из семи подобных сооружений, выстроенных в пятидесятые годы. Уже много лет иностранные туристы сочиняют всякие анекдоты по поводу архитектуры этих зданий.

Еще пять минут приятной езды по набережной мимо огромной теплоцентрали и Новодевичьего монастыря XVI века, и ты попадаешь в спортивный комплекс в Лужниках, официально именуемый стадионом имени Ленина. На огромной площади стадиона размещается футбольная арена на сто тысяч зрителей, Дворец спорта на четырнадцать тысяч мест, два плавательных бассейна, несколько дюжин теннисных, баскетбольных и волейбольных площадок и два поля для игры в хоккей с мячом.

На хоккейном стадионе в Лужниках места для зрителей расположены по периметру прямоугольника и секторы торцов поля совершенно не закруглены. К тому же ледяное поле сдвинуто к одной стороне, поэтому примерно сорок процентов мест находятся по одну сторону площадки позади линии ворот. Первый ряд удален от бокового борта приблизительно футов на пятнадцать, а от торцевого – футов на сто. Так что зрители, оказавшиеся в верхнем углу зала, с таким же успехом могли бы наблюдать хоккей из Киева или Стокгольма. Три тысячи канадских болельщиков сидели в наиболее удаленных секторах, Впрочем, на лучшее они и не могли рассчитывать.

На льду Дворца спорта тренировалась советская команда, и я сел на трибуну, чтобы посмотреть и познакомиться с площадкой. Вместо небьющегося стекла у русских над бортами позади ворот натянута сетка. Тут неизбежны проблемы, потому что шайба будет отскакивать от туго натянутой сетки, как пущенная из рогатки. При мне одна шайба отлетела от сетки за синюю линию. Игровая площадка примерно на семь футов шире нашей, но по длине она такая же, как большинство катков НХЛ. Вопреки ожиданию углы площадки у них закруглены, так что боюсь, нам не удастся начинать оттуда комбинации, как замышлялось в Стокгольме.

С удивлением обнаружил, что расстояние от линии ворот до заднего борта такое же, как на катках НХЛ. Это почти вдвое короче, чем в Стокгольме. Непонятно тогда, почему Третьяк не выходит за ворота, чтобы останавливать шайбу для своих защитников? В Стокгольме мне казалось это понятным. А теперь я снова теряюсь в догадках.

Через некоторое время я отправился в наши раздевалки – так как одной раздевалки на тридцать пять человек не хватило, нам предоставили целую анфиладу комнат – и стал готовиться к тренировке. Когда я вернулся в зал, рабочие подготавливали лед, и меня удивило, что на льду работают две машины. Кто-то серьезно сказал: «Они это делают вдвое быстрее». Толщина льда на площадке очень большая: почти три дюйма. На североамериканских катках лед обычно не бывает толще полдюйма, максимум пять восьмых дюйма. Здесь из-за такой толщины лед должен быть очень жестким и хрупким.

Посмотреть на нашу весьма скучную тренировку пришли советские хоккеисты, одетые в свои синие тренировочные костюмы с узкой полосой по бокам. Советские спортсмены, видимо, очень любят эти костюмы и ходят в них повсюду, даже в кино и ресторан. Глядя на нас, русские хоккеисты, наверное, совсем успокоились. Третьяк сидел в стороне от товарищей рядом с Анатолием Тарасовым – человеком, сделавшим для советского хоккея больше, чем кто-либо другой. Двенадцать раз он готовил советскую команду к чемпионатам мира, а четыре раза под его руководством она становилась победительницей Олимпиад. Однако в марте прошлого года он уступил место Всеволоду Боброву. Сейчас он тренирует команду высшей лиги ЦСКА. Третьяк – его вратарь № 1, а одиннадцать армейских хоккеистов играют за сборную страны. Это не трудно понять: последние лет десять первое место в чемпионате страны завоевывал спортивный клуб армии.

С Третьяком и Тарасовым разговаривал Иглсон, который представил советского вратаря Жану Беливо. «Вы ведь слышали о мистере Беливо?» – спросил он Третьяка. «Да, конечно», – ответил Третьяк через переводчика. Беливо рассмеялся и сказал: «Я тоже о вас слышал». Иглсон и Третьяк в шутку толковали о том, что Третьяку было бы неплохо провести лето в тренировочном лагере Бобби Орра в Онтарио. «А поездку моей жены вы оплатите?» – посмеиваясь, поинтересовался Третьяк. На что Алан ответил: «Замашки у вас настоящего профессионала. Чего доброго, в следующий раз спросите, как у нас с пенсионным обеспечением».

По дороге в гостиницу разговор в автобусе зашел о торговле игроками. Торонто отправило своего защитника Джима Маккини в Миннесоту в обмен на вратаря Гампа Уорсли. Владелец команды «Мейпл лифс» Гарольд Баллард заметил, что он еще не говорил об этом с главным менеджером «Мейпл лифс» Джимом Грегори. «Но вратарь нам нужен, – добавил он, – а Гамп чертовски хорош». Владелец детройтских «Ред уингс» Брус Норрис поздравил Балларда с выгодной сделкой.

Снова на обед бифштекс, что в общем-то неплохо. К сожалению, нашим женам везет меньше. Нас кормят отборным мясом, а женам приходится довольствоваться рядовой туристской пищей. Многие хоккеисты просят дополнительную порцию и относят ее женам. Я постоянно забываю это делать или же съедаю добавку сам. Линда начинает ворчать.

После обеда мы снова превратились в туристов и осмотрели собор Василия Блаженного и магазин Гум, что выходит на Красную площадь напротив Мавзолея. Это крупнейший торговый центр в мире, занимающий почти три городских квартала. После ужина мы побывали на представлении московского цирка. Я видел советский цирк в 1969 году, но тогда он размещался в небольшом скромном здании, похожем на кинотеатр. Сейчас цирк переехал в новое здание, очень красивое и оригинальное сооружение на Ленинских горах против

Московского университета. Затаив дыхание, мы следили за номером воздушных акробатов, завершившимся головокружительным прыжком из-под купола вниз, на едва видимую, натянутую поперек арены сетку.

В гостинице ко мне зашли попрощаться уезжающие Вик Хэдфилд, Рик Мартин и Джоселин Гувремон. Уже до этого ходили слухи, что у нас могут быть дезертиры. Не понимаю, как это игрок способен оставить свою команду. Конечно, есть у нас обиженные и недовольные тем, что их не ставят на игру, но чего ты добьешься, возвращаясь домой? Мы все – члены одного коллектива, и нас, по-видимому, должна интересовать его судьба. Эти ребята могли бы остаться здесь, чтобы поддержать свою команду. А что их ждет дома: тренировочный лагерь и попреки со всех сторон. Они возвращаются к тому, что видели уже тысячи раз: к бессмысленным играм в небольших городах перед небольшой аудиторией. Мне этого не понять. Но они сами так решили и, по-видимому, считают, что правы.

22 СЕНТЯБРЯ

Слухи о Маккини и Уорсли не подтвердились. Плохо, что в Москве мы не получаем своих газет, – не знаешь, что там у нас творится. Кто-то пустил утку, которая всем показалась вполне правдоподобной. А сегодня, кстати, благодаря Ферги и Э. Дж. появилась новая сплетня об обмене Карла Эллера на Теда Квалика. Верить больше никому нельзя. Сегодня на утренней тренировке я, кажется, сыграл вполне прилично; тем не менее думаю, что выйду на лед в составе команды не раньше первого матча в новом хоккейном сезоне НХЛ.

После тренировки я метался в поисках хотя бы глотка привычной кока-колы. Вы представить себе не можете, какой вкусной она кажется после напряженной работы, но, черт возьми, сейчас у нас ее не оказалось. «Завтра», – пообещали тренеры. Будь я сообразительней, то поступил бы, как остальные ребята: нагрузился бы коробками с «кокой» в Стокгольме и Дании. Правда, после завтрашней игры хоккеистов обещают напоить кока-колой. Что ж, ради одного этого стоит стремиться попасть в основной состав.

В газете «Москоу ньюс», выходящей на английском языке, прочел интервью с Всеволодом Бобровым. Перевод показался мне очень напыщенным, и я подумал, уж не министра ли по делам спорта интервьюировал журналист вместо Всеволода

Боброва. Сказав, что его команде есть чему поучиться у канадцев, особенно игре в большинстве (вот тебе и на!), Бобров продолжал: «В Москве наша главная ставка на молодых игроков, так как трудно придумать для них лучшую школу, чем игра против Канады». В конце интервью Бобров

добавил: «Канадцы изучили свои ошибки в первых играх и тщательно подготовились к реваншу. Им надо спасти свой пошатнувшийся престиж непобедимых».

Во-первых, у русских есть такая тенденция, все время чему-то учиться в спорте. По-моему, они вечно анализируют и изучают тактику и технику, как свою, так и противника. Убежден, что их главная задача в этой серии – учиться, хотя некоторые считают, что этим они просто дурачат нас. В Канаде лучше всех сыграли их молодые хоккеисты. Хуже других были защитники, ветераны команды Александр Рагулин и Виктор Кузькин. Так что «ставка на молодых», о которой говорит Бобров, вполне оправдала себя.

Что же касается слов о том, что мы-де изучили свои ошибки, то я не вполне убежден в этом. По-моему, вопреки мнению Боброва, мы не готовы к реваншу. В сущности, я не совсем уверен в наших шансах на успех в предстоящих четырех матчах.

Утром я пришел во Дворец спорта пораньше, чтобы посмотреть на разминку русских. В Северной Америке предыгровые упражнения состоят из короткой раскатки на одной половине льда, прицельных бросков во вратаря в течение семи-восьми минут и приветственных взмахов руками в сторону сидящих в зале людей. У русских же существует тщательно разработанная система обязательных упражнений, выдержать которую вряд ли в состоянии многие наши профессиональные команды.

Возьмите Третьяка. После короткой раскатки он становится в ворота и выполняет упражнения на растяжение. Затем он начинает разминку. Вначале Владимир Шадрин выстраивает семь-восемь шайб футах в двенадцати, а затем быстро бросает их одну за другой в определенную точку ворот. Он совершает десять бросков в левый нижний от Третьяка угол, а потом еще десять в правый верхний. Третьяк знает направление броска, и это вроде бы сводит на нет задачу разминки. Тем не менее это дает ему возможность быстро восстановить реакцию на шайбы при наиболее типичных бросках. Он закрепляет навык и одновременно привыкает к воротам. По-моему, упражнение очень разумное. А мне такое и в голову не пришло. После того как Шадрин заканчивает броски.

Третьяк уходит в угол площадки и выполняет шпагат с быстрым вскакиванием на ноги.

Тем временем форварды и защитники отрабатывают игровые ситуации, такие, как выход троих против двоих или двоих против одного, тренируют передачи и дриблинг. Во время разминки они работают с пятнадцатью шайбами, мы же пользуемся одной или двумя. В одном упражнении каждый игрок получает по шайбе и на полной скорости несется с ней в противоположную зону, отчаянно стараясь при этом избежать столкновения с другими игроками. Впечатление такое, будто присутствуешь на опасной гонке с препятствиями. Однако это приучает хоккеистов бежать с поднятой головой и тренирует дриблинг. В конце разминки у Третьяка был измученный вид. И не удивительно. Ведь он принял не меньше двухсот бросков. Наверное, он будет рад, когда начнется игра, – столько работать не придется.

Шума в зале сегодня вечером будет предостаточно. Три тысячи канадских болельщиков вооружились рожками, свистками и «резиновыми легкими», трибуна была вся усеяна флагами и транспарантами. Один из них гласил: «Задача выполнимая», а другой был обращен к Пэту Стэплтону: «Твоя Сарнья здесь, Блондинчик». Болельщики размахивали миниатюрными канадскими флажками. Все это здорово возбуждало.

В ложе для почетных гостей сидели советские руководители Л. И. Брежнев, Н. В. Подгорный и А. Н. Косыгин. Среди массы зрителей где-то на трибуне находился и известный поэт Евгений Евтушенко. Команды вышли на лед одновременно, и все четырнадцать тысяч зрителей Дворца спорта, стоя, бурно приветствовали хоккеистов. Игроки выстроились вдоль синих линий, а на льду появились мальчишки с чудесными букетами цветов и преподнесли их хоккеистам.

Когда зрителям представляли игроков, Фил Эспозито невольно разрядил напряженную предыгровую обстановку: споткнувшись о цветок, он со всего маху шлепнулся на лед. Наверно, Фил ужасно смутился, но вышел из положения просто хорошо: встав на ноги, он добродушно улыбнулся и отвесил зрителям глубокий поклон. Игроки обеих команд буквально покатывались со смеху.

Советские болельщики ведут себя иначе, чем их североамериканские собратья. Большую часть времени они молча сидят на своих местах, редко аплодируют или улюлюкают. Но если им кажется, что судья неправ или что команда противника играет грязно, с трибун несется возмущенный пронзительный свист. Своих же игроков они поддерживают, скандируя «шайбу», «шайбу», призывая их забросить шайбу в ворота.

С самого начала я заметил удивительную перемену в манере игры русских. В Канаде их защитники в основном «питали» шайбами своих нападающих, то есть, овладев шайбой, немедленно передавали ее форвардам. В этот же раз их лучшие молодые защитники Юрий Ляпкин и Владимир Лутченко врывались с шайбой в нашу зону и бросали по воротам от синей линии. А Третьяк временами выкатывался за ворота и останавливал шайбу для своих полевых игроков. Похоже, он делает это по настроению и, уж во всяком случае, не тогда, когда возникает ситуация, хоть чем-то напоминающая борьбу за шайбу.

В игре русских заметно влияние баскетбола: они расставляют своих нападающих около ворот таким образом, чтобы отсечь канадскую защиту от Тони Эспозито. Их форвард занимает позицию рядом с нашим защитником, передает шайбу, а сам остается на месте, чтобы блокировать защитника. Гарри велел нашим нападающим поступать таким же образом, но им трудно сразу отвыкнуть от старых привычек.

Мы сильно начали игру, плотно опекая русских и разрушая их комбинации в самом начале. В конце первого периода Жильбер Перро получил пас от Рода Джилберта и прекрасно обошел Рагулина. Затем он буквально выложил шайбу на открывшегося Париже, и Жан-Поль послал ее в ворота мимо Третьяка. Перед игрой он подшучивал сам над собой: «Если хотите посмотреть, как человек паникует, дайте мне шайбу перед воротами». На сей раз он не паниковал.

В начале второго периода Бобби Кларк, срезав угол, вышел на Третьяка и протолкнул шайбу у него между ног. 2:0. Затем на 12-й минуте Хендерсон довел счет до 3:0, забросив отскочившую от вратаря шайбу.

После этого периода Билл Гуд взял у меня интервью для канадского телевидения. Он, в частности, спросил, трудно ли нам будет сохранить перевес в счете в последней двадцатиминутке. «Нет, – ответил я. – Сейчас на нас начал действовать привычный адреналин: усталости не ощущаешь, когда тебя как сумасшедшие подбадривают три тысячи болельщиков. Да, есть еще шанс сравнять счет серии».

Следующий вопрос Гуда поразил меня, да, наверное, и телезрителей. Он поинтересовался, не собираюсь ли я домой вместе с Хэдфилдом, Мартином и Гувремоиом. Ну и глупый вопрос! Если бы он не застал меня врасплох, я бы, наверное, его как следует отпарировал. К счастью, я ответил вежливо. Но взбешен я был ужасно.

Наверно, на всю жизнь я запомню то, что произошло в последние двадцать минут. Мы играли глупо. Вместо того чтобы продолжать тактику давления в передней зоне, которая так хорошо оправдала себя в первых двух периодах, мы перешли к обороне, позволяя русским вводить шайбу в нашу зону. Юрий Блинов быстро сократил разрыв в счете: 3:1, но на пятой минуте Хендерсон снова восстановил перевес в три шайбы. Большого мы добиться не смогли. Русские предприняли штурм. Первый Анисин дал своим вздохнуть с облегчением: на десятой минуте он изменил направление полета шайбы и послал ее мимо Тони; затем, спустя восемь секунд, шайбу подхватил Шадрин и сократил разрыв до 4:3. Мы опять прижаты к канатам и ждем нокаутующего удара русских.

Айвэн Курнуайе дважды имел прекрасную возможность отличиться во время отрыва, но промахнулся. Бедному парню пока не везет. Мне кажется, он стремится обыграть вратаря, вместо того чтобы поразить ворота своим мощным верховым щелчком. Как ни странно, но отчасти повинны в этом вратари команды, в которой он играет. В течение многих лет на тренировках Айвэн доставлял своим голкиперам немало бед сильными бросками, и в конце концов они упростили его поубавить пыл. Теперь он привык останавливаться и вместо броска старается разыграть шайбу.

На двенадцатой минуте советские хоккеисты все-таки сквитали шайбу, когда она после броска Александра Гусева отскочила от клюшки нашего защитника и влетела в ворота над левым плечом Эспозито. А спустя еще три минуты они добились победы: Владимир Викулов овладел шайбой в углу площадки и вышел один на один с Тони.

В нашей раздевалке стояла гробовая тишина. Состояние у всех было подавленное. Как это могло произойти? Фил Эспозито оттянулся на меня и сказал, что ему это напоминает решающую игру Кубка Стэнли 1971 года между Бостоном и Монреалем, когда, забросив пять шайб в третьем периоде, канадцы победили со счетом 7:5. Все были расстроены. Еще бы, всего полчаса назад мы

были полны энтузиазма, а сейчас проигрываем серию со счетом 1:3, имея впереди весьма сомнительную перспективу выиграть три оставшиеся встречи, а с ними и всю серию.

И все же я не могу сказать, что русских выручило везение. Это очень сильная команда наступательного типа, а не просто двадцать парней, которые ждут, что их выручит счастливая звезда. Они ни разу не отказывались от борьбы. Они придерживались своего обычного организованного наступательного плана игры, и это в конце концов дало свои плоды. Очень надежно сыграл Третьяк. Он уверенно ориентируется в воротах, полагаясь в опасной ситуации на быстроту своей реакции. Не помню, чтобы он хоть раз бросился на лед на перехват шайбы. Однажды, например, Курнуайе вышел с ним один на один, но Третьяк просто принял свою стойку, и, как Айвэн ни старался, он не смог выманить его из ворот. Когда он в конце концов бросил, Третьяк легко поймал шайбу.

23 СЕНТЯБРЯ

Советская пресса разносит нас в пух и прах. Гарри был, наверно, очень расстроен (можно ли его осуждать?) и потому после игры не явился на пресс-конференцию. ТАСС по этому поводу пишет: «Трудно объяснить, почему руководитель команды канадских профессионалов не присутствовал на пресс-конференции. Один канадский журналист высказал предположение, что Синден не мог оставить своих игроков одних. Оставшись в одиночестве, профессиональные спортсмены могут впасть в депрессию, и тогда судьба остальных матчей будет решена. Поэтому Синден немедленно приступил к психотерапии, считая задачу сохранения морально-волевых кондиций команды важнее, чем вежливость по отношению к репортерам».

Вдобавок к плохому настроению я еще и сильно простудился. Больше не буду гулять вечерами по Красной площади в легкой спортивной куртке, совсем не предохраняющей от холода. Как я и ожидал, два часа, проведенные на тренировке, не были самыми радостными в моей жизни. Никому не хотелось вспоминать о том, что произошло накануне вечером. Гарри все еще не мог прийти в себя. «У нас бывают взлеты и падения, – говорил он. – Мы хорошо играем один период, хуже проводим второй и плохо – третий. Хорошо играть два периода подряд мы не можем. Русские же способны играть в одной и той же манере двадцать четыре часа в сутки – до полуночи третьего вторника февраля следующего года».

В середине тренировки я подкатил к борту, чтобы глотнуть воды.

– Как себя чувствуешь, малыш? – спросил Ферги.

– Ничего, кажется, неплохо, – ответил я, – но все еще делаю глупые ошибки.

– Это не беда, – отозвался Ферги, – лишь бы завтра вечером ты их не делал.

– Что?!

С тех пор как одиннадцать дней назад мы покинули Канаду, мне впервые дали понять, что я смогу сыграть в Москве. Но как сыграть? Ведь я плохо защищал ворота в Канаде. Я был в полном недоумении. В конце тренировки Гарри подъехал ко мне и сказал, что завтра вечером я играю. А ведь я уже больше двух недель не участвовал в настоящей игре. К тому же счет моих игр против русских 0:3, а количество пропущенных мною голов в среднем на игру астрономическое – семь. Что-то не логично. Тони же прекрасно провел вчерашнюю встречу, хоть мы ее и проиграли. Мне казалось, что если Гарри сделает замену, то поставит Э. Дж.

После тренировки мы с Линдой совершили экскурсию по Кремлю. Мы вошли в Кремль через ворота Спасской башни, миновали здание Верховного Совета и оказались у Дворца съездов – одного из самых больших театральных помещений мира, – облицованного белым мрамором. Дворец создавал поразительный контраст с древними, желтого цвета зданиями Кремля. Мы видели огромную Царь-пушку, слишком большую, чтобы из нее можно было палить. Затем мы осмотрели Оружейную палату, где хранятся драгоценности и реликвии царских времен.

В гостинице мне показали отчет «Советского спорта» о вчерашней игре, последний абзац которого развеселил меня. «Советская команда, – пишет В. Юрзинов, – показала характер и одержала важную победу. Отдавая должное нашим игрокам, мы тем не менее хотим их просить не заставлять своих болельщиков так нервничать и в воскресной встрече начать играть не в третьем периоде, а в самом начале».

Я хотел немного соснуть перед тем, как идти на оперу во Дворец съездов, но усталость и простуда взяли свое, и вместо одного часа я проспал до самого утра.

24 СЕНТЯБРЯ

Доводилось ли вам волноваться и нервничать так, чтобы не было сил встать? Именно так я чувствовал себя с утра, а ведь было только без четверти девять – еще одиннадцать часов до начала игры. В таком состоянии я находился лишь однажды – три года назад, когда впервые играл против русских в Ванкувере. Тогда я еще был запасным вратарем любительской сборной Канады и должен был доказать, что могу играть не хуже основного голкипера – Уэйна Стефансона. Нет ничего хуже боязни провала. Как ни странно, но накануне своей первой игры против Бостона на Кубок Стэнли в 1971 году подобного чувства я не испытывал. Наконец, я провел шесть последних матчей сезона НХЛ, и все шесть мы выиграли. Но мои выступления против русских... Ладно, не будем об этом.

Интересно, что думают наши о решении Синдена поставить на игру меня. Уверен, что они предпочли бы сегодня Тони, и я на них не в обиде. Более того, я почувствовал их настроение после вчерашней тренировки. Пока я ничем не доказал, что вдруг ни с того ни с сего начну хорошо играть против русских. А вообще, почему бы и нет? Вот, что я надумал в свою пользу:

1. В Канаде я еще не разыгрался, а теперь у меня за спиной две игры и месяц тренировок.

2. Я изменил свою манеру игры, приноровившись к стилю русских. Во всяком случае, морально я подготовился играть значительно лучше. Я еще не испытал свою новую тактику в деле, но уже поверил в нее. Долго она была для меня чем-то новым, и я не знал, смогу ли я так играть, да и стоит ли. А теперь я в этом уверен: уверен настолько, что меня силой не заставишь играть в старой манере Драйдена.

3. Наша команда играет значительно лучше.

На утреннем собрании на льду Гарри заметил, что русские стали лучше разыгрывать вбрасывание и что нашим центрам следует обратить на это внимание. В Канаде мы выиграли, пожалуй, семьдесят пять процентов вбрасываний, а в Москве, в первой игре, менее пятидесяти процентов. Еще одна новость: Жильбер Перро уехал в Канаду. Он забросил важную шайбу в Ванкувере и здесь помог забросить одну, а вот жалуется, что мало играет. Пэт Стэплтон подошел к Гарри и говорит: «Приехал в Москву отдохнуть, понимаете ли, а тут заставляют играть все игры!» Шутка в адрес Перро.

Что-то кормить нас стали похуже. Огромные бифштексы, которые нам давали вначале, превратились в мини-бифштексы. И кока-колы нам так и не выдали, хоть разговоров об этом было много.

Канадские болельщики развлекаются, как могут: чуть ли не до рассвета просиживают в гостиничном баре или маршируют по Красной площади с канадскими флажками в руках. Многие придумали другое развлечение: на лацканы пиджаков, на сумки и шляпы они прилепили наклейки с улыбающейся рожицей. А кто-то догадался наклеить их на двери всех номеров девятого этажа гостиницы.

Мы получаем тысячи телеграмм от почитателей, оставшихся дома. Их послания с добрыми пожеланиями заполнили все стены наших раздевалок. На одной телеграмме из Монктона стоит по меньшей мере тысяча подписей, другую, из Симкоу, Онтарио, подписали четыре тысячи человек. Удивительно! И очень приятно. Телеграммы братьям Эспозито подписала, наверное, половина жителей их родного городка. Как-то утром, прочитав послания своих земляков, Тони воскликнул: «Эй, Фил, я и не знал, что Фрэнк Донателли женился на той девушке, как ее...» Фил, правда, тоже позабыл ее имя.

Все мы понимаем важность предстоящей шестой встречи с русскими. Проиграв ее, мы проиграем серию. Ничья могла бы дать общую ничью по восьми матчам, что для нас также равносильно поражению. В раздевалке выяснилось, что некоторые игроки страдают от незначительных травм. У Билла Уайта ныла рука, Пэта Стэплтона беспокоила давно растянутая мышца, а Гэри Бергман страдал от спазм спинных мышц. Но я знаю этих ребят: ничто не удержит их от выхода на лед.

Почти все мои товарищи чувствовали, что психологически я готов к игре, но еще не настолько, чтобы преодолеть неприятные воспоминания. Вот они и стали меня обрабатывать. «Брось, ты ведь у нас лучший вратарь», – твердили они. «Покажи, на что ты способен. Дай им прикурить». Все это было очень здорово, но они чуть не перестарались: я едва не стал нервничать еще больше. Мне было как-то неловко от того, что они понимали, что меня нужно подбадривать. Стоило мне во время разминки взять бросок, даже самый простой, как пятнадцать глоток вопили: «Ну ты, парень, даешь, вот это да! Да ты и горошину не пропустишь... Стоишь, что надо сегодня...» И так без конца, пока все это не стало даже смешно.

Уверенность – важная штука, в особенности для вратаря. Например, если в начале игры вратарь берет пару трудных шайб, это вдохновляет не только его самого, но и товарищей по команде. И наоборот, если вратарь не в форме и сразу пропускает несколько простых голов, это угнетающе действует на остальных игроков, которым, чтобы победить, теперь придется в поте лица «зарабатывать» несколько дополнительных шайб.

В первом периоде русские штурмовали наши ворота. В самом начале я взял несколько по-настоящему трудных бросков. Каждый раз, отражая шайбу, я испытывал чувство победы. Я все больше и больше верил в свои силы. Где-то в середине первого периода нам почти шесть минут подряд пришлось играть в меньшинстве, но и здесь я взял несколько очень трудных бросков. Я хорошо стоял в воротах, быстро перемещаясь, без особого труда отражал броски с близкого расстояния. В конце периода мне просто повезло, когда Харламов, находившийся в углу вратарской площадки, бросил по почти пустым воротам, но попал в штангу.

В самом начале второго периода русские открыли счет. После броска Ляпкина от синей линии шайба изменила направление, отскочив от конька, и влетела в дальний угол ворот. Но тут мы вдруг обрели самих себя, и за восемьдесят три секунды забросили три шайбы. Первый гол забил Деннис Халл, перехвативший шайбу и пославший ее мимо Третьяка; вторую шайбу забросил с отскока Курнуайе, и, наконец, третий гол забил Пол Хендерсон. Он перехватил шайбу, выброшенную русскими к синей линии, сделал два больших шага и с сорока футов послал ее в ворота. Мы повели 3:1.

Не могу объяснить, что произошло дальше. Казалось, мы контролировали игру. Мы были впереди на два гола, играли с подъемом и помнили, что произошло во время предыдущей встречи: пять ответных голов в третьем периоде. Все, что от нас сейчас требовалось, – это вести умную, позиционную игру с четким контролем над шайбой. Но почему-то мы этого не сделали. Мы играли глупо. Мы стали получать бесконечные штрафы. В общей сложности два западногерманских судьи дали нам двадцать девять минут штрафного времени, тогда как русским – только четыре минуты.

И вот в конце второго периода после броска Якушева счет вдруг стал 3:2. А грозило нечто еще более страшное. Полминуты спустя Фил Эспозито получает пятиминутный штраф за удар Рагулина клюшкой, и судья тут же прибавил нам еще две минуты за какое-то замечание Ферги. И тут началось. Они волнами накатывались на нас, но нашим защитникам, и в особенности Сержу

Савару (который более двух недель назад в Виннипеге сильно повредил себе колено), удавалось прерывать комбинации русских у наших ворот.

В какой-то момент мне показалось, что русские забросили шайбу. Им тоже это показалось. Но красный сигнал не зажегся. Якушев справа послал шайбу вдоль ворот Харламову, который стоял в углу вратарской площадки. Единственное, что я мог сделать, – это переместиться в сторону Харламова и попытаться отразить его бросок. Шайба ударила в мой щиток и отскочила в сторону сетки ворот. Не знаю, что произошло вслед за этим. Может, шайба ударила о стойку и отлетела ко мне, а может, влетела в ворота и отскочила от сетки. Как бы то ни было, она оказалась у меня в перчатке, и судья остановил игру.

Слава богу, через несколько секунд период закончился. В раздевалке мы все дико переругались. Мы понимали, что теряем контроль над собой и проигрываем встречу. Тем не менее пока мы еще впереди. «Давайте же соберемся и победим», – наставлял нас Гарри. Из психологических соображений перед началом третьего периода он продержал нас в раздевалке на пять минут дольше положенного. Уставшим требовался отдых.

Третий период мы провели как нельзя лучше. Русские не могли ничего с нами поделать, потому что мы не давали им действовать. Мы тоже не забросили ни одной шайбы, хотя всю игру контролировали ее. И вдруг за две минуты до конца с поля за задержку удаляется Рон Эллис. Беда! Ляпкин бросает мимо закрывших меня игроков, но шайба отскакивает от края щитков. Еще шайба, брошенная Лутченко издалека, едва не влетает в угол ворот, но я отбиваю ее краем перчатки. Еще одно усилие!

Конец. Мы устояли и победили со счетом 3:2.

Наконец-то я победил русских. Пусть это звучит банально, но с меня словно свалился колоссальный груз. Я знаю, что до этой встречи ни игроки, ни пресса, ни канадские болельщики меня не жаловали. Гарри и Ферги здорово досталось бы, если бы я плохо провел игру. Они сильно рисковали, поставив меня. До этой встречи я ничем не доказал, что сыграю хорошо. Линда потом рассказывала, что какой-то болельщик рядом с ней на трибуне назвал Синдена «ничтожеством за то, что он поставил в ворота этого идиота Драйдена». Но все позади. Какая тяжесть с плеч...

На сей раз в раздевалке было весело. Я поблагодарил ребят за то, что они так подбадривали меня до игры. Теперь мы стали самими собой. Правда, до фаворитов нам еще далеко, после шести встреч мы проигрываем 3:2, но шансы на победу у нас уже есть.

В гостинице меня ждали Линда и мой отец. Линда заявила, что устала до изнеможения. «С чего бы это?» – спросил я. Она взглянула на меня, как на пугало, «Слушай, умник, если бы ты пережил то, что я пережила сегодня, ты бы тоже устал».

25 СЕНТЯБРЯ

Тренировка проходит весело. Гарри, Ферги и Ал Иглсон отправились во Дворец спорта пораньше, чтобы обсудить с советскими представителями вопрос о судействе западногерманских рефери Иозефа Компаллы и Франца Баадера, судивших во время вчерашнего матча. После игры Гарри назвал их «самыми некомпетентными судьями, каких он только видел». Теперь мы хотим, чтобы русские ответили нам любезностью на любезность. Иглсон прямо заявил, что если русские, пользуясь своим правом, выставят на игру Компаллу и Баадера, то восьмую встречу мы проводить откажемся.

На тренировке Гарри объявил, что седьмую игру проведет Тони, а на восьмую независимо от ситуации поставят меня. Тренируясь, я взял пару шайб и сильно бросил их в ворота с той точки, с которой Харламов вчера не смог забросить верный гол. Да, сетка там и впрямь очень тугая... Шайба может влететь в ворота и выскочить обратно за какую-то долю секунды.

В интервью «Советскому спорту» Бобров высказал предположение, что шайба Харламова все-таки побывала в воротах. Он подчеркнул и то, как сдержанно вели себя его хоккеисты по отношению к судьям, не опротестовывая их решений. И привел бросок Харламова в качестве примера. Возможно, он прав. Русские действительно не протестовали. Они лишь спокойно поинтересовались у рефери, засчитывается ли гол, и, получив отрицательный ответ, тотчас успокоились. Случись подобное в Северной Америке, реакция была бы более бурной. Кто-нибудь наверняка шмякнул бы клюшкой о стекло перед лицом судьи – это как минимум.

И опять советские газеты дали нам убийственную оценку. Вот что писал в «Известиях» Борис Федосов:

«Канадцы в открытую охотились за Харламовым. Такой, с позволения сказать, хоккей чужд нам, и именно поэтому наши спортсмены не отвечали им тем же ни в Торонто, ни в Москве. Особенно грубо играл Фил Эспозито. Если грубость – технический принцип канадских профессионалов, то это подрывает основу спортивного соревнования и способно сделать его невозможным». Газеты каждый день пишут об отличных выступлениях стран социалистического лагеря на олимпиаде в Мюнхене. Теперь все канадские болельщики в Москве знают, что спортсмены одиннадцати социалистических стран, составлявшие менее десяти процентов участников олимпиады, сумели завоевать 285 медалей – сорок восемь процентов. Первый заместитель председателя советского Комитета по физической культуре и спорту Виталий Смирнов не без гордости писал: «Успех советской команды основывается на прочном фундаменте: спортом в СССР занимаются миллионы людей».

По словам русских, у них более шестисот тысяч взрослых хоккеистов-любителей и более трех миллионов юношей, регулярно занимающихся хоккеем. «О детях я не могу дать вам точной цифры, – сказал один из руководителей советского хоккея. – Их просто невозможно учесть. В Сибири, например, они буквально с пеленок становятся на коньки».

Быть может, это и так. Проследим на примере Третьяка, как действует эта система.

Как и многие советские дети, Третьяк, родившийся в Москве двадцать лет назад, с семи лет стал заниматься спортом. С детства он перепробовал хоккей, баскетбол, футбол, прыгал на лыжах с трамплина, играл в теннис и под наблюдением преподавателей физкультуры (большинство из них – выпускники высших учебных заведений) хорошо развился физически. Его не только обучали различным техническим приемам по единой, официально принятой программе, по и присматривались к его личным качествам. Третьяк, видимо, обладал качествами идеального вратаря, и в возрасте одиннадцати лет он впервые получил вратарские доспехи и напутствие стать новым Жаком Плантом. Его разлучили с прежними наставниками и направили на учебу в детскую спортивную школу ЦСКА в Москве. В Москве существуют лишь четыре закрытых катка стандартного размера, включая стадион ЦСКА, и лед предоставляется только самым способным мальчишкам, таким, как Третьяк. Кстати, эта спортивная база считается одной из лучших в стране по подготовке спортсменов.

Теперь давайте посмотрим и сравним, как становятся вратарем в Северной Америке. Как правило, мальчишку ставят в ворота по той причине, что он либо слишком плохо катается на коньках, чтобы быть форвардом, либо слишком щупл для игры в защите, или потому, что у него оказалась пара дедовых щитков, которые тот подарил его отцу еще лет тридцать назад. У нас отсутствует научный подход к выбору профиля будущего спортсмена, который есть в России.

Со временем Третьяк стал лучшим вратарем юношеских команд, и в пятнадцать лет привлек внимание Анатолия Тарасова, который тренировал тогда сборную хоккейную команду Советского Союза и был старшим тренером ЦСКА. Тарасов часами работал с Третьяком, совершенствуя его технику по лучшим канадским образцам. Третьяк играл все лучше и лучше, и в 1970 году Тарасов решил, что он может играть не только за ведущий клуб высшей советской хоккейной лиги, но и за сборную команду страны. В это время Третьяка призвали в армию, и он сделал быструю карьеру от рядового до лейтенанта. Сейчас вратарь-лейтенант Третьяк, как и остальные игроки сборной, почти одиннадцать месяцев в году посвящает хоккею, а остальное время проводит в отпуске на одном из черноморских курортов.

С бывшим преподавателем университета штата Нью-Йорк, ныне канадским журналистом Джеком Людвигом мы отправились в Центральный клуб Советской Армии. Клуб расположен в северо-западном районе города, попадаешь туда через большие ворота. Здесь так много спортивных сооружений, что по сравнению с ними любой наш стадион кажется необорудованным. Спортивный комплекс ЦСКА включает в себя не только внушительных размеров здания для занятий хоккеем, теннисом, тяжелой атлетикой, плаванием, гимнастикой и баскетболом, но и футбольный стадион на семь тысяч мест. Между спортивными залами разбросаны баскетбольные и волейбольные площадки и небольшие футбольные поля. В здании хоккейного стадиона имеется отдельный каток для занятий фигурным катанием, где мы наблюдали за тренировкой двух дюжин семилетних девчушек, выполнявших прыжки и пируэты под строгим оком своего тренера.

Снаружи шел мелкий дождь, а здесь два хоккейных тренера, одетые в традиционные, голубые с полосой тренировочные костюмы, заставляли своих подопечных выполнять различные упражнения. Ребятишек в группе было человек тридцать, все в возрасте от десяти до одиннадцати

лет. Тренировал их бывший хоккеист по фамилии Брежнев, в прошлом защитник сборной страны. Сейчас он работает с детьми в спортшколе ЦСКА.

Тренировки на воздухе проходили очень интересно. Во-первых, сразу бросалось в глаза, что ребята занимаются с удовольствием. Тренеры умело, без напора чередовали упражнения, и чувствовалось, что между ними и воспитанниками существует полный контакт. Когда вам приходилось видеть, чтобы мальчишки в Северной Америке получали удовольствие, выполняя отжимания, поднимание и опускание ног, вращения туловища?

На первый взгляд казалось, упражнения пустяковые и не имеют какой-то определенной цели. С клюшками в руках ребята в течение нескольких минут впрыгивали на гимнастические скамейки, поочередно меняя ноги, после чего бежали наперегонки около 40 метров. Потом в яме с опилками они выполняли кувырки через плечо и сальто. Вся тренировка напоминала полосу препятствий какого-нибудь лагеря для призывников в Соединенных Штатах. Позже Брежнев выбросил на площадку три дюжины теннисных мячей, и мальчишки 8 – 10 минут занимались обводкой друг друга. Попробуйте как-нибудь проделать то же самое: это очень трудно. Но это упражнение учит держать голову поднятой, да и многому другому.

Основная цель этих упражнений – совершенствовать подвижность и равновесие игроков. Я уловил принцип, по которому работают русские: чем лучше подросток будет подготовлен физически, тем более сильным игроком он может стать со временем. Вместо натаскивания в том или ином виде спорта они воспитывают всестороннего атлета. Разумный принцип, на мой взгляд. Хороший атлет всегда может приобрести необходимые навыки в конкретном виде спорта. Я уверен, что Бобби Орр мог бы научиться в совершенстве бить по овальному мячу, а Джонни Бенч останавливать шайбу.

Понаблюдав за детьми, я вошел внутрь, чтобы посмотреть на обычную тренировку. Сооружение было точной копией катка в каком-нибудь маленьком канадском городке, с низким потолком и 12 – 15 рядами мест для зрителей вокруг льда. Зато сам лед был хорош – не слишком мягкий и не слишком медленный, – и это, конечно, компенсировало все остальное. На льду одновременно находились более сорока подростков, и вначале мне было трудно разобраться в происходящем. Но, чем дольше я вглядывался, тем больше понимал, что дети организованы в различные группы и выполняют совершенно разные упражнения. За час или около того, пока я наблюдал за тренировкой, не было ни одного случая, чтобы игроки одной группы смешались с хоккеистами другой. И что мне больше всего понравилось – все игроки все время что-то делали.

Старшим тренером, проводившим тренировку, был Виноградов, также бывший игрок сборной. Ему помогали еще несколько наставников, которые непосредственно отрабатывали определенные упражнения с разными группами. Виноградов с микрофоном сидел на одной из боковых трибун и сверху наблюдал за происходящим. Мне пришло в голову, что его можно сравнить с любым тренером наших студенческих футбольных команд, работающим с множеством ассистентов. Упражнения в основном были направлены на развитие быстроты. Владая шайбой, игроки доезжают до синей линии, падают на колени, не теряя при этом контроля над шайбой, вскакивают, снова бегут до другой синей линии, повторяют падение на лед. Позже Виноградов

выбросил в центральную часть площадки около 40 шайб, и хоккеисты стали отрабатывать дриблинг в пределах синих линий. Снова ты учишься не опускать голову. В конце двухчасовой тренировки Виноградов дал ребятам темповое упражнение на отработку техники катания. Вперед – назад. Вперед – назад. Вперед – назад. Стоп – старт. Стоп – старт. И это было не так уж просто. В то время как игроки бежали изо всех сил, тренеры катились им навстречу, пытались применять силовые приемы. Поэтому юным хоккеистам никак нельзя было опускать голову, иначе они оказались бы на льду. Кроме того, они развивали ловкость, которая позволяла им избегать силовых приемов на высокой скорости. Очень интересно.

Инвентарь, который использовали молодые игроки, был весьма беден по канадским стандартам, хотя и не столь уж плох. Возможно, слегка устаревший, но вполне приемлемый. Отсутствие новых семидесятидолларовых коньков и пятидесятидолларовых перчаток, судя по всему, не особенно волновало ребят.

Позднее показался Борис Кулагин, второй тренер сборной команды, в сопровождении примерно пятнадцати игроков, большинство из которых входили в состав сборной, но выступали лишь в нескольких играх этой серии. Минут тридцать они работали над пасом, дриблингом, бросками, быстрым отрывом, после чего провели часовую двустороннюю игру. Без остановок. Без замен. И в течение всего времени Кулагин стоял у борта с микрофоном в руке, бросая короткие указания проносящимся мимо игрокам: «Быстрее! Еще быстрее! Вы ничего не сможете добиться без движения!» Один из игроков отдал неточный пас, после чего упал и стал не спеша подниматься. «Что ты делаешь?» – гневно крикнул в микрофон Кулагин. Чуть позже один из игроков предпринял сольный проход по всему полю и был легко остановлен. Кулагин покачал головой и сказал провинившемуся индивидуалисту: «До двух считать умеешь?» – имея ввиду, что в следующий раз лучше отдать пас другому игроку.

Когда Гарри Синдену рассказали о том, как Кулагин использует микрофон, он лишь покачал головой. «Почему нам не подумать об использовании на льду микрофона?... Нет, нам приходится орать на игроков, а они все равно либо не слышат нас, либо не хотят слушать».

Теперь, когда я думаю обо всем этом, мне нетрудно понять, каким образом Третьяк стал выдающимся вратарем. Советские тренеры посвящают себя целиком процессу обучения, от чего большинство североамериканских тренеров предпочитают уклоняться. В прошлом году у Третьяка, например, была, как выразился тренер сборной ЧССР Владимир Костка, «самая плохая свободная рука в мире». Теперь он действует ловушкой быстрее, чем это могло присниться нашим бомбардирам. Что же произошло? «Он научился работать ловушкой в течение лета», - сказал Кулагин. После каждой тренировки сборной Бобров и Кулагин оставляли Третьяка на льду по крайней мере еще на час и заставляли его отражать целый град шайб: машина выстреливала шайбы каждые четыре секунды со скоростью до ста миль в час. В результате у Третьяка сейчас, вероятно, самая быстрая ловушка в мире.

Я считаю, что жесткая советская тренировочная программа имеет значительные достоинства. Сборная команда начала готовиться к встречам с нами 5 июля, т. е. на шесть недель раньше, чем

мы встретились в Торонто, однако Бобров и Кулагин не позволяли своим игрокам выходить на лед.

«Физическая подготовка, психологический настрой и смелость в сочетании с техникой рожают мастерство,- говорит Бобров.- Мы работаем над первыми тремя компонентами, а затем думаем о технической части». Каждый день русские начинали тренироваться на баскетбольной площадке. «Немного баскетбола – хорошо для рефлексов», – говорил Кулагин. Да, но хорошо также и для отработки неправильной блокировки соперника.

После этого шли медицин-боллы, тяжелая атлетика, футбол и гимнастика. В завершение немного хоккея на деревянном настиле. Нападающие и защитники пасовали друг другу утяжеленную шайбу свинцовыми хоккейными клюшками. «Когда наконец они выйдут на лед, – говорит Бобров, – обычные шайбы и клюшки будут для них перышками». Между тем в углу Третьяк и другие вратари работали со свинцовыми клюшками и утяжеленными шайбами, свободной рукой одновременно жонглировали мячом. «Очень полезно для координации работы зрительного аппарата и рук», – утверждает Бобров. Проводились также физические и психологические тесты, и только те игроки, которые сумели пройти их, остались в команде.

Прежде чем покинуть Центральный спортивный клуб армии, я побеседовал с русскими тренерами о высшей лиге Советского Союза – своего рода НХЛ России. В лиге участвуют девять команд, которые субсидируются профессиональными союзами, промышленными предприятиями или армейскими клубами, а не государством, как таковым. Так, например, «Спартак» – клуб, пользующийся у болельщиков наибольшей популярностью за свою бесшабашную манеру игры, представляет промкооперацию. Клуб «Динамо» субсидируется МВД. «Крылья Советов» – команда, представляет некоторые профессиональные союзы Москвы. Имеются также СКА (Ленинград), «Торпедо» (Горький, автомобильный завод), «Химик» (химическая промышленность). «Трактор» (Урал, тракторный завод), ЦСКА (Москва).

Игры, в которых участвуют ЦСКА, «Динамо» и «Спартак», всегда проходят во Дворце спорта с аншлагом (кстати, самый дорогой билет стоит менее двух долларов). Однако, когда с Урала приезжает «Трактор», чтобы встретиться с «Локомотивом», много мест на стадионе пустует. Календарь высшей лиги предусматривает проведение 32 игр.

Когда мы уже собирались уходить, Кулагин поделился с нами оригинальным соображением о причинах быстрого прогресса русских хоккеистов. «Канадцы, – заметил он, – относятся к хоккею не так серьезно, как мы. В хоккее можно всего достигнуть серьезностью подхода».

И все же, несмотря на все, я не могу представить, чтобы наши профессионалы стали отдавать хоккею полностью все одиннадцать месяцев в году. В Советском Союзе игроки по

окончании спортивной карьеры или автоматически получают право на тренерскую работу, или без всяких проблем находят хорошую службу. Если бы канадские профессионалы играли по восемь

часов ежедневно одиннадцать месяцев в году, они не имели бы возможности подготовить для себя место в жизни после окончания активных занятий спортом.

У нас попросту совершенно разные условия, и я не предвижу никаких перемен. В Канаде сложилась своя система со «звездами» различной величины, в то время как русские следуют иной системе и отвергают то, что они называют у нас «звездной болезнью». В России нет послеигровых телешоу, передач с участием «звезды» матча, интервью при закрытых дверях для утренних газет; нет и рекламы автомобилей, одежды или крема для бритья с помощью хоккея. Комментируя игру, Бобров и Кулагин никогда не скажут: «Третьяк был очень хорош». Вместо этого они сделают лишь весьма общее замечание, что «вратарь был на высоте». Вратарь! Не Третьяк – вратарь.

Нет, я не могу представить, чтобы североамериканцы вдруг неожиданно отказались от «культы личности» в хоккее и «звёздной лихорадки».

Было обеденное время, когда я вернулся в гостиницу. После обеда мы помчались во Дворец съездов на концерт. Первая часть концерта состояла из выступлений комедийных артистов, певцов классического жанра и художественного чтения, которое, несмотря на языковой барьер, мне очень понравилось. Во втором отделении выступили шестеро певцов, они играли на различных инструментах, но не столь блестяще. Судя по всему, они представляют собой русский ответ ансамблю «Роллинг стоунз», однако играют и поют они, скорее, как сестры Эндрюз.

26 СЕНТЯБРЯ

Утром в течение часа я тренировался с «золотым» запасом, готовился к восьмой игре в четверг вечером. Сегодня будет играть Тони, а запасным Э. Дж. После тренировки я поехал в Институт физической культуры – мозговой центр советского спорта. Размещается он в старом здании, которое некогда было резиденцией какого-то русского графа. Здание требует ремонта, но уже построено новое в другой части города, строители заканчивают последние отделочные работы.

Я миновал длинный коридор, на стенах которого висели всевозможные медицинские таблицы. На них изображались не только кости и мускулы, но нервы и сосуды каждой части тела. Поскольку я не силен в биологии и анатомии, эти таблицы и графики мало о чем мне говорили. Одно было ясно: кто бы этими вещами ни пользовался – будущие спортсмены или преподаватели, – им эти таблицы окажут несомненную пользу. В советской программе обучения подчеркивается, что надо знать возможности и пределы своего организма. Хорошо зная свое тело, вы сможете лучше тренироваться и разбираться в своих травмах, что немаловажно для спортсмена.

За этим коридором был другой, с набором стеклянных витрин на стенах. В них в деревянных коробках находились имитации различных костей, сухожилий, мускулов, а также суставов, суставных сумок и черепов. Все эти пособия были действительно наглядные. Я с интересом разглядывал строение колена. Вот уже двадцать лет, как я слышу о разорванных сухожилиях и поврежденных суставных сумках, не понимая в общем-то, о чем идет речь. Теперь, когда кто-нибудь получит такую травму, я смогу по крайней мере представить, что произошло. Глядя на строение колена, понимаешь, почему оно так часто выходит из строя.

В конце коридора появилось несколько преподавателей. Один из них знал немного по-английски и сразу понял, когда мы объяснили ему, кто мы такие. Он на несколько минут исчез и вернулся со своей сестрой, которую звали Елена Анисимова. Она прекрасно говорила по-английски, согласилась быть нашим переводчиком и провела нас через главное здание института в кабинет директора. Здесь же находились несколько преподавателей. Целых два часа мы забрасывали их бесчисленными вопросами, а они старались нам ответить на каждый из них.

Мы узнали, что в Советском Союзе девять аналогичных институтов с различной степенью сложности программы. Московский институт считается высшим учебным заведением, у него есть филиал за пределами города, в котором, кстати, учится Третьяк. В принципе советские институты обучают действующих и уже сошедших спортсменов, а также других заинтересованных лиц тренерскому искусству. Будущие преподаватели изучают технику того вида спорта, по которому они специализируются, получают знания по анатомии, физиологии, психологии, а также по истории и социологии своего спорта.

Студенты посещают институт в течение пяти лет. Еженедельно по десять часов они занимаются специализацией: четыре часа посвящаются теории и нетехническим аспектам спорта; остальные шесть – практическим занятиям. Преподаватели, например, раскрывают им механику бросков, паса и защиты ворот. Они обязательно продемонстрируют при этом, что до тех пор, пока большой палец не будет правильно расположен на клюшке, ты вряд ли сможешь сделать сильный бросок. Они также рассказывают о потреблении кислорода, объеме легких и многих других вещах, о которых большинство тренеров в Северной Америке, несомненно, никогда и не слышали. Иными словами, русским хорошо удается собрать воедино всевозможные знания и подготовить совершенного, разностороннего тренера. Я уверен, в Советском Союзе не один Тарасов, Бобров или Кулагин – таких тренеров много.

Обдумывая теперь все это, я хочу решительно возразить против бытующего у нас мнения, будто спорт, поставленный на научную основу – это уже не спорт. Это глупый подход к делу. Спорт нечто значительно большее, чем просто единоборство тел. Он затрагивает и наше сознание, и тело, ибо спорт должен развивать всю личность. Философия спорта в Северной Америке устарела, в то время как русские сумели многое модернизировать. Их тренеры и спортсмены понимают то, что они делают. Нам же иногда говорят делать что-то, и мы выполняем это, не получая никаких объяснений в отношении того, зачем это нужно. Вся учебная система в СССР представляется мне весьма логичной – чем больше ты узнаешь о своем теле, чем больше знаний ты получаешь о своем виде спорта, тем ты становишься более сильным атлетом и более совершенной личностью.

Я спросил одного из преподавателей, что он думает о канадских хоккеистах. Его ответ выразил, я думаю, ту степень искренности, которой мы достигли. Он сказал, что мы выглядим воспитанными людьми, у нас великолепная команда, но... он не понимает, почему мы играем так грубо. Я доволен, что он сказал это. И это не было обычной дипломатией. Он спросил меня, понравилось ли мне играть с русскими. Я так же искренне сказал, что получил подлинное удовольствие от встреч с ними и что мне не понравилась игра со шведами. Я сказал ему, что всегда испытываешь удовольствие от встреч с командами, и людьми, делающими все так, как надо делать. Потом еще я спросил другого тренера: чем русские игроки занимаются, кроме хоккея. Многие из них, ответил

он, работают на предприятиях, многие учатся и служат в армии. Действующие игроки посещают институт и работают над дипломом по собственному расписанию в связи с жесткими требованиями их хоккейной программы. Ведь, кроме 32 игр национального чемпионата, игроки сборной участвуют еще примерно в пятидесяти международных встречах. Обычно советский хоккеист заканчивает институт примерно за семь с половиной лет.

В Советском Союзе не поощряется, чтобы спортсмен оставался только спортсменом. Очевидно, их политика заключается в том, чтобы всесторонне подготовить атлета, дать ему возможность быть полезным членом общества и после того, как он завершит свою спортивную карьеру.

Интересно. А мы считаем, что советский игрок более профессионален, чем североамериканские профессионалы, так как тренируется сорок восемь недель в году. В какой-то степени это так, но ведь советские спортсмены занимаются не только активным спортом. Возьмите Вячеслава Старшинова и Владимира Шадрина, двух игроков из старшего поколения. Старшинов – инженер, защищает кандидатскую диссертацию, а Шадрин заканчивает Московский институт нефтяной промышленности.

Один из преподавателей спросил: считаю ли я, что мой рост помогает мне в воротах. Он, видимо, полагал, что я слишком высок. Русский компьютер, вероятно, заставил бы меня стать баскетболистом, а не вратарем. Я ответил: для меня, как вратаря, очевидный излишек в росте восполняет известную потерю в подвижности.

Я провел четыре часа в институте и перед уходом сфотографировал наших собеседников. Продолжительная беседа опровергла традиционное заблуждение, что, когда разговариваешь с людьми, работающими в советском спорте, они предпочитают уходить от ответов, как бы ненароком меняя тему разговора и заменяя ее пропагандой. В институте все было иначе, люди вряд ли могут быть более доброжелательными. Я бы с удовольствием провел здесь месяц или два, походил на занятия. Мы должны изучать их средства и методы, поскольку это основная область, в которой мы в Северной Америке полностью отстаем. Мы на самом деле должны еще очень многому поучиться.

По дороге во Дворец спорта я рассказал доктору Джиму Мюррею о моем визите в институт. Он сказал, что провел целый день в московском госпитале для спортсменов – громадном сооружении примерно на две тысячи коек, которое предназначено специально для лечения спортивных травм. Артисты балета и цирка причисляются к атлетам, таким образом, это действительно специальный спортивный госпиталь. Если футболист получает серьезную травму ноги в игре где-нибудь за десять тысяч километров во Владивостоке, его отправляют самолетом прямо в Москву в эту больницу. Доктор Мюррей сказал, что, на его взгляд, советской медицине есть чему поучиться у Северной Америки. «Но, – сказал он, – в целом их уровень ухода за больными выше, так как у них больше докторов, медсестер и другого медперсонала, чем в североамериканских госпиталях».

Канадские болельщики на стадионе вели себя более шумно, чем обычно. Они придумали новую рифмованную присказку: «Да, да – Канада, нет, нет – Совет!» – и рев стоял просто ужасающий.

Гарри не надо было тратить много слов в раздевалке. Все игроки знали, как важна нам эта игра, поэтому в комнате стояла сосредоточенная тишина.

С самого начала игра пошла вяло. Казалось, ни одна из команд не в силах показать хороший хоккей: если бы любая из них начала встречу сильно, другая оказалась бы в отчаянном положении. Я следил за игрой с трибун вместе с Доном Оури и, кстати, понял, почему его прозвали Толкуном. Он не мог усидеть спокойно десятой доли секунды. Но еще неприятнее было то, что он, следя за игрой, применяет силовые приемы. Его так захватывают перипетии борьбы, что он пускает в ход локти, кулаки, стучит ногами и толкается во всех направлениях. Завтра я встану с болью в костях.

Как ни тяжело было сидеть рядом с Толкуном на трибуне, еще тяжелее было наблюдать за тем, что происходило там, на льду. Судьям Рудольфу Бате из Чехословакии и Уве Дальбергу из Швеции пришлось дать восемнадцать штрафов (одиннадцать – Канаде и семь – Советскому Союзу), чтобы сохранять контроль над игрой. Встреча шла, как любят выражаться журналисты, «очко в очко». Фил Эспозито в самом начале периода забил гол с места, которое всем нам известно, но Якушев (я действительно рад, что мне не придется с ним встречаться в играх НХЛ) спустя десять минут обыграл Парка и футов с тридцати сравнял счет. Билл Уайт на семнадцатой минуте находился на скамейке штрафников за неправильную блокировку игрока, когда Петров забил шайбу. Однако Эспо, когда стрелки на табло показывали 17 мин. 34 сек., получает тонкий пас от Сержа Савара, снова обыгрывает Третьяка и делает ничью.

Второй период игроки проводили в основном на скамейке штрафников. В начале третьей двадцатиминутки Род Джилберт удивил Третьяка, выехав из-за ворот и вогнав шайбу между его ног в сетку. (Канадские журналисты называют теперь Рода «бешеным псом» из-за того агрессивного стиля игры, который он продемонстрировал в Москве; действительно, он просто нокаутирует своих противников во всех углах площадки.) Потом снова этот Якушев, который, видимо, превзойдет к концу серии самого Маховлича, в момент, когда его команда играла в большинстве, снова сравнивает счет.

Часы продолжали отсчет времени, и было очевидно, что игра закончится со счетом 3:3. Однако за три с половиной минуты до конца игры Борис Михайлов и Гэри Бергман удаляются за изрядную потасовку в углу, после чего русские уходят в защиту. Оставалось примерно две минуты до финального свистка, когда Савар завладел шайбой в середине площадки и отдал пас Хендерсону, находящемуся впереди. Пол пересек синюю линию, сделал обманное движение вправо, ушел влево, оставляя защитника Геннадия Цыганкова где-то в Ленинграде или в Киеве, и вышел на Третьяка. Как только вратарь откатился назад, Хендерсон направил шайбу выше правого плеча Третьяка – прямо под верхнюю штангу – и зажег красный свет. Хендерсон распластался на льду, Третьяк тоже. В течение последних двух минут Тони Эспозито буквально спасает ворота, наша команда успешно сражается в меньшинстве – и счет в серии сравнивается: каждая команда имеет по 3 победы, 3 поражения и по ничьей.

У меня были смешанные чувства, когда я шел по коридору в раздевалку. Конечно, я был счастлив, что мы выиграли, но теперь я понимал, что надо выигрывать и последнюю игру. А в воротах буду стоять я. Эх, можно было бы так чудесно, без напряжения, провести оставшиеся два дня! Я нервничал, в то время как все остальные канадцы торжествовали победу. Они даже распевали «Звените, колокола!» Нет, я не мог разделить с ними радость победы в данную минуту.

Я вошел в раздевалку, чтобы поздравить ребят. Прежде чем я смог открыть рот, один из игроков крикнул мне: «Лучше готовься к четвергу, верзила!» Он хотел пошутить, и мы оба рассмеялись, но осадок все-таки остался. Не кому-нибудь, а мне придется понервничать эти два дня. Я вышел, чтобы встретить Линду. В руке я держал амулет – игрушечного вратаря, которого мне перед игрой подарила дочь работника австрийского посольства. Может быть, если я заведу себе игрушку, она поможет остановить русских в четверг вечером?

Советская пресса снова обрушилась на нас за то, что она называла «неприкрытой грубостью». «Советская Россия» обвиняет наших игроков в жестокости за то, что защитник Рагулин «получил травму» и вынужден был играть с «пластырем» на лице. «Харламов не играл вчера вечером из-за травмы, – писала газета, – которая была вызвана настоящей охотой, организованной за ним канадскими хоккеистами в шестой игре». Описывая второй период, когда обе команды довольно часто посещали скамью штрафников, Виктор Синявский писал: «Казалось, что ледяная площадка стала больше. Причина этого заключалась в том, что скамейка штрафников не пустовала». Но что мне больше всего понравилось в его заметке, это описание потасовки Бергмана и Михайлова: «За несколько минут до окончания игры канадцы начали драку. Судьи приняли странное решение: Бергман, начавший драку, покинул лед, а за ним и Михайлов». Я же видел, как Михайлов подъехал к Бергману в момент, когда Гэри пытался прижать шайбу к борту, и несколько раз ударил Берги по ноге.

Но больше всего удивила меня фраза, сказанная Бобровым. Говоря о победном голе Хендерсона, он заметил: «Цыганков стоил нам игры». Не «защитник стоил нам игры» – «Цыганков стоил нам игры». Выходит, команда выигрывает, а игрок терпит поражение. Странно.

Я просыпался и ворочался всю ночь, и даже во время завтрака не смог избавиться от напряжения. Фил Эспозито, проходя мимо, обронил: «Тебе, мальчик, придется постараться завтра вечером». Он имел в виду только хорошее, я знаю это, но тем не менее и здесь было то же самое. Никто никогда не идет к защитнику или нападающему, чтобы сказать: «Ты должен выиграть для нас». Идут к вратарю. Если • вратарь не вносит свой вклад в общие усилия, команда обычно проигрывает. У нападающего или защитника могут быть плохие вечера, а команда может выиграть, потому что какой-то другой форвард или защитник в этот вечер был в ударе.

Во время тренировки мои ноги были резиновыми, как две губки, а руки скованы. Голова моя была безнадежно занята мыслями о «завтрашнем вечере». Когда же наконец наступит этот завтрашний вечер и все будет позади? Мне надо было отвлечься. Поэтому остаток дня я провел, гуляя по Москве с Линдой, Бобом Льюисом из журнала «Тайм» и переводчицей, молодой женщиной по имени Ирина, которая несколько недель как стала матерью, и это был ее первый рабочий день

после отпуска. Вначале она была весьма холодна с нами, но постепенно наши отношения стали более дружественными. Она повела нас на Новодевичье кладбище, самое большое в Москве. Кладбище! Самое подходящее место по моему нынешнему состоянию духа!

Когда мы проезжали по Ленинским горам, осматривая сверху стадион имени В. И. Ленина и город, мы увидели сборную команду СССР по прыжкам с трамплина. Вчерашний снег уже растаял, но прыгуны тренировались на восьмидесятиметровом трамплине, дорожка которого была сделана из полиэтилена.

Вечером мы с Линдой пошли посмотреть балет «Анна Каренина» по роману Толстого. Мы сидели в первом ряду балкона, чуть выше уровня партера, и у нас была прекрасная возможность наблюдать чудесное выступление примыбалерины Советского Союза Майи Плисецкой.

28 СЕНТЯБРЯ

Меня охватил панический страх: вдруг я съел что-нибудь недоброкачественное и заболею. Я пытался поспать час-полтора, но лишь беспокойно метался по постели. Никогда в жизни мне не было так противно, я ни разу не испытывал подобного напряжения. Уже два дня я ужасно нервничаю. Даже когда я занят тем, что не имеет никакого отношения к хоккею, охватившее меня чувство не проходит: у меня подводит живот, деревенеют ноги, мной овладевает страх. Когда я иду по улице Горького к Красной площади, чтобы подышать свежим воздухом, я стараюсь делать глубокие вдохи и успокоить расхолодившиеся нервы.

Эй, еще ведь надо провести игру. Она состоится. И играть надо как следует. Нервничая, ты только навредишь себе. Успокойся, пожалуйста... Но когда обращаешься к самому себе, беседа получается односторонней. Я старался убедить себя, что это самая обыкновенная, хотя и важная игра.

Ведь я участвовал в финалах национального чемпионата колледжей США, играл в седьмом и финальном матче на Кубок Стэнли. Чего же так волноваться сейчас? К сожалению, мой собеседник не внял увещаниям. Мое тело просто отказывалось воспринимать доводы рассудка. Я стал нервничать еще больше.

Поднявшись наверх, чтобы захватить кое-что у себя в комнате, я услышал телефонный звонок. Звонила наша переводчица Ирина. Она попросила позвать Линду, а когда узнала, что ее нет в номере, предложила встретиться в вестибюле. Спустившись, я узнал, что Ирина приготовила нам подарок: миниатюрную, ручной работы шахматную доску. Я был тронут до глубины души и не знал, как ее благодарить.

Затем все вместе мы отправились на стадион. На стенах и стульях в коридоре у наших раздевалок громоздились кипы телеграмм с добрыми пожеланиями от болельщиков. Одну из них, от моих университетских товарищей, я положил в свой шкафчик. В ней говорилось: «Отличная игра в воскресенье, но не забудь, что в четверг коммерческие ассоциации». Будь я сейчас в Монреале, я

бы, наверное, сидел на лекции о коммерческих ассоциациях. Но я в Москве, и всего через час начнется игра. Мне никогда не было так приятно слышать о коммерческих ассоциациях. Но что это там говорит об игре Гарри Синден? «Сегодня будет величайшая в истории хоккейная встреча...» Что ж, дай бог.

В раздевалке, да и на льду во время разминки ребята не так энергично меня подбадривали, как перед шестой встречей. Если учесть мое состояние, то отсутствие избыточного внимания к моей особе было для меня большим облегчением. В прошлый раз Кен Драйден вызывал у них беспокойство, вот они и старались. Теперь же я вроде вернулся из небытия, и подбадривать меня было ни к чему.

Когда мы выкатились на лед, три тысячи канадских болельщиков начали скандировать: «Да, да – Ка-на-да! Нет, нет – Совьет!» С других трибун раздался пронзительный свист и мощное «шайбу, шайбу, шайбу!» Состоялось представление игроков, прозвучали государственные гимны, и мы обменялись сувенирами в центре льда. Мы подарили советским хоккеистам огромные тexasские шляпы, и Харламов, который уже оправился от травмы, тут же надвинул ее на себя и покатил к своему борту. Игра началась.

Я всегда люблю остановить пару шайб в самом начале игры, и русские любезно предоставили мне эту возможность, совершив два мощных броска в течение первой минуты. Оба раза я без труда поймал шайбу, и мои нервозность и напряжение исчезли без следа. Но скоро по своей собственной вине мы попали в беду. На третьей минуте игры Батя наказал Билла Уайта за подножку, а тридцать шесть секунд спустя Компалла отправил на скамью оштрафованных Питера Маховлича за задержку игрока. Почему? В чем дело? Надо успокоиться, ребята. Похоже, что мы здорово влипли. Русские прекрасно организовали штурм наших ворот, точно передавая шайбу в нашей зоне. Кто-то совершил бросок. Я отбиваю шайбу левым щитком, но она отскакивает к Якушеву (о, почему он не заболел гриппом?!), который тут же посылает ее в ворота. Русские повели 1:0. Через минуту или около того мы стали свидетелями поразительной несогласованности между судьями, напоминавшей шведский инцидент. Жан-Поль Паризе весьма агрессивно «опекал» у ворот одного из советских форвардов. Находившийся ближе всех к месту происходящего Компалла показал жестом, что нарушения нет и игра может продолжаться. Но Батя, который стоял примерно в пятидесяти футах в стороне, поднял правую руку и указал на Паризе, что означало двухминутный штраф.

Естественно, что, когда шайба попала к нам и Батя свистком остановил игру, Паризе буквально взорвался. Как, впрочем, и все наши полевые игроки, и те, кто находился на скамейке. Жан-Поль кинулся с руганью к судьям. Батя немедленно назначил ему десятиминутный штраф за недисциплинированное поведение. Жан-Поль совсем потерял самообладание, взметнул кверху клюшку и хотел было обрушить ее на борт между Батей и Компаллой. К счастью, он во время остановился, но успел перепугать всех окружающих, включая самого себя. Потрясенный этой сценой, Батя удалил его со льда до окончания игры.

Наши на скамье совсем вышли из себя. Кто-то даже швырнул на поле стул. Все как с цепи сорвались. На лед полетели полотенца, перчатки, клюшки и шайбы. Канадские болельщики

скандировали: «Поехали домой, поехали домой». На противоположной трибуне Иглсон перебрался через ограждение и побежал вдоль борта к нашей скамье. Тем временем группа милиционеров плотным кольцом окружила скамью для оштрафованных. В общем, картина была пренеприятная.

Все это время русские хоккеисты сидели на своей скамье и на борту, со скучающим видом наблюдая за происходящим. Глядя на все это, я со страхом подумал о возможных последствиях. У нас еще пятьдесят шесть минут игры, это очень много, хоть они и на гол впереди. Надо успокоиться. Прийти в себя. Я легко представил, как русские забивают еще один или два гола, воспользовавшись нашим трансом из-за удаления Паризе. Поэтому я подъехал к нашей скамье и старался успокоить расхोлившихся ребят. К нашему счастью, на уборку льда ушло минут пятнадцать, за это время страсти несколько углеглись, и, когда игра возобновилась, мы окончательно пришли в себя.

Две с половиной минуты спустя нам повезло. Батя заметил, что Геннадий Цыганков придержал кого-то у своих ворот, и отправил его с поля на две минуты. А через семнадцать секунд Фил Эспозито сравнял счет, послав шайбу в ворота Третьяка с самого пятачка.

Странно. Все семь предыдущих игр судьи игнорировали нарушения, которые мы квалифицировали как неправильную блокировку игрока. А сейчас наказания за атаку соперника, не владеющего шайбой, посыпались одно за другим. На десятой минуте первого периода Рон Эллис, еще после Виннипега получивший задание опекать Харламова по всему полю и с тех пор не давший ему забить ни одного гола, отправился за борт за неправильную блокировку своего подопечного. Через девятнадцать секунд такое же наказание получил Владимир Петров. На тринадцатой минуте Батя отправил на скамью для оштрафованных Курнуайе за блокировку Мальцева. Пять нарушений менее чем за тринадцать минут.

Когда Курнуайе отбывал наказание, Лутченко броском издали вывел свою команду вперед: меня заслонили, и я увидел шайбу, лишь когда она влетела в ворота. Мы продолжали оказывать давление, и за три минуты до конца периода Брэд Парк – это была его лучшая игра – в центре овладел шайбой и послал ее Жану Рателлю. Четко пасуя друг другу, оба «рейнджера» ворвались в зону защиты противника по правому краю. Рателль сделал небольшую паузу, выманив на себя защитника, а затем передал шайбу Парку. Тот чисто обыграл Третьяка, выйдя к воротам с правого фланга, и послал шайбу в сетку над правым плечом вратаря. Классический гол. Счет стал вновь ничейным.

Я уже говорил, что ограждение торцов ледяного поля в Лужниках сделано из сетки, а не из стекла. В начале второго периода Якушев сделал сильный бросок в сторону ворот футов с сорока пяти. Шайба шла явно мимо ворот, и я мог поступить двояким образом: либо выйти из ворот, поймать шайбу и отдать ее своему защитнику; или же остаться в воротах, проследить за отскоком, а затем играть по обстоятельствам. Первый вариант опасней, он связан с известным риском: случается, что шайбу не перехватишь, она отскочит от перчатки и закатится в ворота. В общем, мне показалось, что в данной ситуации шайбу ловить не стоит. Бросок состоялся.

Шайба ударила о туго натянутую сетку и отскочила, словно пущенная из рогатки, едва не угодив мне в затылок. Если бы я не увернулся, она от моего шлема влетела бы прямо в ворота. А так она отлетела в поле футов на двадцать пять – прямо на клюшку Владимира Шадрина. Щелчок! И мы опять проигрываем 2:3. Ну и расстроился же я.

Хуже всего с этой сеткой то, что никогда не угадаешь, как она себя поведет. Во время тренировки мы с Тони и Э. Дж. тщетно пытались разобраться, как от нее отскакивает шайба. Так к единому выводу и не пришли. Когда она попадает в натянутый участок возле стоек, то летит обратно, словно бумеранг. Но каждый бросок так отличается по силе, высоте, вращению и скорости, что поведение шайбы заранее предугадать невозможно. Надо было мне перехватить эту проклятую шайбу.

Итак, мы опять проигрываем, но не сдаемся. Вскоре прекрасно сыграл «бешеный пес» Род Джилберт, и счет стал опять равным. Род несколько секунд обрабатывал шайбу у борта справа от Третьяка между синей линией и линией ворот. Не знаю, почему русские не атаковали его. Тем временем наш правый защитник Билл Уайт проскользнул по правому краю к самым воротам, и Род выложил ему на клюшку идеальный пас. Третьяк был бессилен что-либо сделать против броска Уайта.

3:3. Обычно в подобных ситуациях моральное состояние команды зависит от умения вратаря спасти ворота. В первый раз мне это удалось, когда я взял шайбу от Бориса Михайлова, вышедшего к моим воротам вдвоем с товарищем против одного нашего защитника. Это меня здорово вдохновило, и я лишь надеялся, что остальные ребята испытали то же. Но после следующего вбрасывания русские снова добились успеха. Фил Эспозито резко опередил Петрова, и наши крайние нападающие бросились в зону противника, обнажив свои фланги. Однако шайба непостижимым образом попала на клюшку к Шадрину. Ее мгновенно получил в центре этот Якушев и послал в угол ворот. Счет стал 4:3. А еще через несколько минут они в третий раз взяли мои ворота, играя в большинстве, и довели счет до 5:3. И опять подготовил его Якушев. Он почти двадцать секунд раскатывал с шайбой в нашей зоне, дожидаясь, куда его товарищи не займут удобное положение. Затем отпасовал шайбу подоспевшему защитнику Васильеву. Продержав шайбу несколько секунд, Васильев отошел от борта слева от меня и под острым углом бросил шайбу в самую гущу игроков, рассчитывая, что она отлетит от кого-нибудь в ворота. К сожалению, так и произошло: шайба скользнула по чьим-то коленям и влетела в ворота. БЕДА. Теперь, чтобы победить, нам надо забросить минимум три шайбы.

Минуту спустя, выйдя втроем против одного, русские снова едва не забили гол, но Шадрин послал шайбу прямо мне в щитки. Случись такая ситуация в Монреале четыре недели назад, гол был бы неминуем. Выходы втроем против одного русские разыгрывают идеально. Игрок, находившийся в центре, передал шайбу направо, а тот в свою очередь послал пас через линию ворот Шадрину. В первой игре в Канаде, когда я еще играл на выходах, я бы выскочил навстречу либо первому, либо второму игроку, а третий делал бы что хотел. Теперь же я ворот не покинул и, когда шайба попала к Шадрину, я инстинктивно переместился в воротах в его направлении. Пожалуй, это был мой лучший маневр за все игры.

Однако несколько секунд спустя еще лучше сыграл Фил Эспозито. Юрий Блинов овладел шайбой и прошел вдоль ворот. Я переместился вслед за ним, а он послал шайбу в незащищенную часть ворот позади меня. Но тут буквально в футах от линии ворот шайбу перехватил появившийся нивесть откуда Фил Эспозито. Поистине эти Эспозито прирожденные вратари!

Несмотря на все, настроение у нас было отнюдь не паническое. Тони Эспозито сказал в раздевалке: «Эй, если они смогли забросить мне в одном периоде пять шайб, уж какнибудь мы забьем Третьяку три». Однако, чтобы обрести уверенность, нам надо забросить хоть одну шайбу в самом начале периода. Это помогло бы нам, кроме всего, избежать губительной ситуации, когда все рвутся в наступление, забыв о защите.

И Фил забросил эту шайбу. Заняв место Паризе на левом фланге, Питер Маховлич объехал ворота и выдал резкий пас Эспозито, который находился на своей любимой точке футах в десяти напротив Третьяка. Как заправский бейсболист, Фил поймал шайбу рукой и точно сбросил ее себе на крюк. Третьяк не мог ничего поделать, и мы снова заиграли вовсю. Теперь игра была нашей, и до конца периода я практически выступал в роли зрителя, наблюдая, как обстреливают ворота Третьяка буквально со всех точек поля. В конце первой десятиминутки мы едва не сравняли счет, когда Жан Рателль послал шайбу мимо пустых ворот.

Секундомер отсчитал 12 минут 56 секунд, когда Айвэн Курнуайе сравнял счет. Но что это?... Парк остановил шайбу у синей линии и послал ее к воротам Третьяка. Эспо изменил ее полет, и какое-то время все десять игроков в зоне русских, казалось, колотили клюшками по шайбе. Вдруг она оказалась у Курнуайе, и тот пустил ее мимо Третьяка в сетку. Я все четко видел от своих ворот. Но красный свет так и не зажегся. Однако шайба побывала в воротах. Мы знали это, русские знали это. И что важнее всего, судьи на поле тоже знали.

В этот момент у штрафной скамьи, как раз напротив скамеек для запасных, началась какая-то суматоха. Видимо, разгневанный на то, что судья у ворот не зажег красный свет, Иглсон перебрался через ограждение и попытался прорваться через оборонительный заслон милиции. Потом он говорил, что «хотел добраться до судьи у ворот и всыпать ему как следует. Мы наконец сквитали счет в самой важной из когда-либо игравшихся хоккейных встреч, – рассказывал он, – а три тысячи наших болельщиков и двадцать миллионов телезрителей в Канаде не знают, что происходит». Милиционеры окружили Иглсона, взяли его под руки и стали выпроваживать из зала.

Первым, кто обратил на это внимание, был Питер Маховлич. Размахивая клюшкой, он бросился к борту, за ним по льду бежали еще восемнадцать хоккеистов, Синден, Фергюсон, массажисты и пара ребят, не принимавших участия в этой игре. Кто-то перелез через борт и вырвал Иглсона из рук милиции. Окружив Ала, все они затем отправились через лед к нашей скамье.

И тут мной снова овладело знакомое чувство. Мои мышцы напряглись до предела. Следующий гол, несомненно, будет решающим.

Напряжение у всех достигло высшей точки. Из последних семи минут игры я запомнил только один момент: за тридцать четыре секунды до конца Пол Хендерсон забрасывает гол. Я до сих пор помню, как наши вошли в зону русских, а на часах оставалось меньше минуты игры. Шайба ударилась в борт, к ней бросились Эспозито и Курнуайе. Тем временем Хендерсон, опекаемый русской защитой, занял место у ворот Третьяка. И вдруг шайба летит из угла прямо на клюшку Хендерсону. Пол бросает. Я вижу, как шайба входит в ворота. Я видел, как она вошла! Но свет опять не зажегся. Однако и теперь ни у кого нет сомнения, что шайба побывала в воротах.

Хендерсон заскакал по льду, и мы под оглушительные крики зрителей бросились к Полу, чтобы поздравить его. Ну, дела! Как здорово этот парень выручает нас в трудную минуту! Он забросил решающую шайбу в шестой игре. На последних минутах седьмой встречи его гол тоже был решающим. И вот сейчас он забил победный гол за тридцать четыре секунды до конца решающей игры этих международных соревнований. Не помню, когда в последний раз я покидал ворота, чтобы поздравить кого-нибудь на противоположном конце льда. Сейчас я, наверное, установил рекорд в спринте на сто восемьдесят футов в полной вратарской экипировке и присоединился к толпе, окружившей Хендерсона.

Но тут я вспомнил, что до конца игры осталось тридцать четыре секунды. Ведь на прошлой встрече русские умудрились за девять секунд забросить две шайбы. Эти секунды были для меня самыми долгими в жизни. Они показались мне тридцатью четырьмя днями, но после всего пережитого мы не собирались уступать победу. Мы оборонялись как одержимые, ни разу не дав им как следует бросить по воротам. Конец, 6:5. Наши болельщики поют «О, Канада» и машут флажками. А потом начинают скандировать: «Мы – номер один! Мы – номер один!»

В раздевалке игроки, их жены и официальные лица тоже вдруг грянули «О, Канада». Я не принадлежу к числу сверхпатриотов и не люблю размахивать флагом, но и мне показалось, что пение национального гимна тогда в раздевалке было вполне уместным.

После этой вспышки эмоций ребята вдруг как-то сникли. Мы были истощены и морально, и физически. У нас больше не было сил. Я оглядел ребят: у всех свитеры промокли от пота... Я испытывал чувство гордости за всех нас. Шесть недель назад мы были едва знакомы, а сейчас я знал каждого как родного.

Мы поехали в гостиницу на ужин и там отметили победу нашей команды. Именно – команды. По ходу встреч становилось ясно, что тридцать пять отдельных игроков превращаются в команду. Чтобы стать командой, нужно, по-моему, пройти через трудные испытания и неприятности. Мы это сделали. И сейчас мы были искренне и глубоко рады друг за друга. Через неделю почти все мы окажемся в разных командах и снова будем сражаться за разные цвета. И наверное, наши схватки будут еще жарче, потому что так ведется у друзей. Но нас объединяет нечто важное, и это великое чувство останется с нами надолго.

Все уже позади. И все уже сказано. Но нам еще предстоит ехать в гостиницу «Метрополь» на прием, устроенный русскими для обеих команд. На нем присутствовали шесть или восемь

советских хоккеистов, и мне очень хотелось поговорить с ними. Где же Ирина? Кто мне поможет побеседовать с этими ребятами? Беда в том, что мы так и не познакомились с русскими хоккеистами поближе. Но мы все равно достаточно хорошо узнали многих из них. Готов держать пари, что до первой игры в Монреале большинству наших хоккеистов были знакомы имена всего-навсего трех или четырех человек, имеющих отношение к советской сборной: Ана-, " толия Тарасова, ее старшего тренера. Анатолия Фирсова, который из-за травмы колена и по соображениям возраста так и не смог с нами встретиться, и, может быть, защитника Александра Рагулина, лет десять выступавшего за сборную. А сейчас имена Якушева, Мальцева, Харламова, Лутченко и Третьяка куда как хорошо нам знакомы. Они звучат как Маховлич, Опп, Эспозито, Рателль и Халл. Мы знаем также и Васильева, и Цыганкова. Прощаясь с ними мы жестаами пожелали друг другу удачи, подняв кверху большой палец.

По-моему, у русских отличная хоккейная команда, и я глубоко их уважаю. Нам необыкновенно повезло, что мы выиграли эту серию встреч, поверьте мне. Но чем становилось позднее, тем явственней сказывалось влияние выпитого шампанского, и вот уже кое-кто из наших болельщиков стал высказывать иные мысли. Я своим ушам не верил...

«Сыграй мы с ними в середине сезона после ряда своих игр, мы бы могли одержать все восемь побед».

«Русским было бы не под силу провести на таком уровне все семьдесят восемь игр первенства НХЛ, а затем игры на Кубок Стэнли».

А я думаю о том, какой трудной была эта серия встреч, насколько больше, чем когда-либо прежде, пришлось работать нашим игрокам и как нам повезло, что мы выиграли серию со счетом игр 4 – 3 – 1 благодаря голу, забитому за тридцать четыре секунды до конца матча. И вот теперь кто-то сомневается в силе русских. Хотя мы и победили в трех последних играх, наш перевес был всего в одну шайбу. А теперь мы болтаем вздор о каком-то нашем превосходстве. Это омрачило радость победы. Подобная болтовня совсем не к месту. Что до меня, я не уверен в нашем превосходстве.

29 СЕНТЯБРЯ

Ночью я совсем не спал. Наши до утра торжествовали победу, тысячи канадцев облепили валютные бары гостиницы «Интурист», распивая шампанское и угощая им всех, кто попадался на глаза. В пятом часу утра я открыл окно, чтобы подышать воздухом, и услышал, как группа подвыпивших болельщиков распевает гимн «О, Канада». Выглянув наружу, я увидел, что они шествуют в направлении Красной площади. Уверен, что эти люди никогда не забудут своей поездки. Чтобы приехать сюда, многие из них влезли в долги, некоторым в течение нескольких лет придется расплачиваться за предоставленный кредит. Думаю, что и через десять лет любители хоккея все еще будут вспоминать гол Хендерсона, а тысяч двести канадцев станут утверждать, что лично присутствовали при этом событии. Но важнее всего, что те, кому действительно довелось побывать в России, никогда об этом не пожалеют.

А в шесть утра мы начали готовиться к отъезду в Прагу. Завтра вечером у нас встреча с чехословацкой сборной.

Когда мы ехали в аэропорт, пошел снег. На всем пути до аэропорта в автобусе то и дело слышалось слово «невероятно!», хотя обычно хоккеисты никогда не обсуждают игру, состоявшуюся накануне. Мы снова прошли таможенный контроль в рекордно короткое время. Канадский посол Роберт Форд поздравил нас с победой и зачитал приветственную телеграмму премьер-министра Трюдо.

Нашим рейсом в Прагу летел и тренер Всеволод Бобров. «Снова вот еду в «канадскую разведку», – пояснил он.

30 СЕНТЯБРЯ

Я никоим образом не хочу умалять достоинства чехов, но мы по-настоящему жалеем, что сегодня должны играть с ними. Хоть чехословацкая команда и чемпион мира, играют они хуже русских. Так что терпеть от них поражение нам совершенно ни к чему. Встреча эта ничего нам не дает. Мы не готовы к ней морально, потому что всего двое суток назад провели свою кульминационную игру с русскими и сейчас переживаем естественный спад.

Перед игрой Фрэнк Маховлич рассмешил нас своим шутивным обращением к защите: «Господа, – строго произнес он, – следите за своими чеками».

В отличие от спокойного московского зрителя четырнадцать тысяч пражских болельщиков весело и шумно реагировали на представление каждого игрока. Самый теплый прием был оказан Стэну Миките, который родился в Чехословакии и жил там до семи лет. Его мать и сейчас живет там, вместе с братьями и сестрами Стэна она находилась в зале среди болельщиков. Минуты три зрители приветствовали Стэна, а тот отвечал им, раскланиваясь во все стороны. Сцена была трогательная, и Стэн даже расчувствовался.

Я стоял в воротах все три периода. В первом мы вели со счетом 2:0, но потом чехи сломили нас, и счет стал 3:2 в их пользу. Затем каким-то чудом за четыре секунды до конца игры мы им забросили еще одну шайбу. Автором гола был объявлен Жан-Поль Паризе, хотя забросил его почти с линии ворот Серж Савар, когда Гарри заменил меня на полевого игрока.

Подумать только, на какой грани мы балансируем! Какого сраму мы натерпелись бы, если бы на последней минуте не сравняли счет во второй встрече со шведами; если бы не выиграли три встречи у русских с перевесом в одну шайбу и не вырвали победу в серии всего за тридцать четыре секунды до ее завершения; и, наконец, если бы сегодня не добились ничьей на последних секундах третьего периода.

А теперь домой, в Канаду.

1 ОКТЯБРЯ

Пока наш самолет летел из Праги в Лондон, а затем в Монреаль и Торонто, у меня появилась возможность спокойно все обдумать и просмотреть старые канадские газеты. Судя по газетам, в Канаде разгорелись настоящие дебаты о поведении наших хоккеистов в Москве. Авторы многих статей считали, что мы опозорили свою страну. В своих письмах в редакции газет известные деятели осуждали наше поведение за океаном. Известный нейрохирург доктор Пенфильд заявил, что не знает, как посмотрит в глаза своим московским коллегам на очередном заседании нейрохирургов в Москве. Многие негодовали по поводу наших угрожающих и «непристойных» жестов.

Что касается меня, то многие поступки наших хоккеистов мне понятны: по существу, наше поведение было типичным для рядовой игры в НХЛ. Нам велели играть в своем стиле, что мы и делали. Русские же играют в совершенно иной манере и по этой причине резко отличаются от канадских профессионалов. Если вам не нравится стиль НХЛ, у вас есть основания критиковать нас. В противном случае ваша критика приобретает характер дешевых нападок на то, что прежде вы сомнению не подвергали. Порой наши поступки были вызваны незнанием языка противника. Не имея возможности устно разрешить неизбежно возникающие в игре конфликты, мы были вынуждены прибегать к языку грубых жестов.

Нас упрекали и в том, что команда Канады подорвала дипломатический престиж страны. Ну, я не уверен, что отношение советского народа к канадцам изменилось. В конце концов, канадские любительские команды вели себя за океаном примерно так же. Кроме того, что значат эти слова «подорвать дипломатический престиж»? Разве наше поведение повлияло на советско-канадскую торговлю? Не думаю.

Еще некоторые соображения. Во-первых, нелепо было проводить серию матчей в сентябре. Во-вторых, поездка на семь дней в Швецию была тоже нелепой. И в-третьих, нелепо было встречаться с русскими без наших лучших игроков, таких, как Бобби Халл, например.

Мне кажется, что за эти шесть недель мы все как-то повзрослели. Наша непоколебимая вера в то, что канадцы – лучшие в мире хоккеисты и что наш стиль – единственно правильный стиль лишь потому, что мы изобрели и усовершенствовали хоккей, уступила место ощущению, что и русским тоже есть чем похвастаться. Сейчас у нас, кажется, начинают понимать важность дисциплины и умения играть в пас на большой скорости. Под сомнение ставится и принятая в НХЛ система физической и морально-волевой подготовки игроков. Но вне всякого сомнения то, что и русские и канадские хоккеисты могут очень многому поучиться друг у друга.